

Абрам Григорьевич Пригожин
(1895 или 1896 - 1937?)

ГРАКХ БАБЕФ - ПРОВОЗВЕСТИК ДИКТАТУРЫ ТРУДЯЩИХСЯ **очерк из истории социализма**

М.: издание Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова. 1925

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ВВЕДЕНИЕ

I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и РАБОЧИЙ КЛАСС к КОНЦУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Французская промышленность в результате «издержек революции»
2. Эпоха термидорианской реакции
3. Положение рабочих в эпоху Директории
4. Политические настроения рабочих и городской бедноты

II. В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

1. Детские и юношеские годы Бабефа
2. Переписка с Дюбуа де Фоссэ

III. ПОД ЗНАКОМ «АГРАРНОГО ЗАКОНА»

1. В ногу с третьим сословием
2. «Постоянный кадастр»
3. «Пикардийский корреспондент»
4. Письмо к Купэ
5. Дело о «подлоге»

IV. НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ЯКОБИНЦЕВ

1. «Газета свободы печати»
2. Процесс Карье
3. «Народный трибун»
4. На пути к оформлению своего общественного идеала

V. ЗАГОВОР РАВНЫХ

1. Клуб «Пантеона»
2. Тайная организация у Амара
3. Тайная Директория общественного спасения
4. Подготовка восстания; арест, судебный процесс и осуждение заговорщиков

VI. БАБУВИЗМ

1. Под знаменем коммунистической революции

2. Принципы коммунистической власти будущей республики
3. Философия бабувизма
4. Общественный базис бабувистов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ

I. В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

II. ПОД ЗНАКОМ «АГРАРНОГО ЗАКОНА»

1. Критика «Общественного договора»
2. Роль общественных предрассудков и отсутствия воспитания в современном обществе
3. Воспитание, его революционное значение
4. Аграрный закон и политическая демократия

III. НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ЯКОБИНЦЕВ

1. Против системы «обезлюдения»
2. Две республики, буржуазная и демократическая

IV. БАБУВИЗМ

1. Французская революция - последний этап к коммунистической революции
2. Коммунизм - цель революции
3. Демократия есть всеобщее благосостояние
4. Манифест плебеев
5. Пагубное для трудящихся последствие капитализма
6. Демократическая конституция - надстройка над плебейскими учреждениями
7. Революция и контрреволюция
8. Частная собственность есть категория историческая, а не вечная
9. Законы буржуазии - кодекс грабежа
10. Пропагандистская брошюра
11. Манифест Равных
12. Содержание учения Бабефа, объявленных директорией вне закона за проповедь правды
13. Проекты декретов законодательства Равных
14. письмо Бабефа Исполнительной директории
15. Новая песня для населения предместий

ЛИТЕРАТУРА

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2012**

Некоторые тематически связанные материалы

К введению и главе I:

Ю.Кучинский. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79346554.htm>

Ф.Потемкин. Промышленная революция во Франции. Т.I. От мануфактуры к фабрике. Т.II. Положение трудящихся масс и социальные движения

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p145541927.htm>

Е.Кожокин. История бедного капитализма. Франция XVIII - перв.пол. XIX в.

<http://narod.ru/disk/20002006000/kozhoikin.pdf.html>

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57335227.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57829096.htm>

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p77378626.htm>

Е.Тарле. Жерминаль и прериаль

http://narod.ru/disk/48379749001.400aad125048454551ea4728ad72972f/germinal_prairial_tarle_1957.pdf.html

О Бабефе и бабувизме:

Ж.Фукар. Родители Бабефа

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p166014729.htm>

В.Далин. Начало политической деятельности Бабефа

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p147523742.htm>

М.Домманже. Бабеф и заговор равных

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p74039596.htm>

П.Щеголев. Заговор Бабефа

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

В.Далин. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p101992652.htm>

Г.Черткова. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p165972412.htm>

В.Далин. Социальные идеи Бабефа накануне революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p133466654.htm>

А.Деборин. Социально-политическая доктрина Гракха Бабефа

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p169014283.htm>

В.Волгин. Великая французская революция и социализм. Идеологическое наследие бабувистов

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p86307596.htm>

А.Собуль. Секционеры и бабувисты, их социальный состав

Ж.Дотри. Бабувистская традиция после смерти Бабефа и до революции 1830 г.

Ж.-Р.Сюррато. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории (1796—1798)

С.Бернштейн. Необабувистская печать 1837—1848 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p166014729.htm>

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа имеет своим первоначальным источником доклад, прочитанный на эту же тему в семинарии товарища В. П. Волгина по „Истории социализма“, в Институте Красной Профессуры. Отсутствие в марксистской литературе, вообще, и в русской, в частности, исследования о великом „провозвестнике диктатуры пролетариата“, а также не совсем правильное освещение роли бабувизма в истории развития коммунистической мысли со стороны некоторых исследователей побудили автора расширить свой доклад до предлагаемого вниманию читателя очерка.

При изложении биографических данных Бабефа, а также истории „Заговора Равных“ автор пользовался уже имеющимися исследованиями на этот счет (Е. В. Тарле: „Очерки и характеристики“, СПб., 1903; его же монография: „Рабочий класс во Франции в эпоху революции“, т. II, СПб., 1911 и известной работой Ф. Буонаротти, на французском и на русском — в переводе К. Горбачева — языках). Вследствие этого он считал возможным, — поскольку в его задачу входило исследование не биографических черт, а идеологического лица бабувизма, — ограничиться уже сообщенными вышеупомянутыми авторами сведениями.

Автор прекрасно сознает недостатки настоящего очерка, объясняющиеся, в первую очередь, тем, что ему пришлось в качестве первоисточников пользоваться лишь случайными газетами и памфлетами Бабефа, имевшимися в Институте им. Маркса и Энгельса. Это отсутствие полного комплекта газет Бабефа, как и полного собрания его сочинений, обнаружилось впоследствии — после знакомства с литературой о Бабефе, имеющейся в Лондонском Британском музее. Естественно, что недостающие данные из первоисточников пришлось пополнять из имевшейся под рукой литературы о данном предмете, указанной в конце настоящего очерка.

Настоящий очерк предназначен, в первую очередь, для лиц, не занимающихся специально вопросами истории социализма по первоисточникам. В виду этого автор считает необходимым в конце очерка приложить выдержки из статей, речей и писем Бабефа, инструкций, проектов декретов и манифестов, относящихся к Заговору Равных, дабы каждый читатель мог непосредственно ознакомиться с первоисточником. Прилагаемые материалы составлены отчасти из извлечений, уже имеющихся в русской литературе, как например: А. Тома, „Бабеф и Заговор Равных“, СПб., 1901; Жбанков, „Гракх Бабеф — учитель Равных“, а отчасти из заново переведенных автором настоящего очерка материалов.

Автор.

Лондон, декабрь 1924 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Научный коммунизм, представляющий в настоящее время основу мировоззрения сознательного пролетариата всех стран, имеет, как известно, одним из своих источников утопический коммунизм. Творцы научного коммунизма, Маркс и Энгельс, неоднократно указывали, сколь многим они обязаны утопистам, „гениально предвидевшим и предвосхитившим много вещей, правильность которых им пришлось впоследствии доказывать научно“. Но в ряду утопистов-коммунистов одно из первых мест должно быть отведено Гракху Бабефу, — вдохновителю и руководителю „Заговора Равных“.

„Заговор Равных“, имевший своей целью превратить социальную революцию буржуазии в революцию коммунистическую, привел, по мнению Маркса, к первой в истории попытке создания „действительно активной коммунистической партии“. А провозглашенная Бабефом идея, что устранением вопроса о монархии и республике для пролетариата ни один „социальный вопрос“ еще не разрешается, должна была означать, как указывал Маркс, — „идею нового мирового порядка“.

В самом деле, Бабеф, в отличие от его предшественников, коммунистов-реформаторов, не ограничился только теоретической постановкой этих „социальных вопросов“, а попытался подойти к ним практически. В то время, как почти для всех до-революционных утопистов их общественный идеал являлся светлой мечтой, маячившей где-то в неопределенном будущем, для Бабефа проблема коммунизма являлась задачей настоящего дня, непосредственной задачей его деятельности. Мертвую схему идеального общества его предшественников-реформаторов Бабеф заменил живой схемой пролетарской организации; абстрактной теории достижения „всеобщего счастья“ он противопоставил тактику пролетарской партии и, наконец, чисто теоретической

схеме организации будущего общества Бабеф предпочел пролетарскую программу-минимум переходного периода — от настоящего общества к обществу коммунистическому.

Этот факт практической постановки проблемы коммунизма заставил Бабефа выдвинуть и разрешить теоретически ряд вопросов, которые для его предшественников — чистых теоретиков — не существовали вовсе. С другой стороны, он логикой вещей принужден был нарушить не только традиции своих учителей, но и произвести ревизию основных положений их мировоззрения в смысле отхода от старых представлений и приближения к научному их пониманию.

Еще в преддверии революции Бабеф, будучи мелким чиновником по делам землеустройства, мечтал о том времени, когда „над развалинами царства вредных предрассудков, жестокого фанатизма и опасных суеверий“ воздвигнет на благо человечества „свое славное господство здравая философия“. „Философия“ Бабефа, в период его политической зрелости, хотя и формулировала многие пролетарские требования, однако, не была идеологией рабочего класса, так как рабочий класс еще только нарождался. Учение Бабефа, появившись как стихийная реакция против вопиющих социальных неравенств, неизбежно связанных с младенческими годами капитализма, было по существу лишь проявлением революционного инстинкта этого нарождавшегося класса. В силу этого оно еще долго блуждало в „царстве предрассудков и жестокого фанатизма“.

Но, одновременно с этим, учение Бабефа не только отразило в себе все попытки длинного ряда предшествовавших ему социальных учений в деле разрешения одного из основных вопросов человеческого будущего — коммунизма, но и, перенеся проблему коммунизма из сферы абстрактных построений в сферу практического его осуществления, разрешало ряд новых вопросов коммунистической тактики и стратегии. В этом смысле оно не только получило свое историческое оправдание, но и „воздвигало на благо человечества свое славное и вечное господство“.

Мировоззрение Бабефа, сложившееся в огне Великой Французской Революции, выросло из гуманитарных тенденций социализма XVIII-го столетия на определенной базе экономических и социально-политических отношений.

I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС К КОНЦУ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Французская промышленность в результате «издержек революции».
2. Эпоха «Термидорианской реакции».
3. Положение рабочих в эпоху Директории.
4. Политическое настроение рабочих и городской бедноты.

1.

Экономическое положение Франции конца XVIII-го столетия определялось, с одной стороны, зачаточным состоянием городской промышленности, слабо развитой торговлей, начавшим слагаться parcelным земледелием и, с другой стороны, результатами тех потрясений, которые явились в итоге бурных событий Великой Французской Революции.

Господствующей формой французской промышленности еще до революции была домашняя промышленность, которой соответствовали почти полное отсутствие механических усовершенствований и низкий уровень техники. Самой развитой отраслью производства было прядильно-ткацкое: шерстяное, полотняное, шелковое и бумаго-прядильное; что касается различных отраслей металлургии, то она влачила самое жалкое существование.

Если сравнить техническое оборудование этой главной отрасли французской обрабатывающей промышленности с английской, то мы к 1790 году получаем следующую картину: согласно данным, относящимся к этому периоду, главного интенданта французской торговли, в вышеназванных отраслях была в употреблении всего лишь одна единственная прядильноткацкая машина — „Мюлл-Дженни“ в то время, как по ту сторону

канала их было 550; во Франции усовершенствованных 80-веретенных „Дженни“ не было вовсе, а в Англии их насчитывалось 20.970, и, наконец, машин Аркрайта во Франции было—8, а у англичан 143. Согласно другим данным (чиновника, заведывавшего „кабинетом машин“) еще в 1792 г. усовершенствованных „Дженни“ находилось в употреблении всего 5. Как в период Конвента, так и при Конституанте и Легислативе официально констатируется полная отсталость французской промышленности во всех областях; младенческое состояние промышленности неоднократно подчеркивается в речах ораторов различных партий, на страницах газет и в специальной литературе.

Что касается периода Директории,—периода, нас наиболее интересующего,—то в результате всех „издержек революции“ мы наблюдаем полный развал всей промышленной жизни страны. Под влиянием военных потрясений 1793—1794 г.г., господства закона о „максимуме“, о реквизициях; хронического недостатка сырья и победоносной иностранной конкуренции, отнимавшей внутренний рынок, хилая городская промышленность пришла в состояние полнейшего развала.

В период Директории к министрам со всех сторон несутся вопли о гибели промышленности. Ужасающее состояние последней кажется испуганному воображению результатом какого-то „гнусного заговора“, имеющего будто бы своей целью уничтожение всех промышленных предприятий страны.

Этот развал особенно наглядно проявился в области шерстяной и шелковой промышленности. „Ни одна отрасль промышленности не дошла до такого глубокого и трудно поправимого упадка, как выделка шерстяных материй“—доносят правительству в 1795 г. В области шелковой промышленности, в особенности в ее центре—Лионе, этот развал достиг еще более ужасных размеров. В Лионе, где ранее работало около 18.000 станков с занятыми на них 40.000 рабочих, после усмирения, осады, господства „максимума“ и реквизиций, к 1795 г. осталось едва 2.000 с грехом пополам работавших станков. Согласно докладу президента Директории Совету Пятисот, „в Лионе полный упадок производства, вследствие чего тысячи рабочих погибают от отсутствия занятий и голода“.

Такие же тяжкие времена наступили и для бумаго-прядельной и шерстяной промышленности, так что правительство при-

нуждено было взять на себя содержание промышленности; так например, постановлением 8-го флореаля IV-го года (27-го мая 1796 года) Совет Пятисот принужден был ассигновать на „вспомоществование шелковым, шерстяным и бумагопрядельным мануфактурам“ 4.000.000 ливров. В дальнейшем такое вспомоществование пришлось оказывать почти всей городской промышленности, что означало переход ее на иждивение государства.

В несколько лучшем положении оказалась добывающая промышленность.

Добыча угля, которая „по приблизительным подсчетам“ в 1794 году определялась в 2,5 миллионов метрических квинталов¹⁾, в 1795 г. поднимается до 6 миллионов 440 тыс. метр. квинталов, а в следующем году—до 11 миллионов 714 тыс. квинталов. По отчету Совета копей от 7 Термидора IV года (25 июля 1796 г.) министру внутренних дел—к этому времени в стране насчитывалось 232 действующ. угольные копи, 1.513 кузнечных горнов и доменных печей с продукцией в 1.324 тысячи квинталов литья, из которого более 889 тыс. квинт. приходилось на железо и 95 тыс. квинт.—на сталь.

Добывающая промышленность насчитывала ряд крупных предприятий, которые, несмотря на все неблагоприятные объективные условия, все же сохранились. Так, например, одна из крупнейших компаний того времени, принадлежавшая акционерному обществу Анцина (на севере Франции), сумела к концу 96-го года довести свою продукцию до размеров выше до-революционного времени и сумела свести свой баланс с довольно солидной прибылью. Шахты, принадлежавшие этой компании и занимавшие пространство в 11.851 гект.²⁾ земли, принесли по данным протоколов компании от 9-го Плувиоза III года (28-го января 1795 г.) 2.418 тысяч ливров прибыли; добыча угля этой компании, упавшая в 1794 г. до 650 тысяч квинталов, поднялась в 1795 году до 1.236 тыс. квинт., а в следующем году до 1.386 тыс. квинт.

Если принять во внимание, что добыча угля в среднем за период 1789—1794 г.г. выражалась цифрой, близкой к 1 миллиону квинталов в год, то в области добывающей промышлен-

¹⁾ Метр. квинтал=100 килогр.

²⁾ Гектар=2.197 кв. саж.

ности наблюдалась известного рода устойчивость. Этому сохранению и некоторому росту промышленности способствовало то обстоятельство, что, под влиянием разрушения городской промышленности, наблюдался большой отлив городской рабочей силы в добывающую промышленность.

Отличительной особенностью французского земледелия в данную эпоху являлась складывающаяся парцельность¹⁾ землевладения. Дробность владений, которая своими корнями уходит еще в до-революционный период, под влиянием экспроприации церковной и дворянской земли и распродажи национальных имуществ, неизменно продолжает увеличиваться. Усиленные операции спекулянтов по части перепродажи мелких земельных участков крестьянам-собственникам и народившейся буржуазии окончательно меняют аграрный облик страны.

После революции фермы в сто-полтораста и двести гектаров, эксплуатировавшиеся раньше одним собственником, дробятся теперь на двадцать, тридцать, сорок и шестьдесят частей. Наиболее крупные землевладения достигают теперь едва двадцати и двадцати пяти гектаров. Описывая состояние землевладения в V году (1797 г.), знаток сельского хозяйства, Ружье Лабержери²⁾, устанавливает, что „принцип мелкого раздробленного хозяйства получил настолько большое распространение в общественном мнении и законах, что становится положительно дурным“.

Процессу раздробления в значительной степени способствовали мероприятия правительства, направленные к покровительству мелким собственникам. Параграф 374 Конституции III года гарантировал всем собственникам неотменяемость совершенных ими покупок национальных имуществ.

Но были и обстоятельства, которые препятствовали развитию сельского хозяйства даже на мелких клочках земли,—это в первую очередь катастрофическое падение ассигнатов, все более прогрессирующее после отмены твердых цен и допущения к обращению металлических денег.

Падение курса ассигнатов пошло особенно быстрым темпом в конце 1795 года; если в начале декабря за один ливр золотом давали 185 ливров ассигнатами, то в конце этого месяца

курс ассигнатов упал до 260. Курс новых бумажных денег („территориальные мандаты“), выпущенных в апреле 1796 г., с самого начала не поднимался выше 18 ливров золотом за 100 ливров бумажками, а через месяц он понизился на 25%.

Все эти обстоятельства делали невыгодным сбыт продуктов сельского хозяйства. Кроме того, его развитию препятствовали недостаток рабочих рук и отсутствие необходимых инструментов и орудий. Дело доходило до того, что этот недостаток приходилось восполнять в 1794 г. путем ввоза из Швейцарии машин и инструментов. В виду того, что цены на эти предметы стояли чрезвычайно высокие, приходилось выписывать эти орудия производства в количестве, гораздо меньшем необходимого. Что касается недостатка рабочих рук, то его предполагали заполнять привлечением рабочих, занятых в городской промышленности. Это было уже потому не трудно осуществить, что городское население охотно покидало город, где оно принуждено было голодать, и направлялось в деревню, где оно могло быть уверенным, что получит необходимый кусок хлеба. Потребность же деревни в рабочих руках была огромная: чем хуже обстоял вопрос с орудиями производства, тем настоятельнее выдвигался вопрос об их замене мускульной энергией.

Судьба промышленности, таким образом, попадала в зависимость от того, какая часть рабочей силы останется в городе. И когда перед правительством встал вопрос, чьим интересам оказать предпочтение,—сельского ли хозяйства или обрабатывающей промышленности,—то правительство Директории так же, как и Конвент, всецело стало на сторону сельского хозяйства. Тем не менее низкий уровень сельско-хозяйственной техники, примитивное трехпольное хозяйство, а также несоответствие цен на продукты сельского хозяйства ценам городской промышленности делали развитие сельско-хозяйственного производства невозможным.

Основной чертой сельско-хозяйственного развития в рассматриваемую эпоху была тенденция к капиталистическому земледелию.

Недалеко от промышленности и сельского хозяйства ушло в рассматриваемую нами эпоху и развитие французской торговли. „Торговля Франции представляет из себя в настоящий момент развалины и обломки“¹⁾, сообщает Роберт Линде

¹⁾ Парцель—мелкий земельный участок.

²⁾ Rougier Labergerie. «Annales de l'agriculture».

¹⁾ Aulard, I. с.

в конце III года (сентябрь 1794 г.) в своем донесении Конвенту. Действительно, Директория знает не торговлю, а неистовствующую спекуляцию, распутившуюся пыльным цветом на почве недостатка продуктов и падающей валюты.

Не в лучшем положении находилась и внешняя торговля. Характерны в этом отношении значительно возросшие с 1794 года цифры импорта, при незначительно развитом экспорте, который по сравнению с до-революционным периодом (напр. с 1785 г.) упал в несколько раз.

В 1796 г. было ввезено на 194.125 тыс. франков; в 1797 г. на 353.158 тыс. фр.; в 1798 г.—на 398.248 тыс. фр. За то же время экспорт выражался в следующих цифрах: в 1796 г.—191.718 тыс. фр.; в 1797 г.—211.124 тыс. фр. и в 1798 г.—253.117 тыс. фр.¹⁾ Из предметов ввоза следует отметить в IV году импорт специально промышленного сырья на 38 мил. 864 т. франков, курительного табака 117.395 квинталов, нюхательного—немного менее 30 тысяч кв. В VI году было вывезено 78 тыс. кв. кофе и на 96 мил. франков сырья, хлопка, льна, шерсти и т. д. В качестве экспорта фигурируют в IV году продукты мануфактурного производства на 96 мил. 993 тыс. франков, из которых на 22 мил. шелковых, шерстяных и полотняных изделий, на 36 мил. вина и на 18 мил. водки.

Этот упадок торговли сказался также в незначительном по сравнению с до-революционным временем развитии собственной морской торговли. В IV году на французских судах пере-

¹⁾ За три четверти столетия, истекшие с 1715 по 1792 г. размеры внешней торговли возросли в четыре раза, а общая сумма французского вывоза и ввоза в 1787 г. определяется весьма солидной цифрой в 884 мил. ливр., из коих 310 мил. приходится на ввоз (не считая товаров, вывезенных из французских колоний) и 524 м. на вывоз (на 311 мил. продуктов земледелия и на 213 мил. продуктов промышленности). По другим данным, относящимся к тому же самому периоду, французский вывоз с 1714 года по 1785 год возрос в следующих размерах: было вывезено—продуктов сельского хозяйства на 36 мил. в 1714 г. и на 93 мил. в 1785 г.; продуктов городской промышленности на 45 м. в 1714 г. и на 123 м. в 1785; продуктов американских колоний на 16 мил. в 1714 и на 165 в 1785 г.; иностранных транзитных товаров на 6 мил. в 1714 г. и на 40 мил. в 1785 г.; в 1789 г. товарообмен с одними лишь американскими колониями Франции равнялся 296 милл. ливр., из коих 78 мил. приходится на вывоз и 218 на ввоз, причем из общей суммы ввезенных во Францию товаров в ней самой было потреблено лишь на 71 мил., остальное же было вывезено в европейские государства.

везено было всего 94 тыс. тонн при 579 тыс. тонн на иностранных судах.

Таким образом, французская торговля к началу V-го года мало чем изменилась, и оценка, данная ей Робертом Линде в III году, оставалась верной и теперь.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что экономическое положение Франции к концу Великой Революции характеризовалось раздроблением и ослаблением производительных сил, развитие которых в условиях эпохи было мыслимо лишь при переходе всей экономики страны на капиталистические рельсы.

2.

Мелко-буржуазная диктатура якобинцев, осуществившая и разрешившая стоявшие перед ней социально-политические задачи, в условиях отмеченной выше тенденции экономического развития, потеряла свой исторический смысл. Исчезли феодальные руины, крестьянская реформа обеспечивала промышленность и сельское хозяйство свободными рабочими руками, в революционное время была сохранена независимость страны от иностранного вмешательства,—все это расчистило путь и создало гарантии для буржуазного порядка на основе перераспределения собственности и заложило основы ничем не ограничиваемого капиталистического развития на основе новых классовых взаимоотношений. Колесо экономического развития повернуть назад уже было невозможно, и победившая буржуазия уже выдвинула свое знамя неограниченной промышленной свободы, а значит и угнетения трудящихся масс: „Laissez faire-laissez passer!“¹⁾.

Падение Робеспьера привело не только к тому, что Париж и вся Франция сбросила с себя мантию добродетели, которую надели на нее Сен-Жюст и Робеспьер, не только к тому, что „республика добродетели“ превратилась в свою противоположность, но, главным образом, к тому, что история на смену властвовавшей мелко-буржуазной демократии поставила власть буржуазии—класса, логикой вещей призванного ныне осуществлять как раз ту политику, которая еще недавно подставляла его под нож гильотины. Падение диктатуры якобинцев привело к вла-

¹⁾ Предоставьте свободу действий, предоставьте свободу развития.

сти буржуазию. Термидорианская трагедия наложила свой отпечаток на весь облик революционной Франции. В первую очередь изменила свою физиономию сама „демократия“.

Французский крестьянин, скованный до революции тысячами оков, был бесчисленными нитями настолько привязан к чужой земле, что даже и не помышлял о собственном владении ею или лишь робко, временами, когда становилось уже совсем не в моготу, подымал свой голос, чтобы добиться освобождения от связывающих его пут. Этот самый „Жак-простак“ стал теперь в ходе революции свободным собственником и, вследствие этого, самым ревностным сторонником порядка: он грозил обрушиться всей своей массой на всякого, кто справа или слева покусился бы на его мелко-собственническое бытие. Прежний резерв революции, одна из активнейших ее сил, выступавших в самые тяжелые дни в защиту революционных завоеваний, теперь стал не только пассивен, но и консервативен: он поднялся бы лишь при опасности возвращения феодальных сеньоров, или при попытках, имевших своей целью прямое или косвенное покушение на его клочек земли.

Соответственная „эволюция“ классовых взаимоотношений и трансформация самих классов произошла и в городах.

На улицах Парижа и других городов, перенесших так много бурь и впитавших в себя так много крови, на смену старой революционной буржуазии пришла новая, консервативная, ничего не сделавшая для революции, почти ничего не потерявшая в ее издержках, а, напротив, в процессе ее приобретшая свою власть и могущество. Выросшие в процессе спекуляций „нуво-риши“ явились выразителями надежд и чаяний крупной буржуазии, мечтающей уже не о реформах, а с нетерпением ожидающей того момента, когда можно будет без всяких стеснений пустить в оборот наворованные ею капиталы. Но не только буржуазия выглядела иначе на основе перераспределения собственности.

После уничтожения цехов и монополий в городах образовалась многочисленная армия мелких городских собственников, державшихся за свои кубышки и не думавших уже рисковать ими, участвуя в уличных мятежах. Эта крепкая мелкая буржуазия мечтает уже о сильной власти, о порядке и режиме, гарантирующем от революции как со стороны дворян, так и со стороны санкюлотов.

Надо ли говорить, что весной 1794 г. Париж и Франция оказались совершенно во власти новой аристократии, той, ко-

торая отчасти уцелела от гильотины Робеспьера, отчасти родилась вновь! Эта новая аристократия, правда, оставила Франции внешние формы республики, но под флагом республики совокупно с „нуво-ришами“ воскресила в ней власть, нравы, роскошь, разврат и все замашки старой аристократии.

Создав себе в новой государственной власти опору против могущих возникнуть покушений на устанавливающийся порядок, весь этот контр-революционный блок занялся вплотную упрочением „реальных завоеваний“ революции. Но в то время, как под влиянием успехов на поприще ликвидации революции в состоятельных кварталах Парижа царили шумные удовольствия, в предместьях его нужда доходила до крайних пределов.

3.

Эпоха Директории была периодом резкого ухудшения в экономическом положении рабочего класса и городской бедноты вообще.

Главным бичем рабочих в этот период была безработица, заставлявшая сколько нибудь квалифицированных рабочих массами эмигрировать за-границу. Уходили судостроители, уходили кожевники, мануфактуристы, и т. д. Но эмиграция могла спасти лишь немногочисленные кадры рабочих. Для подавляющего большинства этот исход не существовал. Надо было оставаться на родине и либо обрекать себя на голодную смерть, либо довольствоваться той заработной платой, какую давали. А толпы голодающих, осаждавших немногие уцелевшие промышленные предприятия, все более понижали и без того нищенскую заработную плату. Кроме того, отмена твердых цен и допущение к обращению металлических денег повели к катастрофическому обесценению ассигнатов и к сведению на нет заработной платы.

Обесценение ассигната означало столь же катастрофический рост цен на предметы первой необходимости. И, как это всегда бывает при инфляции, реальная заработная плата рабочих далеко отставала от роста дороговизны. В 1795 году парижский рабочий получал в среднем 100—120 ливров в день, между тем как фунт самого плохого хлеба стоил в то время 50—55 ливров, фунт мяса—120 ливров. Реальный дневной заработок рабочего, составлявший в 1789 году, к моменту начала революции, 125—150 сантимов, снизился теперь до 35 сан-

тимов. Но и за эти гроши не всегда можно было получить предметы первой необходимости. Во многих товарах постоянно ощущался недостаток. С другой стороны, когда в 1796 году был прекращен выпуск бумажных денег, и постепенно стали переходить на металлическое обращение, предприниматели продолжали платить рабочим бумажками. Между тем торговцы требовали в уплату за товар исключительно звонкую монету. А резервная армия рабочих продолжала изо дня в день расти.

Хозяева же на рост резервной армии отвечали систематическим удлинением рабочего дня, что опять-таки должно было означать снижение реальной заработной платы. Рабочие должны были покориться: при том положении промышленности, когда фабрики и мастерские закрывались каждый день, и при той распыленности и неорганизованности среди самих рабочих масс, какая тогда наблюдалась, никакая планомерная борьба за улучшение условий труда, никакая стачка не могла быть успешной. В тех же случаях, когда рабочим удавалось добиться некоторого повышения заработной платы, это повышение тоже не могло улучшить их отчаянного положения: чудовищно поднявшиеся цены на предметы первой необходимости в результате непрерывного падения ассигнатов и острого недостатка продуктов сводили на нет все попытки в этом направлении. На почве голода и безработицы среди парижских рабочих возникла настоящая эпидемия самоубийств.

Между тем, политика правительства была направлена к тому, чтобы еще ухудшать и без того тяжелое положение рабочих. Власти неукоснительно следили за исполнением закона Ле Шапелье о запрещении каких либо рабочих коалиций. В сентябре 1796 года Директория подтвердила запрещение рабочих союзов: всякое соглашение или действие „скопом“ признавалось преступным; более того, готовился законопроект о введении телесных наказаний для тех рабочих, которые откажутся работать на казенных предприятиях за нищенскую заработную плату; наложение рабочими каких-либо штрафов на товарищей или хозяев приравнялось законом к воровству и каралось тюремным заключением от двух до четырех лет, а бойкот — к нарушению права собственности; за оставление работы без предупреждения за 40 дней грозил штраф в 100 ливров.

С января 1795 года к безработице присоединилось массо-

вое закрытие промышленных предприятий в Париже и провинции. Хозяева же, закрывая предприятия, уверяли рабочих, что они делают это потому, что правительство „наложило на них принудительный заем“.

Бедствия рабочих в эту зиму дошли до крайних пределов. Как описывают современники, „в рабочих предместьях раздавался плач женщин из-за того, что их дети умирали с голода; начиная с полуночи, жены рабочих должны были стоять в очередях перед булочными и мясными лавками, чтобы потом вернуться домой ни с чем, так как на получаемое их мужьями жалованье нельзя было приобрести даже куска скверного мяса или хлеба, как это было в прошлые годы; безработные заполняли все улицы. Мысль рабочего растерянна и беспомощно металась от богатых хозяев к правительству, от правительства к богатым, ища виновников своих бедствий.“

Характерны в этих условиях политические настроения рабочих.

4.

В политическом отношении рабочие в эпоху непосредственно после Термидора были более апатичны и индифферентны, чем другие слои населения. „В Париже царит спокойствие“ — таково обычное донесение полиции и отзывы прессы. „Добрые граждане, — доносит один из полицейских комиссаров, — замечают западни, расставляемые перед ними злонамеренностью, и патриотизм этих граждан удерживает их от этой западни“. Если перевести это донесение с полицейского языка на язык человеческий, то окажется, что рабочие оставались индифферентны ко всякой агитации, какую пытались среди них вести. О степени царившей среди населения окраин депрессии можно судить хотя бы по их пассивному отношению к белогвардейской молодежи — „мускаденам“. Последние заполняли тогда улицы Парижа и других городов и занимались совместно с полицией избиением рабочих, пытавшихся под влиянием своего тяжелого положения ругать правительство и вспоминать времена Робеспьера. Избиваемые же не оказывали почти никакого сопротивления.

С начала марта 1795 года рабочих не перестает доносить об „иронических выражениях“ по адресу правительства, раздающихся все чаще в толпе; угроза рабочих против купцов, угрозы „будущим восстанием не прекращаются“ — доносит один

из полицейских агентов — но говорится об этом между собой в небольших отдельных группах. Возникает даже мысль идти всей массой к Конвенту и требовать хлеба и работы. Но на такой шаг все не решаются, и, что характерно, вследствие того, что комиссар полиции, к которому обратились „за советом и помощью“, „высказался против“.

Не внесли политического оживления в среду рабочих и такие важные события, как замена Конвента Директорией и введение Конституции III года. Выборы в Совет Пятисот и Старейшин прошли при полном равнодушии со стороны рабочих. Отношение рабочих к политическим вопросам лучше всего иллюстрирует следующее донесение полицейского агента, который, описывая настроение рабочих, указывает, что рабочим теперь „все равно, придут ли в Париж англичане, или шуаны, так как они не сделают народ несчастнее“. В другом рапорте доносится, что „большинство народа требует режима, при котором едят“.

Тем не менее к началу 1796 года в настроении рабочих произошел известный поворот. В Париже начало развиваться стачечное движение: печатники, грузчики, литейщики, столяры, шляпочники бросают работу, требуя повышения заработной платы или выдачи ее звонкой монетой. Правительство арестовывает вожakov, заменяя при случае забастовщиков штрейк-брехерами из солдат. В полицейских донесениях того времени с тревогой сообщается о многочисленных рабочих собраниях в Сен-Антуанском предместье для обсуждения экономических требований. Один из комиссаров полиции в донесении от 4 Фримера IV года сообщает: „Требование увеличения поденной платы было пред'явлено в большинстве крупных мастерских; рабочие доведены до нищеты“. 23 Фримера того-же года полиция наблюдала за рабочими-печатниками, собравшимися в кабаке, „чтобы обсудить свои требования о повышении и об увеличении заработка“. Кроме того, полицейские донесения все чаще начинают отмечать раздающиеся среди рабочих угрозы против „шайки, которая изводит народ голодом вот уже 18 месяцев“, а в марте 1796 года сообщается, что в Сен-Антуанском предместье рабочие начинают вспоминать „дни 14-го июля 1789 года и 10-го августа 1792 года“. Наконец, среди рабочих начинают ходить толки о необходимости поголовно перерезать всех менял и ростовщиков, махинациям которых приписывали обесценение ассигнатов. Если сюда еще при-

завить всяческие толки об „общности имуществ“, показывающие, что среди рабочих наблюдалось разочарование в буржуазной революции, то можно отметить, что приблизительно в середине 1796 года в головах рабочих смутно бродила идея какой то новой революции, которая должна, наконец, улучшить положение грядущихся.

Если не считать некоторого под'ема, наблюдавшегося с весны 1796 года, то в период, — конец Конвента — начало Директории, — рабочая масса в политическом отношении оставалась абсолютно индифферентной: под влиянием безработицы и голода рабочее население и городская беднота интересовались исключительно вопросами шкурного существования.

Такова была об'ективная обстановка, на фоне которой сложилось мировоззрение Бабефа, как идеолога парижской бедноты и руководителя „Заговора Равных“.

Но общественный идеал Бабефа созрел не сразу, а в результате длительного процесса эволюции от мелкобуржуазного демократизма к аграрному коммунизму.

Бабеф был учеником старого французского рационалистического социализма: в первую очередь эгалитарного социализма Руссо и Мабли, а затем коммунизма Морелли; кроме того, несомненна связь мировоззрения Бабефа с идеями Великой Революции. Связь с идеями своего времени сказалась, главным образом, в том, что он, подобно этим мыслителям, воспитался на идеях „естественного права“, принципы которого являлись основой всех построений этих мыслителей. Но поскольку учение об „естественном праве“, в зависимости от того положения, какое отводилось в нем частной собственности, служило исходной точкой для обоснования двух противоположных направлений — индивидуализма (так называемое „эпикуровское направление“, представителями которого были еще Гассенди, Гоббс, а затем Гельвеций, Гольбах и в особенности Руссо) и коммунизма (так называемое „стоическое направление“ — Гуго Гроций, Спиноза, Мабли и Морелли). Бабеф, прежде чем стать коммунистом, отдал дань первому направлению¹⁾.

¹⁾ Теоретики естественного права „эпикуровского направления“ черпали в естественном праве аргументацию за частную собственность: она, мол, вытекает из общественного договора, заключенного добровольно людьми для защиты неотъемлемых „естественных“ прав человека: „собственности, личности и безопасности“. Главное требование сторонников этого

Анализ эволюции идей Бабефа обнаруживает, как мы увидим дальше, два основных этапа развития его мировоззрения: — мелкобуржуазно-демократический и коммунистический, которые почти всецело совпадают с двумя эпохами исторического развития Великой Французской Революции, отделенными друг от друга переворотом 9 Термидора.

направления — обеспечение за каждым индивидуумом минимума собственности — в области аграрных требований — возможно равный раздел земли — «аграрный закон» в тех или других вариациях.

«Стоики», напротив, толкуют общественный договор, как заключительный для обеспечения за каждым индивидуумом его доли в целом, так как в «естественном состоянии» не было вовсе частной собственности и существовало «все для всех». Отсюда аргументация против частной собственности; частная собственность, по их мнению, есть категория не вечная, а историческая; их учение — теоретическое обоснование домарксовского коммунизма.

II. В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Детские и юношеские годы Бабефа.
2. Переписка с Дюбуа де Фоссэ.

1.

Франсуа Ноэль Бабеф родился 23-го ноября 1760 г. в Сен-Кантоне, в округе Пикардии, в семье мелкого служащего по сбору податей. Рождение ребенка совпало с началом всякого рода бедствий для семьи. Отец Франсуа, Клод Бабеф, лишился службы и принужден был, чтобы не умереть с голоду, взяться за сельскохозяйственный труд. Все свои детские годы маленькому Франсуа пришлось провести в нужде и уже с малых лет начать приучаться к тяжелой трудовой жизни. Так уже с 4-х лет он должен был нянчить своих братишек и сестреноч, и даже тогда, когда наступил школьный возраст Бабефа, Клод Бабеф не смог послать своего сына в школу, а должен был из-за нужды оставить мальчика дома помогать по хозяйству. Отец, обладавший небольшим запасом элементарных сведений по арифметике и немецкому языку, принялся сам учить своего сына. А жажда знания и способности у Франсуа были большие: он сам научился читать по лоскуткам разорванных печатных листов.

В шестнадцать лет он должен был уже собственным трудом добывать семье кусок хлеба, которая, кстати сказать, стала уже довольно многочисленной.

Молодой Бабеф поступил сначала в писцы к одному землемеру, но на этом месте он не удержался и через год (в 1777 г.) перешел на службу к одному помещику Бракмону, жившему в своем имении недалеко от города Руа. Несмотря на то, что Бабеф получал за свою работу гроши, он неизменно делился ими со своей семьей, для которой он всегда был нежным и любящим сыном.

В начале 80-х годов новый удар постиг семью Бабефа. Умер Клод Бабеф, оставив свою многочисленную семью на руках у сына. Перед своей смертью старый Бабеф, как рассказывает Франсуа, подзвал своих детей к постели и завещал им посвятить свою жизнь служению родине. Оставив им в наследство книгу Плутарха, он просил не забывать описываемого последним Кая Гракха, погибшего за дело обездоленных. Отец при этом сказал, что он хотел бы быть уверенным, что его дети, подобно этому великому революционеру древности, не побоятся в случае необходимости погибнуть за дело „всеобщего счастья“. Эти слова произвели на молодого Бабефа глубокое впечатление, и, пожалуй, этот факт и является причиной, почему Франсуа впоследствии выбрал себе имя Гракха. После смерти отца жизнь его стала еще тяжелее; в 1782 г. Бабеф женился.

Жена Бабефа, бывшая горничная Г-жи Бракмон, Виктория Ланглэ была лишена всякого образования—не умела даже читать, но зато она отличалась твердым характером, природным умом, способностью не теряться в самые критические минуты жизни.

После женитьбы Бабеф занялся изучением книг и росписей по земельному межеванию, чтобы затем перейти к составлению кадастровых описей в Пикардии. Успехи его в этом деле скоро дали ему возможность занять выгодную и почетную должность комиссара по межевым делам.

Здесь ему пришлось лицом к лицу столкнуться со всеми злоупотреблениями, чинимыми над незащищенным населением.

На обязанности Бабефа лежало наблюдение за точным выполнением со стороны населения всех феодальных повинностей, внесенных в феодальные „описи“. Бабеф, конечно, не годился для роли добросовестного приказчика феодальной аристократии: его служба лишь больше утвердила его в мысли о необходимости разоблачения „ужасов узурпации, совершаемой знатью“, и полного преобразования всего существующего общественного строя; поставленный охранять интересы феодальной аристократии, он сделался самым ярким ее врагом. „В пыли сеньориальных архивов—писал он впоследствии, мне пришлось открыть „эти ужасные тайны узурпации“. „Я был охранителем феодальных прав при старом режиме, вот почему я стал врагом феодализма при новом режиме!“

Все эти обстоятельства, несомненно, толкали мысль пытли-

вого приказчика в сторону отыскания способов искоренения существующего зла и радикального преобразования современного ему общества. Известную роль в этом направлении сыграло его знакомство и переписка с секретарем Арраской Академии изящных искусств, Дюбуа де Фоссэ.

В 1785 г. Арраская Академия объявила конкурс на тему, касавшуюся устройства путей сообщения в провинции Артуа. В ответ на заданную тему: „Дает ли преимущество сокращение числа дорог на территории Артуа при устройстве их достаточно широкими для насаждений“, Бабеф, несмотря на то, что был жителем другого округа, послал свою работу. Премии за это сочинение Бабеф не получил, но за то получил возможность завязать переписку с секретарем Академии, которая сыграла немаловажную роль в деле развития его коммунистических взглядов.

Из этой переписки, которую Бабеф начал вести тотчас же после отправки своей конкурсной работы, видно, что его чрезвычайно интересовали проекты коммунистического преобразования. При чем Дюбуа несомненно способствовал укреплению его симпатий, несмотря на то, что сам он был весьма далек от коммунизма.

2.

Дюбуа де Фоссэ, занятый разработкой проекта свода законов, который уничтожил бы различия в пошлинах между отдельными провинциями и являлся бы одинаковым для них всех, рекомендовал Бабефу одну из тех утопий, которые являлись обычными для того времени. Эта утопия, принадлежавшая неизвестному автору, была по словам Фоссэ „самой оригинальной брошюрой из всех существующих“. Называлась она: „Провозвестник полного преобразования мира“¹⁾. Можно без преувеличения предполагать, что знакомство Бабефа с этой утопией дало ему первый толчок к формулировке своих мыслей по преобразованию в духе коммунизма.

Утопия содержала в себе изображение (Tableau détaillé) „страданий, злоупотреблений и несправедливостей существую-

¹⁾ Полное название утопии было следующее:

„Провозвестник полного преобразования мира для торжества всеобщего блага, воспитания и счастья всех людей, или краткое изложение патристических записок о причинах существующей повсюду величайшей нищеты и средств к радикальному искоренению зла“. (Письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссэ от 8 июля 1787 г.).

щего общества“, план создания нового общества и опровержение могущих возникнуть возражений противников“.

Будущий общественный строй мыслился неизвестным автором чисто коммунистическим: общая работа всех людей, общее потребление, общее воспитание и т. д. В этой будущей республике каждый должен благоденствовать, имея все, в чем он нуждается, вплоть до элегантной одежды, домика, стоимостью в 1000 луйдоров, и хорошей еды четыре раза в день. Для осуществления этого плана преобразования существующие города и деревни должны быть сравнены с землей, и в течение 50 лет во Франции и в других государствах должны быть построены 1000 городов по две мили в окружности, 100 художественных и промышленных мастерских, 1500 деревень и 330000 сельских хозяйств.

О более детальном устройстве этих „новых республик“ нам ничего неизвестно, за исключением разве того, что они должны принести с собой на землю всеобщее блаженство. Дюбуа де Фоссэ остался весьма доволен этим проектом преобразования неизвестного автора и лишь в шутку высказал сожаление, что автор не указал способов продления человеческой жизни, дабы вечно можно было бы наслаждаться подобным счастьем. В остальном, как видно из его писем к Бабефу, он вполне серьезно относится к предложению неизвестного автора и в своем письме замечает с удовлетворением, что „при величайшем напряжении своего внимания, он не мог найти ни одного слова, по которому можно было бы предполагать, что автор шутит“.

Но Бабеф меньше всего склонен был по этому поводу шутить. Он еще готов был бы, пожалуй, шутливо отнестись к новому своду законов, интересовавшему секретаря Арраской Академии, так как он скептически относился к всяким „паллиативам“.

Новый свод законов — пишет Бабеф Дюбуа — который не внесет в нашу жизнь никаких других именованных, кроме того, что перестанет запрещать в одной провинции то, что разрешается в соседней, будет просто жалким паллиативом (Подчеркнуто мной. А. П.) против великого зла. Он не помещает тому, чтобы мои дети рождались бедными и нагими, тогда, как дети моего соседа — миллионера, с момента своего появления на свет божий, будут купаться в золоте. Он не помещает тому, чтобы этот сосед, кичась своим огромным богат-

ством, обдавал меня высокомерным презрением только потому, что я несчастный бедняк, согбенный под бременем нужды“.

Иное дело — радикальное преобразование в духе Утопии, единственно способное искоренить „великое зло“. Бабеф доволен планами неизвестного реформатора и лишь сожалеет о том, что автор этих планов умалчивает о предлагаемых им средствах. Радостно приветствует он тот момент, когда останется только одно преступление, подлежащее наказанию, а именно уклонение от общего труда, которому будут подчинены все члены общества. Его ничуть не беспокоит, что короли должны будут снять свои короны, а вся титулованная знать — свои звания и чины. Дело ведь идет о том, чтобы совершить „великую революцию“!

„Для осуществления этой цели (Преобразования в духе Утопии. А.П.) — замечает Бабеф — королям придется, вероятно, отречься от своей короны, а всем титулованным и знатым особам отказаться от своих чинов, мест и должностей. Но это, конечно, пустяки! Для совершения великого переворота необходимо произвести великие перемены. И притом, какое значение имеют все эти экстравагантные титулы? Разве они не представляют собою просто тщеславных и фантастических выражений, придуманных чванством и подтвержденных низостью? Почему нужно относиться с большим уважением к тому, кто носит шпагу, чем к тому, кто умел ее выковать? Кроме того, Бабеф, имея в центре своего внимания интересы „согбенных под бременем нужды“, не может пройти мимо того обстоятельства, что неизвестный реформатор идет значительно дальше, чем знакомый ему реформатор из Женевы — Ж. Ж. Руссо. Автор Утопии не только всецело стоит за абсолютное равенство, но он, — что особенно важно с точки зрения Бабефа, — не считает, подобно Руссо, что приобретение знаний сделало человечество несчастным, и поэтому, для достижения всеобщего счастья, необходимо вернуться в первобытное состояние. Автору Утопии удалось сочетать достоинства общественной жизни с прелестями первобытного естественного состояния, когда люди первоначально были неизменно счастливы.

„Мне кажется — замечает Бабеф — что наш реформатор идет дальше женеvского гражданина, который, как я слышал, считается большим фантазером. По правде сказать, он хорошо мечтал, но наш друг мечтает еще лучше. Подобно Руссо, он

утверждает, что, так как все люди абсолютно равны, они не должны обладать частной собственностью, а пользоваться всем сообща, так, чтобы каждый человек при своем рождении не был ни богаче, ни беднее и не пользовался меньшим почетом, чем любой из окружающих его людей. Но вместо того, чтобы, подобно Руссо, отослать нас в лесную чащу, усадить нас под дубом, заставить нас утолять свою жажду из первого попавшегося ручья и укладываться для отдыха под тем самым дубом, под которым мы сначала нашли свою пищу, — наш реформатор предлагает нам хорошо есть четыре раза в день, снабжает нас элегантною одеждой, наделяет каждого отца семейства прелестным домиком стоимостью в 1000 луидоров. Это доказывает, что он сумел удачно сочетать положительные стороны общежития с достоинствами первобытной естественной жизни“.

Как видим, Бабеф весьма увлечен идеей неизвестного реформатора. По его словам, он готов „не только кричать ему ура“, но и быть „одним из первых, который отправится заселять эту новую Республику“. Ведь новая Республика, помимо уже отмеченных достоинств, требует обязательного для всех труда, и, вследствие этого, взаимоотношения всех социальных групп должны в ней строиться на началах полного равенства.

„Если я — продолжает Бабеф — в новой Республике стану заниматься своим ремеслом писца, то я буду весьма доволен тем, что избавился от презрительного отношения людей, которые, занимаясь профессиями, признаваемыми у нас более почетными, считают себя вправе бросать на меня покровительственные взгляды, а со своей стороны мне не трудно будет относиться, как к равному, к ремесленнику, который будет меня стричь или шить на меня сапоги. Так оно и должно быть на деле. Разве существование этих полезных ремесленников не безусловно необходимо?.. Виноват ли рабочий в том, что природа не наградила его большими талантами? Должен ли он поэтому пользоваться меньшими преимуществами, чем в том случае, если бы судьба одарила его способностью управлять целой Республикой? Он сумел научиться только вязать. Не беда! Он будет готовить чулки для крестьян, для поваров, для виноделов, для производителей материй, для сапожников, парикмахеров, каменщиков, юристов, а эти в обмен будут доставлять ему хлеб, хороший стол, вино,

платье, обувь, стричь его, давать ему квартиру и обеспечивать ему общую охрану его прав“.

Здесь говорит в Бабефе не столько самолюбие, оскорбляемое теми, которые бросают на него „покровительственные взгляды“, сколько твердое убеждение в необходимости „владыкой мира сделать труд“. Если сейчас еще для будущего вождя санкюлотов причины, почему рабочий не управляет целой Республикой, объясняются отсутствием у него способностей к управлению, то уже очень скоро причины этой „неспособности“ стали для него чрезвычайно ясны. По крайней мере, уже сейчас, хотя и ощупью, он идет по пути к отысканию этих причин, перенося центр тяжести не на индивидуальные свойства личности, а на образующую эту личность объективную общественную среду.

Кроме общей картины будущей Республики, нарисованной Утопией, переписка упоминает еще о существовании на территории Республики двух законов. Во-первых, каждая вступающая в брак пара получает всегда одинаковое приданое от общества, и, во-вторых, всякий умирающий должен иметь своим единственным наследником не отдельную личность, а все общество в целом. Последняя мысль приковывает к себе внимание Бабефа, и он, несмотря на предпочтение, высказанное „автору Утопии, а не гражданину из Женеви“, становится всецело на точку зрения последнего. Представляя себе, очевидно, преобразование общества, как более или менее медленную эволюцию, Бабеф предлагает поставить во главу угла всей новаторской деятельности уничтожение наследства.

Лишь с уничтожением этого института, по мнению Бабефа, „каждый умирающий оставил бы все общество наследником всего того, что он имел; каждое дитя увидало бы себя положительно так же богатым, как и те из его братьев, соседей и всех подобных ему индивидуумов, которые должны были получить наследство“. В этой реформе залог осуществления полного равенства и всеобщего счастья.

Такова в кратких чертах программа коммунистических преобразований Бабефа, изложенная в переписке по поводу „Утопии“.

Помимо отрицательной критики существующего порядка, направленной прежде всего против „победоносного класса так называемых дворян“ (Бабеф называет их презрительно, не иначе как „так называемых“, „претендующих быть знатными“

и т. д.), программа Утопии, а вместе с ней и Бабефа, заключает в себе лишь немногочисленные намеки на положительную разработку коммунистической системы.

Тем не менее мысль о более систематической разработке этих вопросов не оставляет Бабефа; он не довольствуется случайными мыслями и выражениями в переписке и предлагает через Дюбуа де Фоссэ Аррасской Академии объявить в качестве темы на соискание премии следующий ряд проблем: „Каково должно быть при современной высоте достигнутых человечеством знаний состояние народа, социальные учреждения которого были бы устроены таким образом, чтобы среди его членов без исключения господствовало полнейшее равенство; чтобы земля, которую они населяют, принадлежала не отдельным лицам, а всем сообща; наконец, чтобы общая собственность распространялась на все предметы вплоть до продуктов различных отраслей промышленности (*jusqu'aux produits de tous les genres d'industrie*)?“

„Допускаются ли подобные учреждения естественными законами? Возможно ли существование подобного общества, и выполнимо ли практически абсолютно равное распределение?“¹⁾.

Предложив для конкурса этот ряд проблем, Бабеф старался придать интересовавшим его вопросам научную и систематическую постановку. Лично у него уже имелись готовые ответы на все заданные темы: он сообщает, что он не поставил бы этих вопросов на обсуждение, если бы не имел собственных разработанных взглядов. К сожалению, переписка не дает нам никаких указаний на этот счет. Имеются лишь указания на взгляды Бабефа по отдельным вопросам. Так, например, вопрос об обобществлении не столько земли, но и всех ее продуктов, был для Бабефа решен окончательно в положительном смысле и при этом был хорошенько со всех сторон взвешен и обдуман. Характерна в этом отношении его полемика с Дюбуа де Фоссэ по поводу аргументации уложения Фридриха II («*Le code Frédéric*») в защиту права короля на охоту и рыбную ловлю.

В своем письме от 2 июля 1787 г. Дюбуа де Фоссэ, касаясь вышеупомянутой брошюры неизвестного автора, приводит

следующий софизм в защиту права короля на охоту и рыбную ловлю, почерпнутый им из уложения Фридриха:

„Воздух и вода суть благо, общее для всех людей; поэтому все, что заключает в себе эти два элемента, птицы и рыбы, дикие и бродячие животные являются общим достоянием общества, живущего в данном месте политического организма. Кто является представителем этого организма? Его глава — король. Поэтому все эти блага принадлежат королю, и никто не может охотиться или ловить рыбу без его согласия, не платя ему известных налогов, которые он употребит на общественную пользу“.

Бабеф иронизирует над такой постановкой вопроса, разоблачает этот софизм и составляет аналогичный софизм относительно исключительного права короля на все продукты земли. „Мог ли Фридрих — восклицает Бабеф — иначе обосновать в своем уложении статью о земельной собственности?“, намекая на классовую природу феодального законодательства.

Но, как мы видели, очевидно, не только по вопросу об „общей собственности на все предметы вплоть до продуктов различных отраслей промышленности“ имелась у Бабефа продуманная точка зрения. Восторженный прием, оказанный им Утопии неизвестного автора, показывает, что он, подобно автору Утопии, конечной целью своих преобразований хотел видеть своеобразный мировой союз коммунистических Республик.

Этой перепиской и исчерпываются те данные, какие мы имеем о социально-реформаторских настроениях Бабефа накануне революции. Посмотрим теперь, какова была природа этих настроений.

Подобно всем утопистам своего времени, Бабеф основой всех своих построений делал всемогущее естественное право, проповедывавшее равенство всех людей и равноценность каждой человеческой личности, рассматриваемой исключительно с точки зрения человеческого достоинства. Уходя своими корнями в учение рационалистической философии, программа Бабефа обладает всеми свойственными последней достоинствами и недостатками.

Коммунистические новаторы начинавшейся революции, исходя из учений об естественном праве, были глубочайшим образом убеждены в том, что право собственности, в какой бы то ни было форме, несовместимо с истинным счастьем челове-

¹⁾ Письмо Бабефа к Дюбуа де Фоссэ от 21 марта 1787 года.

чества. А так как всеобщее счастье составляло цель общества, то из этой несовместимости они выводили обязанность общества уничтожить этот гибельный институт. В этом несомненное достоинство естественного права и вместе с ним и настоящей программы Бабефа. Но поскольку основой всех построений становятся „абсолюты“—идея абсолютного равенства, абсолютной свободы и т. д.—и поскольку целью общества объявляется осуществление этих абсолютных идеалов, постольку программа Бабефа носит чисто утопический характер.

Таково мировоззрение Бабефа в преддверии революции. Так преломились идеи просветительной философии своего времени в голове мелкого чиновника по делам землеустройства, мечтавшего осчастливить все человечество.

Радостно приветствовал он наступающий 1789 год, когда он готовился „сильным ударом своего собственного плеча подействовать перевороту, который опрокинет и его собственный кухонный горшок“.

Эти слова вводят нас уже в гущу революционной эпохи, когда „оружие критики превращалось в критику оружием“, когда все социальные теории должны были осмыслить развивающуюся борьбу классов, а вместе с ними и политических партий.

III. Под знаком «АГГРАРНОГО ЗАКОНА».

1. В ногу с третьим сословием.
2. Постоянный Кадастр.
3. «Пикардийский Корреспондент».
4. Письмо к Купэ.
5. Дело о «подлоге».

С началом революции Бабеф принял в ней самое деятельное участие. В решающий день—14 июля 1789 года—его можно было видеть в числе героев, бравших приступом одну из твердынь феодализма—Бастилию. Затем в процессе дальнейшей борьбы третьего сословия против клерикально-дворянской реакции он старался своей публицистической деятельностью ускорить день победы народа.

В повестке дня революции, как известно, стоял вопрос об отмене феодального строя. Третье сословие, носитель идей социальной революции буржуазии, выдвигало этот вопрос, как универсальное средство против всех социальных бедствий. „Когда эта феодальная ржавчина (*cette rouille féodale*), наконец, будет уничтожена,—говорилось в одном из памфлетов, характерных для 1789 года,—все вернется к естественному и закономерному порядку: чтобы дать хорошие законы, надо будет только обратиться к естественному разуму (?) и ввести всеобщую справедливость“.

Как известно, вопрос о победе над феодализмом сводился фактически к вопросу о сокрушении экономической мощи представителей первых двух сословий, т. е. лишению феодальной знати господствующего положения в сельском хозяйстве. Естественно, что вопрос о способе отмены феодальных прав стал в центре внимания страны.

В то время, как дворянство и духовенство по преимуществу ставили все феодальные права под защиту „святости и неприкосновенности собственности“, объявляя даже принудительный

выкуп покушением на частную собственность, и всячески саботировали и оттягивали решение этого наболевшего вопроса, крестьянство, разочаровавшись в своих надеждах на разрешение земельного вопроса Генеральными Штатами, разрешило его самолично.

Зима 1788 года была чрезвычайно суровой, в результате чего была страшная дороговизна 1789 года. Крестьянство, ожесточенное голодом, организовалось в вооруженные дружины, ставя себе целью уничтожить ненавистные им оковы феодального рабства; они нападали на сеньориальные замки, стараясь захватить в феодальных архивах документы, подтверждающие права феодалов на землю и на личность своих вассалов. Страх за будущее и озлобление раздули исконную ненависть в мощное пламя. Так, «именем Национального Собрания и короля» они воздвигали «майское дерево», под которым предавались огню все документы, подтверждающие права землевладельцев.

Возмущение в провинциях, поджоги замков, разрушение монастырей и разграбление сеньориальных ферм определили собой тот «энтузиазм», с которым все сословия в ночь на 4-е августа отказались от феодальных прав—событие, которое и поныне приводит в умиление всех буржуазных историков! Однако, великая цель аграрного движения, начавшегося в середине столетия, достигнута, конечно, не была. Предоставив крестьянству благородную роль таскать из огня каштаны для себя, третье сословие не спешило утолить вековой земельный голод народа. Льстивое дружелюбие высших сословий к народу особенно отчетливо выявилося за время, последовавшее после этого «великого дня жертв». Недаром некоторые прозорливые памфлетисты видели еще до этого великого «дня» в поведении имущих классов лишь «гримасы собственной вины и трусости».

Победители не спешили уже, как они обещали раньше, обратиться «к естественному разуму и ввести всеобщую справедливость». Естественно, что вопрос о судьбах революции не переставал волновать те массы, которые начинают себе присваивать имя «четвертого сословия». «Несчастный, но сбитый с пути народ», как говорилось о восставшем крестьянстве в успокоительной декларации, выпущенной Национальным Собранием за день до знаменитого заседания 4-го августа, по прежнему должен был весьма усердно искать «этот путь». Единственным путем, какой он мог тогда найти, был «аграрный закон».

Теория равного раздела земли, которая, начиная с середины XVIII века, завоевывает себе все большее количество сторонников, снова всплывает на поверхность политической жизни к моменту созыва народных представителей.

Исходя из того, что полный отказ от личной собственности угасит всякую энергию и, как это прекрасно выразил один из ярких представителей черного передела,—Госселэн, «подчинит имущество, жизнь и действия массы людей, предназначенных от природы к самостоятельной деятельности, небольшой кучке деспотов»¹⁾, приверженцы этой теории надеялись при помощи черного передела достигнуть «неизменно счастливого состояния». Однако, ни один из многочисленных планов создания нового общества на основе аграрного закона не был настолько выдержан, как у Бабефа. У всех его предшественников (Фоше, Госселэн, Буассель, Марешаль)²⁾ не хватало средств к поддержа-

¹⁾ Gosselin «Réflexions», стр. 44—48.

²⁾ Фоше предлагал отобрать пустующие земли и предоставить их в пользование общине на 20 лет; собственники же заброшенных земель должны были быть принуждены, в случае нежелания передать пустующие земли, снова обратить их под культуру за свой собственный счет; наряду с этими активными, хотя и мягкими мерами, Фоше вносит следующие пассивные средства ограничительных аграрных законов: 1) ограничение прав приобретения земель частными лицами, имеющими доход до 50.000 ливров земельной ренты, не лишая собственника уже имеющегося наличного владения; 2) закон о браках, по которому супруги не должны иметь сообща более 50.000 ливров ренты; родители обязаны давать в приданое своим детям лишь одну треть своего имущества; 3) закон наследования должен был требовать равного раздела наследства между наследниками, если только благодаря этому доля каждого наследника не превысит разрешенной законом нормы собственности. В последнем случае остаток наследства должен был перейти к родственникам вплоть до 5-го колена, а за их отсутствием—общине, которая после 20-ти летнего заведывания им должна была продать эти земли в общественную пользу. (Abbé Fauchet «De la Religion nationale», 1789 (3-e sect. § 4. «Lois agraires»).

Госселэн предлагал конфисковать в пользу всего народа, всю неподвергавшуюся в течение 10-ти лет обработке землю, чтобы заселить ее бедными колонистами и следуя примеру римлян, прежде всего выслужившими свой срок солдатами; во вторую очередь должны были подвергнуться равному разделу доменальные и церковные земли, которыми правительство должно распоряжаться по полному своему усмотрению. Когда и этот источник будет исчерпан, останется раздробить, скупив, разорившиеся поместий частных землевладельцев; кроме того, он предлагает правительству ежегодно жертвовать по 10 миллионов ливров на покупку всех продаваемых имений, с целью получения в свое распоряжение земельной площади, предназначенной для раздела. (Gosselin «Réflexions»).

нию здания нового общества, после того как оно будет отстроено.

Бабеф, напротив, на основе аграрного закона дает нам целую программу политических и экономических требований. Свое требование аграрного закона он изложил в опубликованной „в первый год французской свободы“ брошюре, под названием „Постоянный Кадастр“¹⁾, которая предназначалась для Национального Собрания. Занимаясь регулированием распределения податей по главному инвентарю земельной собственности, Бабеф в предисловии к Кадастру („Discours préliminaire“) развертывает философское обоснование своей программы „достижения всеобщего благосостояния“.

Бабеф, как и раньше во всех своих построениях, исходит из учения об естественном праве.

Займствуя свою аргументацию по преимуществу из произведений Руссо, Бабеф в то же время не во всем следует этому классическому теоретику идей естественного права XVIII-го века. При разработке своих теорий он охотнее обращается к состоянию, предшествовавшему общественному договору, критикуя последний в его обычной для теоретиков естественного права постановке.—Руссо и многие другие истолкователи этой теории рассматривали частную собственность, как естественную основу гражданского общества, так как человечество, мол, переходя из естественного состояния в гражданское общество, заключило общественный договор с целью охраны собственности, личности и безопасности.

Бабеф, напротив, оспаривает законность права частной собственности и рассматривает его господство, как результат несчастного, вызванного необходимостью, гражданского состояния, бедствия которого должны быть не смягчены, а совершенно уничтожены. Последнюю мысль он и проводит в предисловии к Кадастру.

¹⁾ Полное название брошюры было следующее:

«Постоянный Кадастр или Руководство к составлению такого значительного дела, как утверждение принципов постоянного справедливого распределения податей и облегчения взимания налогов посредством персонального взыскания с земельной собственности и личных доходов. С изложением метода размежевания г. Одиффрэ при помощи его нового инструмента, называемого тригонометрическим графометром — метода, более ускоренного и более верного, чем все существующие до сих пор, — с указанием расчетов, чтобы быть более уверенным в успехе такого огромного предприятия, как составление Кадастра».

Теоретики естественного права исходили из того положения, что в естественном состоянии все люди равны. Однако, под влиянием того, что даже в естественном состоянии не все люди были одинаково способны трудиться для своего благосостояния, ибо „природа—по их мнению—не каждого человека оделила одинаковой степенью восприимчивости, понимания, воображения, предприимчивости, активности“, существующее ныне неравенство имеет свое законное основание. Бабеф протестует против такого оправдания имущественного неравенства и берет под сомнение общественный договор.

„Если бы общественный договор—спрашивает Бабеф—действительно основан был на разуме, то разве он не должен был бы стремиться к устранению отрицательных и несправедливых последствий естественных законов? Если мне с помощью силы или какого либо другого средства удастся вырвать из рук моего брата добычу, которую он достал для утоления своего голода, то разве общественный закон не обязан воспрепятствовать мне это варварское деяние и внушить мне мысль, что в погоне за пропитанием я не должен касаться тех продуктов, которые присвоил себе уже другой человек для своего личного пользования? Более того, разве он не должен побуждать меня делиться выгодами от моих высших талантов с тем, кто при рождении не был поставлен в достаточно благоприятные условия и не наделен такими же способностями?“¹⁾.

Бабеф, таким образом, скептически относился к благдеяниям общественного договора. Естественное равенство было нарушено, т. к. люди видели себя вынужденными заключить между собою общественный договор. Люди думали при помощи договора обеспечить общими законами свою собственность. Так полагали и неимущие, которые, подобно всем прочим, также отказались от своего „естественного права на все“, имея в виду, что гражданские законы их обеспечат в равной мере

¹⁾ «Cadastre perpétuel». Disc. prélim., стр. XXVI и след.

Бабеф здесь повторяет аргументацию Руссо, который в «Трактате о неравенстве» говорит следующее: «Таково было или должно было быть возникновение общества и законов, которые придали новые силы богатому, безвозвратно разрушили естественную свободу, утвердили навсегда закон собственности и неравенства, искусный захват превратили в ненарушимый закон (Подчеркнуто мною. А. П.) и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли весь человеческий род на вечный труд, рабство и нищету». (Rousseau «Disc. sur l'inégalité» Oeuvres), т. I, стр. 115.

с остальными. Вместо этого гражданские законы превратились в законы для защиты узурпации со стороны богачей, или, как остроумно выразился Ленге,—они превратились в „лейб-гвардию богатых в их борьбе против бедных“¹⁾).

Бабеф, подобно Ленге, недоволен такой постановкой вопроса об общественном договоре. „Вместо этого (равного обеспечения А. П.) социальные законы доставили интриганам, хитрецам и пронырам—негодует Бабеф—возможность искусно присваивать себе общую собственность. В естественном состоянии человек запасался провизией только на день и, таким образом, оставляя и другим возможность постоянно находить все предметы, необходимые также и для них. А если бы дело обстояло иначе, если бы отдельная личность вздумала накапливать излишки, то ее товарищи сочли бы себя в праве расхитить ее запасы, для того, чтобы в корне подавить стремление, способное подать остальным пагубный пример. Но не так обстоит дело с так называемым цивилизованным человеком: он мог безнаказанно присвоить себе одному количество предметов, способное обеспечить существование тысячи его ближних. Общество не установило никаких пределов для богатства, которое дозволено приобретать отдельному человеку“²⁾. (Подчеркнуто мной. А. П.).

Все это зло произошло из за общественных предрассудков. Главным из этих предрассудков является неправильное представление о полезности многих видов труда. В результате этого некоторые занятия несправедливо оплачиваются повышенным вознаграждением в то время, как общепользные занятия не оплачиваются даже прожиточным минимумом. Все эти предрассудки покоятся на невежестве и заблуждениях. Стоит только человечеству освободиться от предрассудков, и вся жизнь примет счастливый оборот.

„С помощью ложных предрассудков—объясняет Бабеф—удалось раздуть до смешного заслуги и важность некоторых профессий, полезность которых в большинстве случаев, по правде сказать, была чисто призрачной и химерической.

„Тем не менее людям, исполнявшим эти профессии, удалось захватить в свои руки все в то время, как заработки людей действительно полезных, в виду своих, безусловно необходимых

для общества, функций, сократились до ничтожных размеров. Но этим зло не ограничилось: эти общепользные работы сделались решительно недостаточным источником для существования отдельных лиц“³⁾. „Имущественное неравенство—говорит он в другом месте—никогда не достигло бы таких возмутительных размеров, если бы люди всегда держались того взгляда, что все занятия равноценны, когда они имеют в виду общую пользу, и что не место красит человека, а добродетельный человек—место“²⁾. (Подчеркнуто в оригинале. А. П.).

Общественными же предрассудками, связанными с неравномерной оценкой труда, Бабеф склонен объяснить не только силу феодализма и „хитрую политику духовенства“, но и бедственное положение рабочих, в результате безработицы и нищенской заработной платы. Характерно, что Бабеф все эти бедствия ставит также в зависимость от развивающейся в результате развития капитализма концентрации собственности и монополизации богатств.

„Так как общественная обстановка способствовала поглощению мелких состояний крупными—объясняет Бабеф—то число рабочих чрезмерно возросло. В результате этого не только заработная плата могла быть понижена до ничтожных размеров, но огромное число граждан очутилось, кроме того, в таком положении, что не могло найти работы, даже за жалкое вознаграждение, которое было установлено деспотическими и безжалостными богачами, и на которое волей неволей принужден соглашаться искусный работник, вследствие безвыходной нужды. А между тем обычный припев купающихся в золоте людей заключается в том, что они советуют приняться за работу докучливым просителям, которые, вследствие неудовлетворения самых насущных своих потребностей, вынуждены обращаться к ним за каким нибудь ничтожным пособием... Их посылают работать. (Подчеркнуто в оригинале. А. П.). Но где взять эту работу?“³⁾.

Во всех этих рассуждениях чувствуется, в первую очередь, негодование по поводу строя, устанавливаемого „купающимися в золоте людьми“ и истекающего отсюда бедственного

¹⁾ Linguet «Théories de lois civiles» т. I. стр. 183.

²⁾ «Cadastre perpétuel.—Disc. prélim., стр. XXVI и след.

³⁾ Ib.

²⁾ Ib. стр. XXIX—XXXVI.

³⁾ Ib. стр. XXVII.

положения безработных. Но эта ненависть к успехам капитализма заставляет Бабефа обращать свой взор не к преодолению капитализма, а назад—к ремесленному строю, поглощенному ныне „крупными состояниями“; в недрах патриархального уклада цехов, по мнению Бабефа, количество рабочих было ограничено, заработная плата достаточна, и царило всеобщее довольство „искусных работников“. Вообще, тоска по патриархальному укладу цехов проходит красной нитью через все настоящее рассуждение Бабефа по поводу тяжелого положения рабочих. Тем более странным кажется утверждение Девиля, склонного вообще несколько идеализировать Бабефа, видящего в вышецитированном заявлении „проблески социализма“: оно, мол, сказывается в том, что Бабеф „занимается судьбой рабочих, что тогда было особенно редко“¹⁾. На самом же деле, под влиянием учений физиократов, а также в порыве своих сентиментальных настроений, многие из просветителей XVIII стол. в вопросе о судьбе трудящихся классов шли значительно дальше настоящих рассуждений Бабефа. Они не только занимались тяжелым положением рабочих, но иногда доходили даже до об'явления рабочего класса наиболее полезным классом общества. Замечательно, что для аргументации этого положения некоторые из них намекали на то, что рабочий класс является наиболее производительным классом общества, а остальные классы живут и существуют лишь в результате выжимания из трудящихся классов прибавочной стоимости²⁾.

Своей критикой общественного договора Бабеф имел в виду опровергнуть мысль об общественном договоре, как резуль-

тате мирного соглашения между людьми. Исходя из того, что сторонники такого толкования общественного договора считали причиной происхождения собственности мирное соглашение между людьми и, таким образом, легче всего обосновывали законность права частной собственности, Бабеф старался выдвинуть, в качестве главной причины, не добровольный отказ каждого члена общества от части своей собственности, а захват земли отдельными индивидуумами. Он стремился доказать, что частная собственность является категорией не вечной—естественной, а исторической—гражданской. Это доказательство ему нужно было для того, чтобы обосновать законность требований черного передела, одного из видов „золотой посредственности“ *précieuse médiocrité*, которая, по мнению всех теоретиков естественного права, составляет основную цель природы и сущность естественных прав. Это стремление вернуть человека к „сладкому блаженству равенства“ и занимает центральное место в настоящей политико-экономической программе Бабефа.

„Общество есть ничто иное, как большая семья (повторяет Бабеф аргументацию Морелли, но уже для обоснования не всеобщности благ, а аграрного закона), в которой все члены должны пользоваться одинаковыми правами, если только они по мере своих физических и умственных сил способствуют общему благу. Земля, наша общая мать, должна была бы делиться только на участки, находящиеся в пожизненном владении и признаваемые неотчуждаемыми, так, чтобы личное владение каждого гражданина всегда было обеспечено и неотъемлемо. (Подчеркнуто мной. А. П.¹⁾). Бабеф высчитал, что каждое из 6 миллионов французских семейств, считая на семью по 4 члена, получит при равном распределении 66 миллионов моргов культурной земли—участок в 11 моргов, который при хорошей обработке сможет обеспечить „счастливое и достойное существование (*médiocrité*). Этот надел, согласно проектируемому гражданскому уложению, должен составить неделимое и неотчуждаемое пожизненное состояние отца семейства. Для того, чтобы неравенство, как это было в Спарте, не воцарилось вновь, после смерти главы семьи не должно происходить раздела наследства. Участок отца получает младший из сыновей; что же касается других сыновей, то их, на-

¹⁾ G. Deville. «Thermidor et Directoire», стр. 11.

²⁾ Дюфурни де Виллье, говоря о положении рабочих, воскликнул: «Я спрошу, наконец, депутатов торговых городов, не вынуждены ли промышленники получать свою прибыль из разницы, образуемой разницей сырья и ценами готовых товаров, продаваемых потребителями, не заняты ли они непрерывно тем, что стесняют рабочего, отчисляют его силу, его пот, его радость, его жизнь». (Подчеркнуто мною. А. П.). Dufourny de Villiers, «Cahier du IV ordre», стр. 14—15. Ленге идет еще дальше: «Чем больше рабочий нуждается—говорит он—тем дешевле продает он свой труд... при установлении его заработной платы эти деспоты (собственники. А. П.) сообразуются со степенью его слабости. Чем яснее для них, что он погибает от истощения, тем больше они его лишают того, что поддерживает его жизнь, а в состоянии лишь отсрочить его смерть» (недостаточная заработная плата. А. П.) во «сто раз хуже, чем рабство» Linguet, «Théories de lois civiles», 1767, II, стр. 481—483.

¹⁾ «Cadastre perpétuel». «Discours prélimin.», стр. XXXI—XXXII.

чиная со старшего, должно обеспечить новыми наделами государство. Наследство бездетных получают ближайшие безземельные родственники.

Лишь приняв этот план, можно будет достигнуть неизменного „счастливого состояния“, так как „средняя норма благосостояния“ соответствует естественному порядку. И тогда не будет уже того зла, какое мы наблюдаем ныне, когда отдельный человек пользуется богатством, значительно превышающим среднюю норму благосостояния, получаемую при делении общего производства страны на количество ее жителей (подчеркнуто мною. А. П.). Это неравенство нарушает естественный порядок: ибо природа, экономно расточающая свои дары, производит приблизительно столько, сколько необходимо для жизни созданных ею существ; следовательно, отдельные лица могут пользоваться избытком лишь постольку, поскольку другие нуждаются в самом необходимом¹⁾.

Предвидя, что богатый класс будет противодействовать проведению этого плана в жизнь и по-прежнему отказываться от оказания помощи неимущим, Бабеф старается напомнить народу об его неотчуждаемых естественных правах. Согласно этим правам, как явствует из учения об естественном праве, народ мог бы сам потребовать восстановления первоначального равенства. Это требование, по мысли Бабефа, отнюдь не должно означать, что надо стремиться к преобразованию мира в смысле восстановления первобытного равенства,

„Мы не претендуем — предостерегает Бабеф — на преобразование мира в смысле полного восстановления первобытного равенства; но мы стремимся доказать, что все, впавшие в нищету, имели бы право потребовать такого восстановления, если бы богатые классы продолжали упорно отказывать в почетной помощи, приличествующей равным и не допускающей их нового впадения в то состояние оскорбительной нужды, в которую их теперь ввергли совокупные бедствия протекающих веков“²⁾.

В случае, если бы „тираническое богатство“ все же продолжало упорствовать в своем нежелании притти на помощь бедному классу, Бабеф рекомендует не останавливаться перед

тем, чтобы посягнуть на „священное право собственности“. Он далек от того, чтобы рекомендовать погибать с голоду в знак признательности за то, что большинство трудящихся классов было ограблено ничтожным меньшинством. Он верит в революционную роль насилия.

„Если большинство людей лишено всякого земельного надела, но имеет еще возможность находить себе пропитание трудом, то — спрашивает Бабеф — какое решение они примут? Они скажут, что следует уважать собственность. Но если из 24 миллионов населения 15 миллионов лишены какой бы то ни было собственности, потому что остальные 9 миллионов попрали их права и не оставили им даже возможности поддерживать свое существование, то неужели эти 15 миллионов решатся погибнуть с голоду из любви к 9-ти в знак признательности за то, что последние обобрали их до чиста? Конечно, они согласятся на такой исход не очень охотно.

Маркс в своей полемике с К. Генцем доказывал, что „собственность тоже представляет из себя власть“. В тех странах, говорил он, где буржуазия завоевала себе политическую власть, где политическое государство должно привести к господству буржуазии, как класса, над всем обществом, „утверждение, что власть господствует над собственностью теряет всякий смысл“¹⁾.

Эпоха Бабефа во Франции была как раз периодом, когда политическое господство буржуазии должно было превратиться в господство „класса над всем обществом“. Вследствие этого, вопрос об отношении к собственности эксплуататоров со стороны эксплуатируемых сводился фактически к вопросу об отношении к капитализму в целом. Бабеф, который уже тогда ставил в центре своего внимания интересы „согбленных в нужде“, был против развивающегося процесса, но он не сознавал, что в задачу трудящихся классов входит преодоление капитализма, а не отказ от него. Логическим же выводом, который он делает из высказанного им „неуважения к собственности“ 24-х миллионов, является призыв к капиталистам вернуть свою собственность народу. Таким путем думает Бабеф разрешить проблему капитализма. Этим же духом наивности проникнуты его рассуждения о революционной роли воспитания, способного, по его мнению, излечить человечество от всех зол.

¹⁾ Ib. Стр. XXXII—XXXVI.

²⁾ Ib. Стр. XXXIV.

¹⁾ «Deutsch—Französische Jahrbücher», т. II, стр. 511—512. V.

Уже раньше Бабеф объяснял причину существующего неравенства „массой нелепых и варварских предрассудков“, господствующих как результат невежества. Сейчас Бабеф видит в воспитании единственную причину господства этих предрассудков. Воспитание в настоящее время играет роль собственности; неравномерное его распределение вызывает богатство, с одной стороны, и пассивность и покорность, с другой, „Вы выработали план воспитания—воскликает Бабеф, обращаясь к собственникам—который всегда стремился к распространению нищеты и к обеспечению для вас возможности постоянно выжимать все соки из бедняков, и вы позаботились внушить им такие понятия, чтобы они и не думали роптать на ваше коварство и даже не воображали, что ваше поведение не имеет за собой никаких оснований. Одним словом, благодаря контрасту между воспитанием народа и вашим собственным, вам удалось привить народу чувство покорного смирения, а в самих себе выработать тоже жестокосердие и безжалостность, которые позволяют вам хладнокровно взирать на умирающих с голоду ваших ближних в то время, как вы сами катаетесь, как сыр в масле, и утопаете в роскоши¹⁾“.

Отдавая себе ясный отчет в результатах классового воспитания, Бабеф все-же преувеличивает значение воспитательных мер, придавая им роль панацеи от всех зол. Он считает, что воспитание должно быть либо всеобщим и равным, либо его вовсе не должно быть. Он склонен объяснять отсутствием подходящего воспитания угнетенное положение третьего сословия. Кроме того, по его мнению, воспитание является единственной причиной вообще существования сословий. Проблему воспитания и имеет целью разрешить настоящая революция.

Если бы люди всегда получали одинаковое воспитание—разъясняет Бабеф—если бы они не были рабами нелепых предрассудков, которые в течение столь продолжительного времени мешали им понять, что они из себя представляют,—никогда подавляющее большинство не допустило бы, чтобы меньшинство посмело сковать его унижительными цепями, которые с течением времени несколько уменьшились в весе, но следы которых еще не совсем стерлись. Никогда так называемое третье сословие не было бы обречено на вечные стра-

дания в интересах тех, кто возвел себя в звание высших сословий; никогда даже не возникло бы третьего сословия; никогда не было бы никаких сословий, кроме одного.

„Все смертные равны; различие между ними устанавливается не рождением, а только добродетелью“¹⁾.

Но в особенности возмущает его господствовавшая тогда система воспитания, при которой оно приобрело характер собственности. Будучи неравномерно распределено, оно способствовало усилению „феодальной гидры“, которая создала не только „благородных людей“, но и „благородные земли“. Бабеф надеется, что ослепительный свет знания поможет уничтожить многие институты, являющиеся источником рабства народа. Этот свет разовьет у народа способность к самопознанию и самоуважению, которые, по его мнению, являются немаловажными факторами в деле всеобщего раскрепощения.

„Среди существующих учреждений имеется множество таких, с которыми просвещенный народ ни за что бы не примирился. Быть может, ослепительный свет знания поможет ему разглядеть истины, имеющие весьма важное значение для его благоденствия. В особенности ему следовало бы развить в себе способность к самопознанию и самоуважению. (Подчеркнуто мною. А. П.). Он сумеет понять, что суетные отличия, которые в течение столь долгого времени ему импонировали, представляют пустые химеры, и что отличий заслуживает только человек, оказавший крупные услуги своим ближним. Кто честно служит своему отечеству, тот не нуждается в том, чтобы играть в прятки“²⁾.

Как видим, арсенал средств, при помощи которых Бабеф пытался осуществить „счастливое состояние“, небогат. Его можно было встретить у любого из его современников. Последователю рационалистического социализма воспитание, самопознание и самоуважение представлялись достаточными для совершения „великих перемен“. Бабеф к ним прибавляет еще ряд экономических мер, которые также революционного моря зажечь не смогли бы. Бабеф предлагает обратить внимание на прогрессивное обложение имуществ, считая необходимым преобразовать налоговую систему в систему „персо-

¹⁾ *Ib.*

¹⁾ *Ib.* стр. XLI.

²⁾ *Ib.* стр. XLI—XLV.

нальных налогов" (contribution personnelle), уплачиваемых каждым „пропорционально своим возможностям“ и доходам. Лишь при проведении персонального обложения можно будет добиться „реального взимания“, так как каждый собственник будет уплачивать „пропорционально своему имуществу“¹⁾.

Как видим, и в этом финансовом плане, имеющем своей целью, по мысли автора, установление имущественного равенства, дело идет не о принципиальной борьбе с частной собственностью, хотя в нем и содержатся идеи будущего социалистического прогрессивного обложения. Частная собственность при условии возможно более равномерного распределения между всеми гражданами должна остаться в силе — в качестве основы будущего общества. На этом равенстве частной собственности Бабеф мечтал построить свое здание человеческого счастья.

Такова программа Бабефа, изложенная им в Кадастре.

Нет надобности долго останавливаться на критике этих пожеланий и требований, порожденных плодотворными идеями XVIII столетия. Вся настоящая программа Бабефа, базирующаяся всецело на учении об естественном праве, представляет собой еще юношеский период в развитии коммунистической идеологии у Бабефа. Вряд ли осуществление всеобщего счастья путем рассеяния предрассудков, всеобщего равного воспитания, самоусовершенствования и правильной раскладки налогов может выдержать суровое прикосновение научной критики.

Тем не менее программа, изложенная в Кадастре, должна была сыграть огромную революционную роль. Требования аграрного закона в условиях, когда еще не были сокрушены твердины феодального землевладения, являлись чрезвычайно революционными. Лозунг „Loi agraire“ в условиях начавшейся революции означал призыв к классовому объединению неимущих для борьбы против собственников. Зная черного передела должно было способствовать выделению из третьего сословия класса бедняков и неимущих. Ведь „четвертое сословие“, которое должно было защищать его идейное содержание, в первый год Национального Собрания еще не

получило никакого политического оформления, и провозглашение аграрного закона должно было означать появление на мировой арене новой социальной силы.

Правда, мысль обеспечить каждому члену государства и даже всего человечества некоторую пожизненную долю в обработке земли выходила за пределы реальной действительности. Но все же классовый ее источник, несомненно, оказал влияние на аграрно-политическое законодательство революции.

О впечатлении, которое производило одно упоминание аграрного закона на все политические партии, лучше всего говорят следующие выдержки из речей ораторов в Национальном Собрании:

13 октября 1789 года аббат Мори заявил следующее... „Если нация имеет право вернуться вспять к возникновению общества, чтобы лишить нас нашей собственности, признававшейся и защищавшейся законами в течение более 14 веков, то этот новый метафизический принцип приведет вас непосредственно ко всем восстаниям эпохи аграрного закона. Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать раздела этих земель, которые не обеспечивают от захвата даже самое незапамятное владение“¹⁾.

А Бетизи, представитель департамента Уаз, шел еще дальше: „Как только будет хоть раз нарушена священная ограда собственности, она вскоре подвергнется дальнейшим нарушениям: и вы скоро увидите, что будут произведены покушения на земельные и наследственные владения, и что будет произнесено слово, разрушившее все великие общества, но вместе с тем всегда ластившее толпе, слово „аграрный закон“ (подч. в оригинале. А. П.) Ваша мудрость, конечно, отвергнет его, но с каким весом будет говорить в его пользу тот, кто сможет сослаться на столь великий пример. Я осмеливаюсь надеяться, что на него нельзя будет сослаться“²⁾.

3.

В 1790 г. Бабеф ведет бродячую жизнь; мы видим его то в Париже, то в Руа. Он принимает живое участие в получившей тогда громадное развитие литературе уличных листов и памфлетов. В этих заметках он беспрестанно возвращается

¹⁾ Мабли напоминает (искажая, правда, факты) о римских налогах на роскошь, от «которых большие богатства должны были стать менее необходимыми, а любовь к славе и свободе более живой». (Oeuvres, т. IX, стр. 135—136).

¹⁾ Archives parlementaires, т. IX, стр. 421.

²⁾ Ib. стр. 490.

к герою дня — Мирабо. Бабеф не любил Мирабо и брал по сомнению не только его государственные способности, но даже его политическую добросовестность. Некоторое время спустя он основывает газету: „Пикардийский Корреспондент“ („Correspondant Picard“), в которой он дает оценку действий Генеральных Штатов, ведет энергичную пропаганду по поводу ликвидации феодальных повинностей и демократических и республиканских реформ; в этой газете большое место отводилось интересам периферии страны и в частности жизни его родной провинции.

Газета имела большой успех. Параллельно с увеличением числа подписчиков росло и благосостояние редактора. Однако, энергичная деятельность Бабефа по разоблачению деятелей старого режима восстановила против него постепенно все большие и большие круги из прежних властей имущих. Кроме того, ему пришлось убедиться, что новые веяния ничуть не помешали процветанию доносов и клеветы, которыми был так богат старый режим.

Враги Бабефа искали предлога, чтобы обрушиться на ненавистного редактора. Не имея возможности чем либо скомпрометировать „Пикардийского Корреспондента“, они старались создать дело против его редактора, обвиняя Бабефа в контрреволюции. Исходя из того, что название „Пикардия“ было уничтожено революцией, а для географического обозначения этой местности были установлены департаменты Соммы, Уаз и Эн, Бабефа обвинили в том, что он не хочет признавать новых названий, придерживаясь старых, бывших в силе во времена деспотизма. Этим он, мол, доказывает свою приверженность к старому режиму. На эти обвинения Бабефу пришлось давать ответы.

Такова была обстановка, при которой существовал „Пикардийский Корреспондент“. Тем не менее редактор его не переставал нападать на некоторые действия нового правительства. Кары не заставили себя долго ждать. В июне 1790 года Бабеф находился уже в тюрьме. Лишь ходатайства и хлопоты его друзей позволили ему выйти на свободу. В дальнейшем Бабефу пришлось выдержать не одну атаку со стороны его врагов: — против Бабефа то и дело выступали различного рода литературные деятели, принадлежавшие к аристократам. Целая брошюра неизвестного автора была посвящена обвинению его в реактивности: напоминали, что, ведь, он был прежде комиссаром

по разбору феодальных дворянских актов — значит, посвящал свою деятельность упрочению сеньориальных прав. Какое же право он имеет теперь нападать на старый режим, который его кормил?

Бабеф ответил на эту брошюру следующими оправданиями: „Действительно, все это так, — признавал он. — Когда я был молод, я не рассуждал; все, что существовало, казалось мне необходимым и нужным. Я думал, что решительно неизбежно, чтобы были угнетатели и угнетаемые; я очень уважал феодализм. Но как только я вырос, как только взошло солнце революции и просветило меня, я взглянул и увидел, что феодализм — это стоголавая гидра“. (Подч. мною, А. П.).

В рассматриваемый нами период революции Бабеф был не более, как рядовым ее участником и не мог завоевать себе политического положения. Повидимому, последнее обстоятельство толкнуло его перенести свою деятельность снова в провинцию.

4.

Страна стояла перед открытием Законодательного Собрания. Живо чувствовалось, что задача революции не доведена до конца, и что революция, по существу, только началась. Кто воспользуется этой революцией? По какому руслу направится движение? Как разрешится наиболее больной вопрос — земельный? Таковы были те вопросы, которые мучили тогда всякого революционера.

Бабеф употребил на разрешение этих вопросов целых четыре года. Целью всех его стремлений было направить революцию к аграрному закону. Политическая демократизация страны, казалось ему, должна неизбежно закончиться этим актом. Искусная и осторожная политика должна привести к этому венцу революции. Необходимо лишь все свои силы направить к тому, чтобы решительно содействовать этому процессу.

Эти взгляды нашли свое отражение в одном из писем, адресованном кандидату в Законодательное Собрание, впоследствии одному из 73 членов Конвента, аббату Купэ. В этом письме Бабеф подводит итоги своим прежде высказанным мыслям и развивает свои взгляды по поводу политической демократии и коммунизма.

Исходными пунктами его рассуждений по-прежнему являются принципы естественного права: „Первобытное равенство,

Общий интерес, Общая воля, декретирующая законы, и Общая сила, образующая народный суверенитет“. На этих принципах должна быть построена совершенная политическая программа. Исходя из того, что „целью французской революции является всеобщее благоденствие, „необходимо добиваться предоставления для всех людей обеспеченного существования и одинакового воспитания. Все эти требования имеют один общий исходный пункт и сходятся, по его мнению, в одном фокусе, к которому стремятся все прогрессивные конституции. Этот фокус — аграрный закон. Никакая конституция, никакая революция не будет завершена, пока не будет осуществлено это чаяние всех угнетенных—99/100 всего человечества. Этот закон — венец всех законов.

„Вы можете—пишет Бабеф—сколько угодно ломать скипетры королей, основывать республики, постоянно произносить святое слово Равенство и тем не менее вы всегда будете гнаться за призраками и ничего не добьетесь... Аграрный закон, тот закон, которого страшатся и приближение которого живо чувствуют богачи, и о котором пока еще не помышляет громадное большинство бедняков, рискующее, однако, в случае замедления в проведении этого закона, вымереть самое большое через два поколения... закон, к проведению которого, как вы хорошо помните, в нашем присутствии горячо призывал Маблю, закон, который появляется на историческом горизонте только при обстоятельствах, напоминающих наше нынешнее положение т. е., когда крайности безусловно сходятся, когда поземельная собственность, представляющая единственный вид действительного богатства (подч. мною. А. П.), оказывается сосредоточенной в немногих руках, и когда подавляющее большинство населения, лишенное всяких средств к удовлетворению терзающего его голода, решаете требовать права на участие в богатствах мира.... этот закон, говорю я, представляет венец всех законов ¹⁾ (подч. мною. А. П.)“.

Действительное равенство, таким образом, может иметь своим основанием аграрный закон. Но в то время не было почти ни одной политической партии, которая не отвергала бы аграрного закона. Можно сказать, что никогда лозунг аграрного закона не вызывал такого озлобления, как в начале великой революции. И никогда, как теперь, не оправдывались

слова Бабефа, что „общество всегда награждало веревкой тех, кто смел открыть рот для такого предложения“. Политическая мысль, выражавшая интересы буржуазии — не говоря уже о представителях первых двух сословий — считала своим долгом направить все свои стремления на борьбу с аграрным законом. Представители этих течений всячески изощрялись в теоретическом обосновании неосуществимости такого рода реформы; кроме того, они рисовали картины тех ужасов, которые должны притти вместе с „Loi agraire“.

Возражения, с которыми и поныне приходится встречаться борцам за ликвидацию буржуазной частной собственности, имеют свою историю. Они заключаются большей частью в повторении тех аргументов, с которыми приходилось встречаться сторонникам аграрного закона еще во времена Бабефа. Осуществление этой меры приведет к разложению общества — грозили одни; несправедливо отнимать собственность у тех, кто приобрел ее законным путем — увещевали другие; с введением имущественного равенства — если даже допустить осуществимость этого принципа — люди перестанут оказывать друг другу взаимную помощь — твердили третьи; новый порядок на основе аграрного закона приведет к исчезновению искусств и, наконец, дальнейшая мобилизация собственности приведет к восстановлению прежнего неравенства — зывали четвертые. И так далее.

Бабеф, как и следовало ожидать, посвящает этим возражениям остальную часть своего письма.

„Если бы земля была объявлена неотчуждаемой — полемирует он — (система, окончательно опровергающая то возражение, что после всеобщего передела дальнейшая мобилизация земли приведет к восстановлению неравенства) то каждому человеку всегда было бы обеспечено его владение, и нам не приходилось бы вечно терзаться опасениями за участь наших детей: эта реформа привела бы не к разложению общества, а водворила бы на земле золотой век и всеобщее благоденствие (подч. мною. А. П.): она создаст спокойствие за будущее и прочное счастье, гарантированное от капризов случая... Наконец, совершенно неверно, будто неизбежным последствием нового общественного устройства явится исчезновение искусств, так как совершенно очевидно, что не все население сможет заниматься земледелием; каждый отдельный человек тогда, как и теперь, не будет в состоянии собственными силами производить все необходимые для него машины;

¹⁾ Письмо к аббату Купэ из департамента Уаз, Бове от 10 сент. 1791 г.

мы по-прежнему не перестанем поддерживать между собой постоянный обмен услуг; и за исключением того обстоятельства, что каждая личность будет владеть неотчуждаемым достоянием, которое во всякое время и при всех условиях поставит ей основной источник существования и решительно обеспечит ее от нужды, все остальные условия развития человеческой предприимчивости останутся такими же, как и в настоящее время“¹⁾ (подч. мною. А. П.).

Если оставить в стороне оценку аграрного закона с точки зрения его способности привести к тому положению, к которому стремился Бабеф, и принять во внимание, что как Бабеф, так и его противники всю свою аргументацию за и против черного передела строили на учении об естественном праве, то нельзя отказать Бабефу в известной силе аргументации.

Апологеты частной собственности уже перестали обосновывать право неограниченной собственности на гражданском общественном договоре, как это делал Руссо. Доводы коммунистов показали, насколько слаба была эта позиция, и поэтому защитники частной собственности стремились доказать, что право частной собственности имеет своим источником уже общественный договор, а находит себе оправдание в естественном праве. Они решительно отвергают утверждение Руссо и Монтескье, что в естественном состоянии все блага были достоянием всех людей, а отказ от этой общности при вступлении в „гражданское общество“ объявлял химерой. Так называемому „естественному праву на все“, как и всем правам, выводимым из общественного договора, они стали противопоставлять либо труд отдельного человека, как источник всякого богатства, либо равенство перед законом, долженствовавшее заменить собою равенство имуществ, либо, наконец, равенство физических сил.

Как мы уже упоминали, Бабеф также критиковал общественный договор и пытался исходить из общественного состояния. Но он, в противоположность апологетам буржуазии, сумел из естественного права почерпнуть аргументацию в защиту равного раздела собственности. Отсюда и ход его мыслей.

Помимо тех возражений, какие делались противниками

аграрного закона (с которыми мы уже встречались), противники какого либо покушения на частную собственность указывали, что всякие разговоры о „золотом веке“ являются ни на чем неоснованными. Бабеф, напротив, выдвигает аграрный закон, как основу золотого века. Противники черного передела указывали, что равное распределение имуществ приведет к развалу общества, вследствие паралича всякой человеческой предприимчивости. Бабеф вполне резонно отвечал, что Франция на основе перераспределенной собственности явится могучим толчком развития человеческой предприимчивости. Ведь он сходил с своими противниками на том, что „поземельная собственность представляет собою единственный вид действительного богатства“.

В том же духе выдержана и настоящая политическая программа Бабефа, являющаяся надстройкой над требованием аграрного закона.

Политическая программа, изложенная в вышецитированном письме, заключала в себе требование последовательной демократии. Словно предвидя будущую демократизацию страны, Конституцию 1793 года, мероприятия Конвента и Парижской Коммуны, Бабеф выдвигает следующий ряд требований, имеющих, по его мнению, своей целью не юридическое, а фактическое равенство.

Во первых, меры к ликвидации безработицы. „Депутаты, уполномоченные народом, во всякое время обязаны делать все то, что они сочтут полезным для народного блага.... Отсюда вытекает обязательность и необходимость доставить средства существования тому подавляющему большинству народа, которое при всем своем страстном желании работать их не находит“ (подч. мною. А. П.).

Во-вторых — передача права вето, составляющее действительный атрибут верховной власти, народу. Получив это право, народ сумеет добиться „коммунистической вершины“ — аграрного закона. „Не следует ли ожидать — спрашивает Бабеф, что страдающая часть народа, до сих пор всегда испытывающая ужасное чувство голода, постарается воспользоваться этим правом народного вето для того, чтобы добиться меры, обеспечивающей ее существование: Аграрного закона?“

Далее идут требования демократических реформ: всеобщего избирательного права, свободы собраний, отмены военных судов и т. д.

¹⁾ Ib.

Как известно, при реформе, направленной к замене старых феодальных учреждений новыми, было возведено, что они имеют своей целью защиту справедливости и равенства. Возведенные реформы явились, по существу, отражением реальных интересов того класса, который в то время являлся носителем экономического прогресса. Буржуазия прекрасно понимала стоящую перед ней задачу завоевания политической власти и при реформе старых феодальных учреждений учла все эти обстоятельства и сумела выработать соответственные приемы к разрешению стоящей перед ней задачи.

22-го декабря 1789 г., т. е. уже после провозглашения Декларации Прав, по предложению аббата Сиейса, Учредительное Собрание приняло постановление о разделении граждан на активных и пассивных, по которому избирательное право всецело передавалось в руки имущих классов; неимущие и „слуги на жаловании“ лишались вовсе избирательных прав. Кроме того, конституция, выработанная Учредительным Собранием, установила двухстепенные выборы: все активные граждане избирали выборщиков, и уже эти последние выбирали в Законодательное Собрание. Чтобы быть выборщиком, как известно, надо было обладать недвижимой собственностью (доход с которой должен был достигать местной стоимости, равной 200 рабочим дням в более крупных городах и 150 дням в мелких городах и деревнях). Затем, в предвидении всяких народных волнений, Учредительное Собрание постановлением 21-го октября 1790 года вотировало закон о применении военной силы для усмирения народных бунтов, а 17-го июля 1791 года Лафайет расстрелял на Марсовом Поле сотни граждан, собравшихся для подписи петиции. Наконец, для завершения этих мер защиты буржуазной гегемонии была создана постоянная Национальная Гвардия, доступ в которую был для народа почти закрыт. Закон Ле-Шапеллье о союзах венчал собою это здание буржуазного государства.

Деятели революции строили социальные отношения, применяясь к той экономической действительности, которая процветала в их время. Поступая так, они отражали только интересы передового класса буржуазии. И влияние этих требований было настолько определяюще для мировоззрения этой эпохи, что даже общепризнанные демократы, вроде Руссо, Монтескье и др., не могли освободиться от этого влияния.

„В большинстве государств—писал Руссо—внутренние бес-

порядки производятся глупой и отупевшей чернью“. Буржуазия, по его мнению, „самая здоровая часть республики, единственная, которая наверно не будет руководствоваться в своем поведении другой целью, кроме блага всех“. Кондильяк выступал против всеобщего избирательного права: „Было бы абсурдом—писал он—если бы законодательство по-прежнему стало предоставлять право голоса тем, кому оно отказывает в средствах для существования, потому что оно заставило бы участвовать в суверенитете лиц, которые нисколько не заинтересованы в государстве...“ Они, в сущности, являются врагами правительства, которое, отказывая им, само обращается с ними, как с врагами. Камилл Демуллен еще в июне 1789 года высказался за устранение от законодательной работы „центурии пролетариев“, ибо отвлекаемые от общественных дел тысячами забот и находясь в постоянной зависимости, эта центурия, мол, никогда не может господствовать в государстве.

Так теоретически и практически „центурия пролетариев“ совершенно исключалась из политического общества. Но тем более революционную силу приобретает следующий ряд требований, какие считает Бабеф необходимыми для немедленного их осуществления.

„Я требую—заявляет Бабеф—чтобы отныне общество перестало делиться на различные классы; чтобы все граждане одинаково допускались к занятию должностей; чтобы все граждане имели право принимать участие в голосовании и высказывать свое мнение во всех собраниях; чтобы собрание законодателей действовало под строгим контролем; чтобы гражданам предоставлена была полная свобода собраний в общественных местах; чтобы военные суды были отменены; чтобы вытравлен был корпоративный дух из Национальной Гвардии, а для этого необходимо открыть туда доступ всем гражданам без изъятия и не возлагать на нее никаких других задач, кроме борьбы с внешним неприятелем... Все дела, имеющие вообще национальный интерес, должны рассматриваться в пленарном заседании собрания, комитеты же должны быть распущены... Это положит конец индифферентизму, апатии, беззаботности, с которой депутаты во всем полагаются на мнимую мудрость кучки людей... Это нововведение заставит всех сенаторов серьезно знакомиться с поставленными на обсуждение вопросами... это придаст бодрости всем защитникам на-

рода и побудит их отстаивать его драгоценнейшие права, а значит, и озаботиться обеспечением всем гражданам средств к существованию: то есть проведением аграрного закона¹⁾ (подч. всюду мною. А. П.).

Итак, все эти демократические реформы так же, как и экономические требования, сходятся в одном центре — аграрном законе. Необходимо отметить, что, требуя этих реформ, Бабеф стремится заставить неимущие слои понять, что дело буржуазии не есть их дело, и что свобода и равенство, провозглашенные буржуазией, являются на деле свободой для буржуазии. Никакое юридическое равенство без фактического недействительно. А чтобы достигнуть этого действительного равенства, надо отбросить всякие компромиссы: на политику надо ответить также политикой, но уже направленной к отстаиванию интересов трудящихся.

„Никакие компромиссы здесь невозможны—воскликает Бабеф—и если в глубине души вы в своей законодательной деятельности намереваетесь ограничиться менее широкой программой, снова вам повторяю: свобода, равенство, право человека (подч. в оригинале. А. П.) останутся навсегда громкими словами, лишенными всякого содержания... Всякий, кто не признает конечной целью своих стремлений выставленных мною требований (аграрный закон. А. П.), должен отказаться от искреннего произнесения священных слов: цивилизм (гражданская добродетель), свобода, равенство“²⁾.

В особенности предостерегает Бабеф от увлечения иллюзиями общественной благотворительности и общественного призрения. Он прекрасно понимает, что устранение из общества этих отрицательных явлений возможно лишь тогда, когда они являются случайными несчастьями, не вызванными общим ходом экономического развития. В настоящих условиях никакая благотворительность, хотя бы и обязательная, с этим злом ничего не может поделать.

„Какое значение может иметь какойнибудь комитет к призрению бедных—спрашивает он—который только и делает, что унижает человеческое достоинство своими разглагольствованиями о милостыне и репрессивных законах, стремящихся принудить большую часть нуждающихся замур-

ваться в своих лачугах и погибать там от истощения для того, чтобы грустное зрелище оскорбленной природы не вызвало протеста, и для того, чтобы они (комитеты) могли существовать, а не для того, чтобы ничтожная кучка монополизировала предметы потребления, предназначенные для всех“¹⁾.

Таково политическое кредо Бабефа к моменту начала деятельности Законодательного Собрания. Изложенные шесть пунктов его программы, сходящиеся в одном требовании — аграрного закона — должны были, по мысли его автора, освободить человечество от сковывающих его цепей. Бабеф считал, что аграрный закон, выдержанный в духе „апостолов аграрных законов“ Ликурга в Греции, Камилла, Гракхов, Кассия, Брута в Риме, является верхом демократического законодательства — „коммунистической вершины“. Эти 6 законов должны были раскрепостить угнетенное человечество.

Вряд ли имеет смысл доказывать, что настоящая „коммунистическая вершина“ скорее выдержана в духе этих античных реформаторов, чем в духе коммунизма. Решение проблемы всеобщего равенства при помощи равного раздела земли, является способом, свойственным мелкому буржуа, живущему при слабо развитых отношениях капитализма и конкуренции, и поэтому чувствующему под собою прочную почву в виде собственного клочка земли, или собственных карликовых средств производства. Нетрудно видеть, что попытка повернуть назад колесо экономического развития — а проведение черного передела в современных Бабефу условиях было ничем иным, как такой попыткой — мало что имеет общего с коммунизмом.

И недаром впоследствии, когда под влиянием ожесточенной классовой борьбы идеология Бабефа сложилась, как цельное миросозерцание, он всячески отkreщивался от пресловутого „венца законодательства“ и в „Манифесте Равных“ заклеил требование аграрного закона, как „мимолетное желание некоторых беспринципных солдат, некоторых народностей, побуждаемых скорее инстинктом, чем разумом.“⁽¹⁾

Иной характер приобретает его требование демократических реформ. Поскольку ко времени, когда писалось его письмо, класс неимущих еще политически не сложился, объединяющим его началом — в качестве лозунга — могла послужить платформа

¹⁾ *Иб.*

²⁾ *Иб.*

¹⁾ *Иб.*

Как известно, при реформе, направленной к замене старых феодальных учреждений новыми, было возведено, что они имеют своей целью защиту справедливости и равенства. Возведенные реформы явились, по существу, отражением реальных интересов того класса, который в то время являлся носителем экономического прогресса. Буржуазия прекрасно понимала стоящую перед ней задачу завоевания политической власти и при реформе старых феодальных учреждений учла все эти обстоятельства и сумела выработать соответственные приемы к разрешению стоящей перед ней задачи.

22-го декабря 1789 г., т. е. уже после провозглашения Декларации Прав, по предложению аббата Сиейса, Учредительное Собрание приняло постановление о разделении граждан на активных и пассивных, по которому избирательное право всецело передавалось в руки имущих классов; неимущие и „слуги на жаловании“ лишались вовсе избирательных прав. Кроме того, конституция, выработанная Учредительным Собранием, установила двухстепенные выборы: все активные граждане избирали выборщиков, и уже эти последние выбирали в Законодательное Собрание. Чтобы быть выборщиком, как известно, надо было обладать недвижимой собственностью (доход с которой должен был достигать местной стоимости, равной 200 рабочим дням в более крупных городах и 150 дням в мелких городах и деревнях). Затем, в предвидении всяких народных волнений, Учредительное Собрание постановлением 21-го октября 1790 года вотировало закон о применении военной силы для усмирения народных бунтов, а 17-го июля 1791 года Лафайет расстрелял на Марсовом Поле сотни граждан, собравшихся для подписи петиции. Наконец, для завершения этих мер защиты буржуазной гегемонии была создана постоянная Национальная Гвардия, доступ в которую был для народа почти закрыт. Закон Ле-Шапелье о союзах венчал собою это здание буржуазного государства.

Деятели революции строили социальные отношения, применяясь к той экономической действительности, которая процветала в их время. Поступая так, они отражали только интересы передового класса буржуазии. И влияние этих требований было настолько определяюще для мировоззрения этой эпохи, что даже общепризнанные демократы, вроде Руссо, Монтескье и др., не могли освободиться от этого влияния.

„В большинстве государств—писал Руссо—внутренние бес-

порядки производятся глупой и отупевшей чернью“. Буржуазия, по его мнению, „самая здоровая часть республики, единственная, которая наверно не будет руководствоваться в своем поведении другой целью, кроме блага всех“. Кондильяк выступал против всеобщего избирательного права: „Было бы абсурдом—писал он—если бы законодательство по-прежнему стало предоставлять право голоса тем, кому оно отказывает в средствах для существования, потому что оно заставило бы участвовать в суверенитете лиц, которые нисколько не заинтересованы в государстве...“ Они, в сущности, являются врагами правительства, которое, отказывая им, само обращается с ними, как с врагами. Камилл Демуллен еще в июне 1789 года высказался за устранение от законодательной работы „центурии пролетариев“, ибо отвлекаемые от общественных дел тысячами забот и находясь в постоянной зависимости, эта центурия, мол, никогда не может господствовать в государстве.

Так теоретически и практически „центурия пролетариев“ совершенно исключалась из политического общества. Но тем более революционную силу приобретает следующий ряд требований, какие считает Бабеф необходимыми для немедленного их осуществления.

„Я требую—заявляет Бабеф—чтобы отныне общество перестало делиться на различные классы; чтобы все граждане одинаково допускались к занятию должностей; чтобы все граждане имели право принимать участие в голосовании и высказывать свое мнение во всех собраниях; чтобы собрание законодателей действовало под строгим контролем; чтобы гражданам предоставлена была полная свобода собраний в общественных местах; чтобы военные суды были отменены; чтобы вытравлен был корпоративный дух из Национальной Гвардии, а для этого необходимо открыть туда доступ всем гражданам без изъятия и не возлагать на нее никаких других задач, кроме борьбы с внешним неприятелем... Все дела, имеющие вообще национальный интерес, должны рассматриваться в пленарном заседании собрания, комитеты же должны быть распущены... Это положит конец индифферентизму, апатии, беззаботности, с которой депутаты во всем полагаются на мнимую мудрость кучки людей... Это нововведение заставит всех сенаторов серьезно знакомиться с поставленными на обсуждение вопросами... это придаст бодрости всем защитникам на-

рода и побудит их отстаивать его драгоценнейшие права, а значит, и озаботиться обеспечением всем гражданам средств к существованию: то есть проведением аграрного закона¹⁾ (подч. всюду мною. А. П.).

Итак, все эти демократические реформы так же, как и экономические требования, сходятся в одном центре — аграрном законе. Необходимо отметить, что, требуя этих реформ, Бабеф стремится заставить неимущие слои понять, что дело буржуазии не есть их дело, и что свобода и равенство, провозглашенные буржуазией, являются на деле свободой для буржуазии. Никакое юридическое равенство без фактического недействительно. А чтобы достигнуть этого действительного равенства, надо отбросить всякие компромиссы: на политику надо ответить также политикой, но уже направленной к отстаиванию интересов трудящихся.

„Никакие компромиссы здесь невозможны—воскликает Бабеф—и если в глубине души вы в своей законодательной деятельности намереваетесь ограничиться менее широкой программой, снова вам повторяю: свобода, равенство, право человека (подч. в оригинале. А. П.) останутся навсегда громкими словами, лишенными всякого содержания... Всякий, кто не признает конечной целью своих стремлений выставленных мною требований (аграрный закон. А. П.), должен отказаться от искреннего произнесения священных слов: цивилизм (гражданская добродетель), свобода, равенство“²⁾.

В особенности предостерегает Бабеф от увлечения иллюзиями общественной благотворительности и общественного призрения. Он прекрасно понимает, что устранение из общества этих отрицательных явлений возможно лишь тогда, когда они являются случайными несчастьями, не вызванными общим ходом экономического развития. В настоящих условиях никакая благотворительность, хотя бы и обязательная, с этим злом ничего не может поделать.

„Какое значение может иметь какойнибудь комитет к призрению бедных—спрашивает он—который только и делает, что унижает человеческое достоинство своими разглагольствованиями о милостыне и репрессивных законах, стремящихся принудить большую часть нуждающихся замур-

ваться в своих лачугах и погибать там от истощения для того, чтобы грустное зрелище оскорбленной природы не вызвало протеста, и для того, чтобы они (комитеты) могли существовать, а не для того, чтобы ничтожная кучка монополизировала предметы потребления, предназначенные для всех“¹⁾.

Таково политическое кредо Бабефа к моменту начала деятельности Законодательного Собрания. Изложенные шесть пунктов его программы, сходящиеся в одном требовании — аграрного закона — должны были, по мысли его автора, освободить человечество от сковывающих его цепей. Бабеф считал, что аграрный закон, выдержанный в духе „апостолов аграрных законов“ Ликурга в Греции, Камилла, Гракхов, Кассия, Брута в Риме, является верхом демократического законодательства — „коммунистической вершины“. Эти 6 законов должны были раскрепостить угнетенное человечество.

Вряд ли имеет смысл доказывать, что настоящая „коммунистическая вершина“ скорее выдержана в духе этих античных реформаторов, чем в духе коммунизма. Решение проблемы всеобщего равенства при помощи равного раздела земли, является способом, свойственным мелкому буржуа, живущему при слабо развитых отношениях капитализма и конкуренции, и поэтому чувствующему под собою прочную почву в виде собственного клочка земли, или собственных карликовых средств производства. Нетрудно видеть, что попытка повернуть назад колесо экономического развития — а проведение черного передела в современных Бабефу условиях было ничем иным, как такой попыткой — мало что имеет общего с коммунизмом.

И недаром впоследствии, когда под влиянием ожесточенной классовой борьбы идеология Бабефа сложилась, как цельное миросозерцание, он всячески отрещивался от пресловутого „венца законодательства“ и в „Манифесте Равных“ заклеил требование аграрного закона, как „мимолетное желание некоторых беспринципных солдат, некоторых народностей, побуждаемых скорее инстинктом, чем разумом.“⁽¹⁾

Иной характер приобретает его требование демократических реформ. Поскольку ко времени, когда писалось его письмо, класс неимущих еще политически не сложился, объединяющим его началом — в качестве лозунга — могла послужить платформа

¹⁾ *Иб.*

²⁾ *Иб.*

¹⁾ *Иб.*

черного передела. Осуществление же демократических свобод во многом способствовало бы оформлению этого процесса создания „четвертого сословия“. Бабеф мог с полным правом заявить, что он стремился превратить демократические свободы из средств обмана масс, чем они были до сих пор, в орудие их освобождения. Демократическая конституция, хотя и не могла сыграть роль „волшебной палочки“, способной по своему мановению преобразовать мир, однако, способствовала бы развязыванию классовой борьбы и заставляла бы класс неимущих легче изживать свои иллюзии и разочарования.

Таковы достоинства и недостатки этой программы. Они все по существу соответствуют социальной природе ее автора. Бабеф к моменту Законодательного Собрания принадлежал по своей идеологии к левым мелкобуржуазным демократам, олицетворявшим собою, по выражению Маркса, „те фракции общества, интересы которых не совпадали с интересами буржуазии, и они не образовывали еще никаких самостоятельно развившихся классов“.

Довольно характерным для неоформленности его мировоззрения является вступление Бабефа в франкмасонскую ложу. В своем письме от 16-го августа 1791 года, Бабеф, ссылаясь на то, „что ему теперь обеспечено 800 франков“, при занятии „лишь двух дней в неделю“, сообщает, что он вступает в франкмасонскую ложу¹⁾. Контакт с организацией, колеблющейся от контр-революции — по выражению Бабефа, „партии мятежа“ — до левых радикальных платформ, лучше всего определяет политическую неоформленность Бабефа.

Если отбросить фразеологию о „всеобщем равенстве“, „всеобщем счастье“, „всеобщем благоденствии“ и т. д., обычную для стиля эпохи, которой пользовались все, начиная от типичного фельяна из Легислятивы и кончая крайне левыми якобинцами из Конвента, то мы увидим, что Бабеф в этот период был еще далек от коммунизма. И хотя в одном из своих писем он говорил о том, что „для того, чтобы совершить революцию, необходимо произвести великие перемены“²⁾, однако эти „великие перемены“ дальше аграрного закона не шли.

Тем не менее, и здесь Бабеф отличается от всех его предшественников и современников одной чертой, выдвигающей

его на первый план: он соединяет пламенную веру в истинность и осуществимость своей системы с сильнейшей волей провести ее практически в жизнь. В XVIII веке лишь один Мелье, самый дальний из его предшественников, равен ему, если не по силе своего оптимизма, то по преданности для отыскания средств к достижению „блага человечества“. Но в то время, как Мелье из ненависти ко всему существующему покончил свою жизнь самоубийством, Бабеф, как мы видели, готов „политике противопоставить политику“, дабы „дать почувствовать другим великое таинство, самую сокровенную тайну, которая должна разорвать сковывающие людей цепи¹⁾. Ведь, не даром еще до революции Бабеф готовился „сильнейшим ударом своего собственного плеча посодействовать перевороту, который опрокинет и его собственный кухонный горшок“²⁾. Вспомним, что даже многие из тех, кто теоретически считал насильственную революцию необходимой, очень часто боялись ее действительного прихода³⁾.

5.

В сентябре 1792 г. Бабеф был назначен администратором департамента Соммы и переехал в Амьен. Время было опасное; в стране было неспокойно: зажиточное кулачество волновалось и подготовляло восстание, Европа с оружием в руках готовила интервенцию с целью реставрации королевской власти, ежедневно раскрывались заговоры, обнаруживались сношения эмигрантов с иностранцами. Бабеф со своей стороны с первых же дней своего вступления в должность успел раскрыть обширный заговор, имевший целью впустить союзные войска в Перонь. Но, несмотря на его преданность делу революции и интересам „класса санкюлотов“, его ненависть к аристократии содействовала тому, что интриги против него усилились, и власть была у него отнята. Через несколько дней после отставки, Бабеф был назначен администратором в округ Мон-

¹⁾ Письмо к аббату Купэ.

²⁾ Из Письма Бабефа к своей жене от 25-го июля 1789 г.

³⁾ Морелли, считавший, что нет другого средства для исцеления, кроме, разве, великой революции, спешил тут же предостеречь, что «последняя может оказаться такой же страшной, как то зло, которое она призвана исцелить» («Code de Nature», стр. 35). В этом же духе не раз высказывался и Руссо («Трактат о Неравенстве», стр. 216: «Общественный Договор», глава VIII).

¹⁾ «M. Espinas» La philosophie sociale du XIX Siècle, стр. 271.

²⁾ Письмо от 8-го июля 1787 г.

дидье. На его обязанности лежало заведывание продажей национальных имуществ — земель, конфискованных у эмигрантов и духовенства. Интриги против него между тем не уменьшались. Одним из многочисленных заклятых врагов своих он был обвинен в подлоге, в том, что подменил имена в каком-то акте продажи. Обвинение было слишком серьезное, чтобы можно было пройти мимо него. Бабеф отправился в Амьен, чтобы принести оправдание, но там был арестован и посажен в тюрьму. 23-го августа 1793 г. Бабеф был заочно (после ареста ему удалось скрыться из тюрьмы и бежать в Париж) присужден к 20-летнему тюремному заключению.

С момента прибытия его в Париж Бабеф все свое внимание направил к тому, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях. Его враги из родной провинции продолжали его преследовать, разузнавали, где он скрывается, чтобы предать его в руки правосудия. А между тем Бабефу нечего было есть. Переписка Бабефа с женой и детьми показывает, до какой ужасающей нищеты дошел он в это время. Кое-как он успел получить в Париже место, которое его несколько обеспечило, и он принялся снова за литературную деятельность. Брошюрки, летучие листки, в которых Бабеф нападал на своих врагов, выпускались целыми десятками. Новые парижские враги действовали не менее деятельно, чем старые пикардийские, и, благодаря их проискам, Бабеф был узан полицией и арестован. Он содержался в парижской тюрьме и оттуда писал бесконечное количество прошений, жалоб, защитительных писем, словом, предпринимал все, чтобы спастись от последствий судебного приговора. Эти хлопоты, наконец, увенчались успехом: Конвент постановил передать дело Бабефа в кассационный суд. В этой инстанции приговор был кассирован, и дело было передано для нового разбирательства в новый суд, в город Лан.

Здесь Бабеф был совершенно оправдан; было установлено, что обвинение не имело никаких оснований. 18-го июня 1794 г., после годового тюремного заключения, Бабеф был выпущен на свободу. Ему удалось снова получить то место, которое он занимал еще до своего ареста. Но его тянуло к политике, к непосредственному участию в общегосударственных делах. Бросив свое место, он взялся за перо.

Между тем средств к существованию не было никаких. Семья голодала, дети болели, писать, как хотелось, было чрезвычайно трудно, но надо было жить, и Бабеф принялся за ли-

тературную халтуру — он взялся писать очерки по истории департамента Соммы. Понятно, из этого ничего не вышло. Жена и дети находились в Лане; ввиду того, что старший сын его заболел, Бабефу пришлось покинуть Париж и поехать к семье.

9-го Термидора пал Робеспьер. Узнав об этом, Бабеф вернулся в Париж. Теперь для него открылась новая эра.

IV. НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ЯКОБИНЦЕВ.

1. «Газета Свобода Печати».
2. Процесс Карье.
3. «Народный Трибун».
4. На пути к оформлению своего общественного идеала.

1.

9-го Термидора пала диктатура мелкой буржуазии, возглавляемая Робеспьером. Падение это было результатом коалиции левых якобинцев с частью умеренных якобинцев. Все попытки создать царство мелко-буржуазного равенства, как и следовало ожидать, оказались неосуществимыми. Попранная в угоду утопических планов, экономика мстила за себя, и тот класс, историческая роль которого только начиналась, прекрасно сознавал это. Буржуазия не только предвкушала прелести будущей власти, как это было во времена Конституанты и Легислятива, но и захватывала с каждым днем все новые позиции по пути к своей диктатуре. Что касается элементов, совершивших переворот, то левые элементы противоробеспьеровской коалиции были уверены, что теперь настала пора их власти.

Бабеф, который как раз принадлежал к этим элементам, был проникнут теми же настроениями.

Робеспьер пал, но остались еще террористы, „хвост“ Робеспьера, как метко характеризовал Бабеф якобинский центр¹⁾. Попытается ли оставшаяся партия снова захватить власть в свои руки? Падение ли это целой системы, или замена лич-

¹⁾ Это название настолько пришло, что якобинцев не называли иначе, как «хвост Робеспьера». Когда реакция начала свое наступление против якобинского клуба, то эта атака началась, как это бывает обычно, с предварительного артиллерийского обстрела. Роль этого «обстрела» исполнял вожь памфлетной клеветы, направленной против якобинского центра. — «Защищай свой хвост!» назывался один выпущенный против них памфлет, «Отрежьте ему хвост!» был озаглавлен другой и т. д.

ностей? Таковы были те вопросы, которые волновали каждого мыслящего француза.

Чтобы разрешить все эти „проклятые вопросы“, надо было, прежде чем наметить линию поведения для будущего, осмыслить настоящее. Бабеф смело принимается за разрешение всех этих вопросов.

С этой целью он основывает орган — „Газету Свободы Печати“, который, по выражению его редактора, „предназначается для мыслящих“ и должен служить „для испытания закона об их отношении к свободе и благоденствию народа“¹⁾. Этот орган стоял всецело на позиции Конституции 1793 года и свою основную задачу видел в пропаганде тех демократических свобод, которые являлись основой этой Конституции: свободы слова, печати, всеобщего избирательного права и т. д. С № 19 „Газета“ начинает даже выходить с эпиграфом, взятым из первого пункта Декларации Прав Человека 1793 года: „Цель общества — общее благо“²⁾. Общий характер газеты был чрезвычайно боевой, что видно хотя бы по тону эпиграфов, самому резкому и решительному. Так, для эпиграфа № 1 „Газеты“ были взяты слова Фрерона: „Тот, кто хочет противодействовать этой свободе (печати) установлением каких-либо ограничений, способствует подавлению истины и процветанию лжи“. Второй номер начинался словами Демулена: „Одни мошенники боятся света!“³⁾.

Причину всех несчастий прошлого режима, а также настоящих итогов революции Бабеф видел в терроре, применение которого в виде системы означало узурпацию общенародных прав. Причина неудачи режима Робеспьера — пишет он в № 18 „Газеты“ — заключалась „в пренебрежении к правам народа... Революция, происшедшая с 9—10 Термидора, постоянно заставляет трепетать тех, кто, пренебрегая принципами народного суверенитета, осмелился бы предлагать противоморальные (подчеркнуто мною. А. П.) кровавые законы; тех, кто осмелился бы узурпировать народное право выбора, и, наконец, тех, которые посмели бы себе присвоить общественные функции, принадлежащие исключительно народу.

¹⁾ «Journal de la Liberté de la Presse», № 2.

²⁾ «Journal de la Liberté de la Presse», № 19, от 8-го Вандемьера III г. (20-го сентября 1794 г.).

³⁾ «Journal de la Liberté de la Presse», № 2, от 19-го Фруктидора III г. (5-го сентября 1794 г.).

Эта аргументация в защиту преимуществ настоящего режима, по сравнению с режимом Робеспьера, содержит, с одной стороны, намек на действие настоящего правительства, вступающего на путь тех же „противоморальных“ методов, что и правительство диктатуры Робеспьера, с другой стороны, как подтверждают цитируемые ниже выдержки из дальнейших статей его органа личные термидорианские симпатии автора.

Основным стержнем, вокруг которого вращается вся политическая публицистика Бабефа в этом органе, как уже указывалось, являлась демократия, в стиле Конституции 1793 г. „Я свожу все к Декларации Прав — пишет он в № 7 своего органа ¹⁾—я содействую всему тому, что в состоянии к ней приблизить, и борюсь со всем тем, что пытается ей противодействовать“. Но, признавая это детище Робеспьера, наш редактор далек от признания всей деятельности его творца. „Мы будем почитать и восхищаться этим произведением (Конституцией 1793 г. А. П.), но мы не забудем, кто был его творцом“, восклицает Бабеф, характеризуя Робеспьера, как „истинного патриота и друга принципов новой Конституции до начала 1793 г. и наиболее тяжкого злодея, начиная с этого периода“ ²⁾. Далее, в следующем номере своего органа Бабеф называет Робеспьера „императором“, а контрреволюционный переворот 9-го Термидора обозначает, по его мнению, „новую грань, с которой мы вступаем в новый период возрождения свободы“ ³⁾.

Но наиболее полное отражение эти термидорианские настроения нашли себе в позиции Бабефа, занятой им по отношению к процессу комиссара Конвента Карье, возглавлявшего во время подавления Вандейского восстания Нантский Революционный Комитет.

2.

Карье, бывший гебертист, уцелевший после попытки гебертистов совершить переворот, начиная с 9-го Термидора, являлся одним из самых решительных врагов реакции. Его прошлая деятельность, в качестве главы Нантского Революционного

¹⁾ «Journal de la Liberté de la Presse», № 7 от 28-го Фруктидора III года (14 сентября 1794 г.).

²⁾ «Journal de la Liberté de la Presse», № 1 от 19-го Фруктидора III года (4-го сентября 1794 г.).

³⁾ «Journal de la Liberté de la Presse», № 4.

Комитета, делала его ненавистным в глазах термидорианцев. Правда, его массовые казни и „республиканские свадьбы и крестины“ ¹⁾ были жестоки, но если бы заняться деятельностью героев термидорианской реакции, вроде Тальена и Фрерона то у них рыльце на этот счет было бы еще больше в пуху. Реакция, для которой якобинский клуб являлся бельмом на глазу, сейчас вспомнила деятельность Карье и решила воспользоваться ненавистью термидорианцев к якобинцам и создать против него процесс, который носил бы чисто политический характер, направленный против той партии, к которой принадлежал Карье. По существу, главная вина Карье заключалась в том, что он был непримиримым врагом реакции, и этого было уже достаточно, чтобы правительство возбудило против него судебное дело.

В конце октября Конвент принял постановление, облегчающее привлечение к суду членов Конвента, а затем была созвана комиссия для разбирательства дела Карье. Враги якобинцев слева, и в том числе Бабеф, не упустили случая нападения на „террористов“. С этой целью Бабеф выпустил памфлет, в одном уже названии которого крылось определенно тенденциозное отношение к процессу Карье.

Брошюра носила название: „Система истребления народа или жизнь и преступления Карье; о его роли в процессе Революционного Комитета Нанта, с политическими взглядами и соображениями Децемвирата по поводу применения этой системы; по поводу причины войны с Вандеей; о проекте применения этой системы обезлюдения ко всем частям Республики“.

В этом памфлете Бабеф приписывал Робеспьеру чудовищную мысль истребления при помощи террора части французского населения—крупных собственников и даже бедняков—для того, чтобы произвести новое распределение собственности

¹⁾ По показаниям своих бывших обвиняемых Карье будто бы употреблял следующий порядок расправы с арестованными повстанцами: он приказывал связывать по-парно голых мужчин и женщин и топить их в Луаре—это называлось «республиканской свадьбой»; «крестины» же совершались следующим образом: устраивались речные суда с клапанами в трюмах, трюмы наполнялись пленными, а затем открывались клапаны, и топили пленных.

Карье, между прочим, не отрицал того факта, что он приказывал казнить многих мятежников, но он ссылаясь при этом на полученные инструкции от Конвента, указывал на те опасности, которые тогда угрожали Республике и на разнузданность страстей в гражданской войне.

между оставшимися в живых. Характерно, что все рассуждения Бабефа, направленные против террористического режима, аргументировались теми же стремлениями к „всеобщему равенству“ и „неизменному счастливому состоянию“, с которыми мы встречались раньше. Бабеф пока еще не понимает той положительной роли, которую сыграл террор в деле приближения к этому „счастливому состоянию“.

Начав с того, что „все гильотины вместе взятые“ не могут заставить его отказаться от того параграфа Прав Человека, который разрешает свободное проявление своих суждений, Бабеф использует это „свободное проявление“ в целях нападки на режим Робеспьера. Правда, он указывает, что относится к деятельности Робеспьера, как „независимый и вполне свободный историк“, имея при этом в виду признание им кое-какой положительной роли мелко-буржуазной диктатуры. Но эта дань справедливости по отношению к некоторым мероприятиям прошлого режима не мешает ему присоединять свой голос к хору реакционеров, с улюлюканьем нападающих на времена Робеспьера.

По существу, если рассмотреть те положительные стороны, которые, по мнению Бабефа, имел режим Робеспьера, то они вполне превышают, даже с точки зрения Бабефа, его отрицательные стороны. Но Бабеф либо боится это признать, либо у него не хватает смелости сделать логический вывод из своих рассуждений. Посмотрим теперь, с какой частью политической программы Робеспьера Бабеф не только солидаризируется, но и одобряет.

„Я не намерен—заявляет Бабеф—осуждать ту часть политического плана Робеспьера, которая относится к взиманию пособий с богатых в пользу детей и родственников защитников отечества. Я не осуждаю даже тех мер, которые имеют целью выжать побольше денег из баловней судьбы, для того чтобы вознаградить лично этих защитников по возвращении их с поля битвы...“

Было бы крайне несправедливо, чтобы неимущий подвергался опасностям и рисковал своей жизнью для защиты собственности других людей, в то время, как последние оставляют без всякой помощи его семью и его самого... Я говорю (хотя бы это мнение показалось похожим на систему Робеспьера), что земля должна обеспечивать существование всех членов государства, все равно, сражаются они или нет“¹⁾.

¹⁾ «Le système de la Dépopulation», стр. 31.

Далее Бабеф принужден также признать, что экономическая деятельность правительства во время диктатуры якобинцев все же имела целью разрешение вопроса всеобщего равенства. Ему приходится согласиться с тем, что Робеспьер боролся против дурных государственных учреждений и законов, которые были направлены к монопольному захвату меньшинством населения всей промышленной и поземельной собственности. Но что особенно интересно, Бабеф признает себя сторонником решительных мер в борьбе с злоупотреблениями власти, направленными к узаконению неравенства.

„Современная власть—говорит он—для восстановления равновесия (собственности. А. П.), которое никогда не должно было бы нарушаться, обязана сделать то, чего прежняя администрация не сделала во-время для предупреждения злоупотреблений или для подавления их в зародыше (подчеркнуто мною. А. П.); авторитет законов должен осуществить переворот, направленный к конечной цели рационального государства, созданного общественным договором: все должны иметь достаточно, и никто не должен иметь слишком много (подчеркнуто в оригинале. А. П.). Если таковы были намерения Робеспьера, то он в этом отношении выказал себя настоящим законодателем“ (подчеркнуто мною. А. П.)¹⁾.

И тут Бабеф подходит к пресловутой „системе обезлюдения“. Алчность и тщеславие господствующих классов, необеспеченность трудящегося населения, неодинаковое воспитание порождают классовую рознь, которая, он считает, может повести к гражданской войне. Пусть первые (господствующие классы. А. П.) будут справедливы,—говорит он,—пусть они откроют глаза на истину, на свои собственные интересы: тогда они пойдут на добровольные уступки; в противном случае, когда чаша переполнена, когда народная масса, лишенная продовольствия, изголодалась, природа (а она всегда была справедлива) прорывает все плотины (подчеркнуто мною. А. П.); когда та скрытая вражда, которая всегда существует между эксплуататорами и угнетенными, вспыхивает с внезапной силой и опрокидывает все препятствия, тогда осуществляется то, о чем говорил Бертран Барер в известном докладе: Несчастные составляют главную силу на земле, они

¹⁾ Ib.

имеют право повелевать правительствами, которые игнорируют их интересы ¹⁾).

Как это ни странно, но Бабефу представляется, что Робеспьер единственный способ предотвращения гражданской войны видел в истреблении части населения: „Только уменьшение населения — комментирует он — может ослабить этот буйный порыв, но простая попытка прибегнуть к этому средству сопряжена с большим риском“. Бабеф категорически отвергает такой способ разрешения вопроса о примирении классовых противоречий. Помимо того, что он не разделяет мальтузианских настроений по поводу несоответствия производительности почвы какой-либо страны с потребностями ее обитателей, он высказывается против мер обезлюдения и склоняется к тем мерам, какие предлагали Платон, Мабли и Монтескье: частичное воздержание, основание колоний и ряд политических мероприятий.

„Я полагаю,—заявляет Бабеф,—что даже в том случае, если средства существования, коими располагает какая-нибудь нация, недостаточны для удовлетворения потребностей всех ее членов, то законы природы повелевают прибегнуть не к истреблению населения, а к частичному воздержанию каждого из его членов так, чтобы потребности всех равномерно удовлетворялись в обычной пропорции. Я хорошо знаю, что Платон, Мабли и Монтескье и другие допускали возможность размножения населения за пределы, превышающие размеры национального производства... Но для борьбы с этими бедствиями они рекомендуют только основание колоний и другие аналогичные средства, а для предупреждения подобных опасностей в будущем они предлагали целый ряд политических мероприятий, ни в чем не противоречащих законам природы“ ²⁾.

Таково было начало публицистической деятельности Бабефа в послетермидорианский период. Рассказывая „страсти“ по поводу террора, называя Робеспьера „тяжким злодеем“, клемя наиболее революционный период всей французской революции как „террористический“, он несомненно во многом способствовал росту и укреплению тех настроений, с которыми впоследствии ему самому пришлось не раз бороться.

Между тем реакция все усиливалась. Хотя переворот 9-го Термидора совершен был левыми совсем не с целью ослаб-

ления террора, но после переворота союзники справа оказались сильнее их, и теперь террористические мероприятия начали отменяться одно за другим: 10 Термидора упразднили народные комиссии, 1-го августа отменили закон 22-го Прериала и отстранили от должности обвинителя Фукье-Тенвиля, 5-го августа ослабили законы о подозрительных, 10-го августа преобразовали Революционный Трибунал, 4-го сентября отменили наиболее суровые законы против дворян и эмигрантов. И так каждый день приносил с собою очередное доказательство капитуляции революции.

Реакционеры торжествовали. Умеренные и правые газеты восторженно приводили на своих страницах число освобожденных из тюрем граждан, трогательно рассказывалось, как вождь реакции Тальен освобождал заключенных и утешал остающихся в тюрьмах. Взволнованные такими событиями якобинцы решили обратиться в Конвент с петицией, в которой была бы представлена вниманию законодателей картина зол, раздирающих республику. 11-го октября депутация якобинцев появилась перед решеткой Конвента с требованием точного применения закона о подозрительных. Из тактических соображений реакционное большинство Конвента приняло эту делегацию весьма благосклонно, но в тот же день, рассеяв недовольство якобинцев, правительство решило расправиться со своими крайне-левыми врагами. Заручившись, таким образом, помощью или, по крайней мере, нейтралитетом якобинцев, Конвент распорядился арестовать вождей Избирательного Клуба ¹⁾ — Ру и Бодсона.

Бабеф под влиянием усиливающейся реакции примыкает к левым якобинцам, в „Газете Свободной Печати“ выступает против обвинений, брошенных Билло Варреном гебертистам, против ареста вождей электоральцев и берет под свою постоянную защиту „анти-якобинских патриотов“, в число которых входили многие из гебертистов.

„Электоральцы“ придавали громадное значение восстановлению Парижской Коммуны и конституционных властей города Парижа, в частности восстановлению оплаты секционных заседаний с сокращением числа этих заседаний. Якобинцы оста-

¹⁾ Ib.

²⁾ Ib.

¹⁾ „Избирательный Клуб“ или, как он иначе известен под названием „Электорального Клуба“, являлся центром сосредоточения крайне-левых элементов, стоявших в оппозиции слева к якобинцам и доставлявших своими истинно демократическими петициями конвентскому большинству немало хлопот.

вались совершенно равнодушными к той анти-демократической политике, которую правительство проводило в отношении самоуправления столицы. И электоральцам приходилось вести борьбу за собственный страх и риск.

В связи с арестами руководителей Избирательного Клуба, они обратились с петицией к Конвенту, в которой авторы обращения требовали „возврата Парижу обычных в течение декады двух заседаний секций, которые одни в состоянии обеспечить наемных рабочих всем необходимым“; кроме того, петиция настаивала на возврате Парижу его „муниципалитета, его должностных лиц, избранных народом, единственным—имеющим право их назначать“. В заключение петиция затрагивала вопросы торговли и указывала, что единственным средством оживить торговлю является отмена всякой реквизиции, „не исключая и для армии“. Бабеф перепечатал этот адрес Избирательного Клуба в № 22 своего органа ¹⁾ и сопровождал его следующими строками: „Мы высказываем свое полное одобрение партии, обратившейся с всеобщим протестом и с требованием возвратить права народному суверенитету. Предмет торговли заслуживает углубленного рассмотрения; имеется много признаков спекулятивной скупки и необходимы еще на долгое время законы против жадности“. Еще раньше, в предыдущем номере своей „Газеты“ (№ 21), он настоятельно агитировал за восстановление секций, „мест, где народ должен осуществить свою исполнительную власть и непрерывное наблюдение над поведением своих доверенных“. Секция Музея, распространяемая Бабефом, приняла резолюцию о восстановлении прав народа, выраженном в избрании представителей власти. За эту резолюцию в секциях велась ожесточенная агитация.

Таким образом, даже после присоединения к левым якобинцам, Бабеф ничем не расширяет своей прежней политической программы и в своих политических требованиях не идет дальше Конституции 1793 г. и связанных с ней демократических реформ. Он занимается популяризацией принципов Декларации Прав, разъяснением всех преимуществ республиканского образа правления, полемизируя по этим вопросам со всеми имевшимися тогда многочисленными противниками. Что касается его эконо-

мической программы, то она была также типично якобинской, т. е. у него, как и у якобинцев, нет никаких предложений, направленных к урегулированию экономической жизни: вопросы чисто политические продолжали доминировать над всеми остальными. Единственно заслуживающим внимания является то обстоятельство, что Бабеф, приняв экономическую программу левых якобинцев, невольно должен был притти к тем же крайним средствам урегулирования хозяйственной жизни, к каким прибегало прежнее террористическое правительство. В самом деле—от „законов против жадности“ до реквизиции—один шаг. Нет сомнения, что в настоящей программе Бабефа нет и намека на коммунизм.

Характерно, что и Девиль, анализируя деятельность Бабефа в его органе, констатирует, что она лишь „при весьма доброй воле может быть рассматриваема, как содержащая в себе зародыши весьма далекого социализма ¹⁾. На самом деле, как мы могли уже убедиться, во всей политической деятельности Бабефа в этот период не чувствуется коммунизма и в зародыше. Но события подхлестывают и менее решительных, и очень скоро в борьбе против программы, „довольствующейся работой и хлебом“ ²⁾, с одной стороны, и ничем не прикрытой реакции, с другой, в арсенале Бабефа нашлись более сильно действующие средства и выражения. Бабеф освобождается постепенно от термидорианских иллюзий, не только склоняется к оправданию всей деятельности Робеспьера, но и призывает вернуться к „традициям славной революции“. Поводом к изменению его позиции по отношению к якобинцам и к правительству послужило отчасти постановление Комитета Общественной Безопасности, отдавшего 13 окт. 1794 г. приказ об аресте редактора „Газеты Свободы Печати“. Бабефу пришлось скрываться и перейти на нелегальное положение. Продолжать издание уже было невозможно, и сотрудники совместно с Бабефом решили переменить название своего органа. Так появился „Народный Трибун“—прямой продолжатель закрывшейся „Газеты Свободы Печати“. За исходную точку своих рассуждений новый орган берет мысль о том, что после падения Робеспьера завоеванная народом свобода должна быть возвращена нации.

¹⁾ G. Deville «Thermidor et Directoire», стр. 30.

²⁾ Слова якобинца Одуэна, заявившего в своей речи, что народ ничего не просит, кроме работы и хлеба, и что в задачу якобинцев вовсе не входит «грабление богачей».

¹⁾ Адрес был составлен 7-го Вандемьера III года (28-го сентября 1794 г.) и перепечатан Бабефом в № от 10-го Вандемьера III года (1-го октября 1794 г.).

Народ своей славной революцией завоевал себе свободу. Эта свобода затем была узурпирована Робеспьером. Сейчас, вместо того, чтобы возвратить эту свободу нации, правительство начинает заниматься „воскрешением всех видов разврата и распушенности старого двора“. „Когда я один из первых с запальчивостью требовал разрушения ужасных эшафотов системы Робеспьера,—оправдывается Бабеф,—я был далек от того, чтобы предвидеть, что я способствую созданию постройки, по своей конструкции весьма оппозиционной, но для народа не менее пагубной. Я был далек от того, чтобы предвидеть, что, требуя снисхождения, уничтожения всякого угнетения, всякого деспотизма, всякой несправедливой суровости, наиболее полной свободы высказывать устно и письменно свои мнения, я по-готовлял, в конце концов, подрыв республики во всех ее основаниях“ ¹⁾ (подч. мною. А. П.).

Отдавая себе вполне ясный отчет, что этот „подрыв республики“ берет свое начало с памятного дня казни Робеспьера, Бабеф впоследствии проделал еще более значительный шаг на пути оценки диктатуры якобинцев. Он „сменил вехи“ и признал не только заслуги Робеспьера, как „благодетеля человеческого рода“, но и призывал французский народ его именем восстать для уничтожения тирании.

„Урна Робеспьера! Дорогой прах! Восстань и уничтожь низких клеветников—восклинул патетически Бабеф.—Но нет, смиренно, презри их, весь французский народ, блага которого ты желал, и для которого твой гений сделал больше, чем кто либо—весь французский народ поднимется, чтобы отомстить за тебя. А вы, памфлетисты, научитесь чтить память мудреца, друга человеческого рода (подч. мною. А. П.), великого законодателя, и воздержитесь от нанесения обиды тому, кого будет почитать потомство!“ ²⁾.

Эти новые взгляды стоят между собой в логической связи с наметившимися уже ранее стремлениями редактора „Народного Трибуна“ к демократии. Правительство необходимо для того, говорил он раньше, чтобы сделать народ счастливым; сделать же оно может это лишь тогда, когда оно будет демократично. Демократия в наиболее совершенной форме—есть конституция 1793 г. Прямой вывод отсюда—апология ее творцу.

Надо все же оговориться, что эта апология относилась лишь к той части деятельности Робеспьера, которая была связана с его участием в Декларации Прав 1793 г. В остальном он больше взывает к Робеспьеру, как к решительной личности, одно упоминание о которой вселяет страх и ненависть в среду реакции. Бабеф отнюдь еще не солидаризируется со всей политикой якобинской диктатуры, и многие мероприятия прошлого режима остаются для него неясными. Так напр., Бабеф, несмотря на свое горячее раскаяние в своих прежних заблуждениях, все еще не может понять контр-революционных последствий возвращения жирондистов. Он верит, несмотря на свою солидарность с левыми якобинцами, в возможность совместной работы с жирондистами. Он горячо приветствует возвращение в Конвент 71 жирондистских депутатов.

„Я желал бы, если бы это было возможно,—заявляет Бабеф,—отрекаясь от всякого злопамятства, вновь вернуть их на прежнее место, так как возвращение 71 депутата было бы ничем иным, как лишь дружеским содействием новому началу великой деятельности Конвента... И 71 депутат—отмечает он с удовольствием—вошли, как триумфаторы“ ¹⁾.

Все же эта эволюция во взглядах Бабефа на якобинскую диктатуру оказалась для него чрезвычайно полезной, так как, сделав этот шаг—пусть даже движимый больше чувством, чем разумом,—ему пришлось скоро признать необходимость еще недавно для него наиболее одиозной меры, являвшейся одной из основ диктатуры Робеспьера—террора. Но это понимание пришло лишь тогда, когда Бабеф, отодвинув вопросы высокой политики на второй план, снова занялся вплотную безвыходным положением трудящихся.

Колоссальные толпы безработных, понижающих уже и без того низкую заработную плату, массовые самоубийства рабочих на почве голода и безработицы и насильственная классовая политика правительства были результатами тех „благодеяний“, которые обрушились на рабочий класс после отмены закона о „максимуме“. Правительство же не только не собиралось принимать каких либо мер к улучшению положения рабочих, но подготовляло проект применения к рабочим телесных наказаний.

¹⁾ «Tribun du Peuple» № 28, от 28 Фримера (18-го декабря 1794 г.).

²⁾ «Tribun du Peuple» № 34.

¹⁾ Ib. № 28, от 28 Фримера (18 декабря 1794 г.).

Как известно, Директория в начале 1796 г. вошла в Совет Пятисот со следующим весьма характерным предложением по поводу насильственного привода рабочих к работе. „Так как закон часто остается неисполненным, — говорилось в этом проекте, — и так как он не предписывает ни наказания, ни принудительных мер, то... мы вас приглашаем ввести закон, который уполномочивал бы суды подвергать исправительным карам, а в случае рецидива — телесным наказаниям всех рабочих, которые, будучи в свою очередь вытребованы, отказались бы повиноваться комиссарам исполнительной власти“. Таковы были те меры, при помощи которых власть имущие думали разрешить вопрос о помощи безработным. Естественно, что Бабеф, заинтересованный прежде всего судьбой санкюлотов, не мог пройти мимо их бедственного положения.

Еще раньше в Термидоре III года он возмущался тем, что он „видит без рубах, без сапог, без платья почти всех тех, кто фабрикует эти материи — шерсть или шелк; почти всех тех, кто изготавливает полотно и ткани, выделывает кожу и шьет обувь; что рабочие, занятые в производстве мебели, ремесленных инструментов или домашней утвари и на постройках, нуждаются во всем“¹⁾.

Сейчас он обрушивается на правительство за то, что оно способствует вымиранию „класса санкюлотов“. „Невероятная дороговизна — пишет он в своем органе — заставляет горевать и умирать с голоду бедных рабочих, получающих по 4 ливра или по 100 су в день. Угроза прекращения работы в общественных мастерских заставляет опасаться более ужасного будущего“. Уничтожение „максимума“, которое провозгласили контр-революционеры, и которое на самом деле было на руку лишь жадному ненасытному купечеству, начинает окончательно добывать класс санкюлотов²⁾ (подчеркнуто мною. А. П.). Нами уже отмечалось, что Бабеф не понимал сущности развивающегося процесса капиталистической трансформации Франции. Он был против капитализма, против „монополизации богатств“ и часто в своих рассуждениях о тяжелом положении масс обращал свои взоры назад к докапиталистическим временам. И сейчас, не понимая тенденции общественного развития, он направляет свой гнев не столько против

капиталистической системы в целом, сколько против „проделок“ отдельных капиталистов. Но это не значит, понятно, что Бабеф примирился со всем социальным строем. Для Бабефа настоящее положение рабочих является результатом заговора спекулянтов — купцов, которые нарочно устанавливают высокие цены на товары, чтобы они были доступны лишь членам их круга; низкий уровень заработной платы определяется произволом, преступными действиями тех, кто ничего не делает, а довольствуется лишь спекуляциями.

„Присматриваясь к ничтожному меньшинству, не нуждающемуся ни в чем, я замечаю, что за исключением землевладельцев, оно состоит из всех тех, кто не работает, из всех тех, кто довольствуется вычислениями, комбинациями, выворачиванием на изнанку, разогреванием и подкрашиванием каждый раз все в новой форме — старого-престарого заговора части против целого; с помощью этого заговора становится возможным привести в движение массу рабочих рук, так, чтобы сами работники не воспользовались созданными ими продуктами; он прежде всего дает возможность сгруппироваться огромному числу преступных спекулянтов, которые, объединившись в целях непрерывного понижения заработной платы, сговариваются или между собой, или с посредниками, распределяющими сосредоточенные ими запасы, т. е. с купцами, их соучастниками в воровстве, чтобы установить определенные цены на все товары, цены, доступные только богатым, т. е. тем, кто в состоянии всякими правдами или неправдами накапливать деньги и захватывать в свои руки все богатства“ (подч. всюду мной. А. П.¹⁾).

Так пишет Бабеф о современном ему порядке вещей. В противовес этому заговору ничтожного меньшинства против „настоящих производителей, обреченных на лишения“, Бабеф выдвигает довольно важный с точки зрения объективных условий принцип предпочтения трудящихся, как один из признаков „совершенного законодательства“.

„Совершенное правительство должно стремиться, — продолжает Бабеф, — чтобы все имели достаточно и никто не имел бы излишков. Истинные законодатели не придерживаются таких социальных учреждений, для которых не существует опре-

¹⁾ Письмо Бабефа к Жермену от 10 Термидора III года (1795 г.).

²⁾ „Tribun du Peuple“, № 28.

¹⁾ Письмо к Жермену. Advielle: «Histoire de Gracchus Babeuf» т. I, стр. 145—146.

деленных границ корыстолюбия и честолюбия, и если они не в состоянии оказывать предпочтение трудящимся, то, во всяком случае, они в состоянии гарантировать по своим средствам необходимую работу для всех, равное образование и независимость граждан друг от друга, гарантировать необходимые средства к существованию неработающих детям, слабым и дряхлым старикам“.

Здесь уже, среди общих рассуждений о равенстве, мы встречаемся, помимо требований права на труд, с определенным стремлением перенести центр тяжести на удовлетворение экономических потребностей трудящихся. Такая постановка вопроса, не говоря уже о той революционной роли, которую теперь приобретает деятельность Бабефа, в значительной степени способствовала пониманию Бабефом истинных пружин общественного развития. Отмечая в № 29 „Народного Трибуна“ важность экономических вопросов, Бабеф приходит к следующему заключению: „В сущности, вот где скрывается принцип всей политики—это в гарантировании всем управляемым удовлетворения их потребностей“¹⁾ (подч. всюду мной. А. П.).

Интерес к политике обостряет его критическую мысль в смысле оценки социальной подоплеки борющихся в Конвенте партий. Анализ классового соотношения Конвента приводит Бабефа к мысли о ложности и обманчивости лозунга и понятия республики, без того, чтобы в него влить определенное классовое содержание.

„Я различаю в Конвенте две партии, пишет он в своем органе, разделяющие диаметрально противоположные взгляды на систему и план государственного правления. Сила той и другой партии изменяется в зависимости от обстоятельств, и только этими колебаниями объясняется чередование побед и одерживаемых каждой из них. Я охотно допускаю, что обе они хотят республики, но каждая хочет ее по своему. Одна партия хочет республики буржуазной и аристократической. Другая полагает, что она добилась ее установления и требует, чтобы она сохранила чисто народный и демократический характер. Одна хочет республики одного миллиона, который всегда играл бы роль врага, владыки, грабителя, угнетателя и кровопийцы для остальных 24 миллионов,—тогда

миллиона, который испокон веков наслаждается праздностью на счет нашего пота и труда. Другая партия хочет республики в интересах последних 24 миллионов, которые положили ей начало, скрепили камни республиканского здания своей кровью, поддерживают, удовлетворяют все нужды отечества. Первая партия хочет, чтобы в республике существовали знатные и простонародие; она хочет, чтобы ничтожная кучка привилегированных и господ утопала в роскоши и наслаждениях, а подавляющее большинство было поставлено в положение илотов и рабов. Вторая партия требует для всех не только юридического, бумажного равенства, но и умеренного довольства, обеспеченного законом, удовлетворения всех физических потребностей и пользования всеми преимуществами общежития—в виде справедливого и неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком на общую пользу“¹⁾ (подч. всюду мной. А. П.).

В этом противопоставлении миллиону бездельников 24-х миллионов трудящихся чувствуется несомненное влияние якобинцев, которые как раз к этому времени так и ставили проблему соотношения борющихся сил в государстве. Якобинцы после термидорианского периода также прекрасно понимали социальную подоплеку борющейся с ними справа партии. Так, напр., на одном из заседаний якобинского клуба, один из ораторов, Крассу, оперировал как раз этими цифрами. Но в то время, как якобинцы, несмотря на эти выкладки, все же вели бешеную кампанию против представителей населения предместий, Бабеф сумел из своего анализа сделать все выводы в связи с поставленной целью добиваться не юридического, а фактического равенства. Истинно демократическая республика немыслима, по мнению „Народного Трибуна“, без разрешения основного вопроса существования и дальнейшего прогресса трудящихся масс—справедливого, неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком в общую пользу. Такая постановка вопроса демократии является уже логическим выводом из провозглашенного раньше лозунга—предпочтения трудящимся.

В связи с этим, Бабеф не оставляет взятый им решительный тон борьбы с реакцией. Со столбцов своего органа он

¹⁾ «Tribun du Peuple», № 29, от 19-го Нивоза III года.

¹⁾ «Tribun du Peuple», № 29, от 1—19 Нивоза III г.

клеимит и разоблачает предательскую деятельность контр-революции, которая находит свое выражение, как в действиях новой аристократии, так и в поведении многих членов Конвента.

„Подлые плебеи! восклицает он со страниц „Народного Трибуна“. — Разве вы не видите, что эти бесчестные патрицианки, эти авантюристки знатной расы¹⁾, которые сегодня оказывают вам честь, отдаваясь в ваши руки простолюдина, мещанина, завтра же вас задушат, лишь только сумеют восстановить порядок вещей на старую ногу? Прислушиваясь к их голосу, вы копаете себе могилу. Вы противодействуете развитию всей революции. Французы, вы находитесь под властью проституток“²⁾).

Полиция все время разыскивала Бабефа, но найти его не могла. Она делала внезапные обыски у сотрудников и друзей его, но все было напрасно. Между тем, Бабеф начал искать такой внешней силы, на которую он мог бы опереться. С этой целью он снова возвращается к вопросу о деятельности Конвента. Реакция — несомненный и существующий факт. Конвент — „многоголовый деспот“. Правительство не составляет в этом отношении исключения. Люди, обладающие исполнительной властью и заведующие текущими вопросами правления, должны быть смещены. — Таковы были мысли, которые Бабеф развивал еще раньше в своем органе. Очевидно, желая придать особый вес своим заявлениям, Бабеф грозил правительству массой своих единомышленников — „большинством парижского населения и всем севером Франции“.

Однако, он не удержался на этой революционной точке зрения негодности всей законодательной и административной машины страны — Конвента и правительства — и спустя короткое время стал на почву парламентской и конституционной критики. Он отделяет Конвент от правительства и утверждает, что лишь правительство — оплот реакции и угнетения, а Конвент даст Франции свободу. Так, напр., в № 32 „Народного Трибуна“ Бабеф выдвигает в качестве задачи момента — изменение состава правительственных лиц, а не самого принципа власти. „Я начну с того, — заявляет

он, — что отделю Национальный Конвент от той партии его, которая с самого начала появилась в Конвенте, которая постоянно оставалась одной и той же, изменяла по мере надобности свои маневры, переменяла своих главных членов, но имела всегда одну цель — подольше властвовать и основывала свое могущество на угнетении большинства и на работе полезных и рабочих классов (подч. мной. А. П.). Эта партия и виновата во всем. Конвент же состоит из людей хороших, чуждых интригам, склонных к добру... Если только предоставить Конвент самому себе, он всегда будет демократичен, верен интересам 24 миллионов патриотов, а не одному миллиону врагов народа и революции“.

Кончает эту статью Бабеф следующими словами: „Национальный Конвент, сделайся снова самим собой, и ты еще принесешь добро народу, народ тебя благословит, и всевозможные партии исчезнут“¹⁾).

Как видим, Бабеф начал с того, что объявил Конвент и правительство негодными, а кончил не только полным прощением Конвенту всех его проступков, но и апологией его. Но эта парламентская и конституционная позиция не помешала ему указать на злодеяния преступной партии, вроде: „амнистии всем врагам свободы“, „нежности к вдовам палачей человечества“. Затем, даже простив Конвенту его прегрешения, Бабеф сумел признать значение последнего атрибута якобинской диктатуры — террора. Он включает в свою программу требование восстановления „закона о подозрительных“. Он приходит к мысли о необходимости провозглашения гражданской войны санкюлотов, „истинных производителей“, против класса эксплуататоров.

Такой прогресс в его взглядах объяснялся в первую очередь теми радикальными настроениями, какие начинают все более господствовать в рабочих кварталах. Среди населения предместий все более и все чаще начинают вспоминать с сожалением прошлые времена робеспьеровской диктатуры, при которой рабочим массам и городской бедноте жилось несравненно лучше. Это настроение нашло себе выражение в выступлении на заседании Конвента от 4-го Нивоза III года рабочего — оружейника из Сант-Этьена, Ноэля Пуанта, одного из двух рабочих членов Конвента.

¹⁾ Бабеф здесь имеет в виду аристократок — метресс, вроде Терезы Кабарю, в прошлом маркизы де Фонтеню, ныне любовницы члена Конвента Тальена и многих других.

²⁾ „Tribun du Peuple“, № 29.

¹⁾ „Tribun du Peuple“, № 32, от 13-го Пловнюза III года.

„Революция 9-го Термидора—заявил Ноэль Пуант—началась с казни Робеспьера и его единомышленников. Она возвратила свободу патриотам, которые стонали от оков. Но что совершилось затем? Террор не прекратился и перешел только в другие руки. Богачи и купцы издеваются над несчастным народом и угрожают при помощи массы ассигнатов закупить все питание бедняков. Никогда они не заходили так далеко в своих издевательствах... Летаргический сон умеренных партий не менее пагубен (подч. в оригинале. А. П.), чем неусыпная бдительность террора. Я смотрю со страхом, как контрреволюционеры отравляют своим дыханием пагубный для свободы политический горизонт. Я предлагаю, чтобы закон о подозрительных 17-го сентября 1793 года начал исполняться вновь точка в точку“¹⁾).

Поместив в своем органе эту горячую решительную речь, Бабеф всецело одобряет требование, выставленное рабочим членом Конвента и с нескрываемым удовольствием замечает: „Он (Ноэль Пуант. А. П.) не был настолько прост, чтобы патрицианский заговор мог ему доставить удовольствие, как он получил в свое время от первого манифеста (отмена закона о „максимуме“. А. П.), направленного к недостойному угнетению патриотов“²⁾).

Взятый Бабефом решительно радикальный тон подчеркивания „угнетения и рабства рабочих классов“ обязывал его уже к чему-то большему, чем... к гуманным рассуждениям о „всеобщем благе“. И действительно, в следующем номере своего органа, он призывает народ, употребляя выражение самого автора, к „мирному восстанию“. В № 31 „Народного Трибуна“ он поместил „Проект адреса французского народа к своим избирателям“. В этом „Адресе“ Бабеф рисует все те жертвы, которые были принесены французским народом, „чтобы достигнуть соответствующих законов для всех людей и общего блага, для которого он совершил революцию“. Затем он показывает тщетность этих жертв и призывает своих читателей к восстанию против угнетателей, к гражданской войне, имеющей своей целью уничтожение частной собственности.

Бабеф берет за исходную точку своих рассуждений ту мысль, что народ революцией 1789 года завоевал себе свободу, что

эта свобода была сначала узурпирована Робеспьером, а теперь, после падения Робеспьера, севшим на его место правительством. „Мы показали, — пишет он в этом проекте „Адреса“, — что с 1789 г. и, главным образом, с 1794 г. скопление бедствий и общественного угнетения были единственной оплатой за великие потрясения народа против угнетателей и грабителей...“

„Частная собственность является главным источником всех зол, сопутствующих обществу. Общество — это пещера. Гармония, которая в нем царствует, есть преступление. Что можно сказать о законах и о собственности? Собственность есть доля узурпаторов и законы — вещь еще более ужасная... Убивайте без пощады всех тиранов, патрициев, позолоченных в миллионах, всех безнравственных, которые противодействуют Вашему общему благу! Вы являетесь народом, истинным народом, единственным народом, достойным пользоваться благами этого мира!.. Все, что народ делает — законно, все, что он приказывает — священо“¹⁾.

Предвидя боязнь, которую может внушить перспектива гражданской войны, он впоследствии указывал, что настоящая действительность хуже всякого междоусобия, и при этом произнес поистине исторические слова: „Разве существует какая либо более возмутительная гражданская война, чем сейчас, когда видишь столько убийц, с одной стороны, и столько беззащитных жертв, с другой? Не лучше ли гражданская война, где обе эти стороны сумеют взаимно защищаться?“¹⁾.

Так замкнулся тот круг, который, начавшись под знаком ликвидации революции (9-го Термидора) определенными термидорианскими симпатиями, закончился теперь призывом к гражданской войне. Сейчас Бабеф был уже далек от мысли, что классовая рознь и гражданская война необходимы лишь для проведения „системы обезлюдения“, с целью наделения собственностью оставшихся в живых. Кроме того Бабеф, как это можно видеть, призывал к „истреблению“ лишь „населения“, ограничиваясь кругом „тиранов, патрициев и позолоченных в миллионах“.

После выхода в свет № 32 „Народного Трибуна“, где был напечатан „Проект адреса“, Бабеф „за призывы к возмущению, к убийствам и к роспуску Национального Представительства“ был арестован. Донос Тальена о „покушении

¹⁾ «J. Jaurès»: «Convention» том III, стр. 113—115.

²⁾ «Tribun du Peuple», № 29.

¹⁾ «Tribun du Peuple» от 9 Фримера II г.

на верховные органы власти" возымел свое действие, и Бабеф очутился снова в тюрьме.

К даче показаний были привлечены не только сотрудники, но и уличные продавщицы газеты. 24-го февраля 1795 г. Бабеф был представлен в Комитет Общественной Безопасности; здесь он отказался дать какие либо показания; продержав Бабефа несколько дней в Париже, его отправили в Аррасскую тюрьму, где он встретился с редактором газеты „Равенства“ («Journal de l'Egalité») Лебуа. Здесь и зародились первые идеи бабувизма.

Таков процесс развития воззрений Бабефа за этот период, начавшийся под знаком ликвидации революции. Начав с апологии Термидора, он, под влиянием развертывающихся событий в процессе, как он выразился, „завоевания палладиума против тирании“ («Conquête du palladium antitirannique») ¹⁾, примкнул к левым якобинцам, каковым и оставался, по существу, до настоящего ареста. И лишь в октябре 1795 г., выйдя на волю, он окончательно ставит перед собой проблему коммунистического переворота, проблему, отдельные моменты которой он пытался теоретически разрешить уже в последних номерах „Народного Трибуна“.

Якобинский период несомненно приблизил его к коммунизму, однако, и в этот период Бабеф внес еще очень мало оригинального в этот вопрос.

Последовательное изложение мировоззрения Бабефа приводит нас к последнему периоду деятельности народного трибуна—бабувистическому, когда окончательно оформился его общественный идеал.

Бабеф созрел как идеолог санкюлотов в процессе своей деятельности по созданию „Заговора Равных“ и по подготовке переворота. Вследствие этого анализ оформления его общественных взглядов немыслим без ознакомления с фактической историей заговора, душой которого, как известно, был Бабеф.

¹⁾ Подводя итоги своей деятельности в качестве редактора «Газеты Свободы Печати», Бабеф в первом номере «Народного Трибуна» этими словами охарактеризовал задачи и направление своего первого органа.

V. ЗАГОВОР РАВНЫХ.

1. Клуб «Пантеона».
2. Тайная Организация у Амара.
3. Тайная Директория Общественного Спасения.
4. Подготовка восстания.
5. Арест, судебный процесс и осуждение заговорщиков.

1.

После ареста Бабефа 12-го февраля 1795 года он был заключен в тюрьму „La Force“, откуда спустя короткое время был переведен в Аррасскую тюрьму. Здесь он познакомился с гусарским капитаном Шарлем Жерменом из Нарбонны, с которым он попытался создать себе круг последователей, ставивших себе целью насильственный переворот и создание „Общества равных“.

Переведенный затем в парижскую тюрьму Плесси, он привлек в свой заговор большое количество своих будущих сотоварищей. Тюрьмы Парижа, в частности тюрьма Плесси была тогда очагом большого революционного брожения. Там встретились главные действующие лица „Заговора равных“.

В Флореале III года в Плесси были заключены: Дебон, Лоржан, де-Дуамель, Бертран, экс-мэр Лиона, Фонтенель, Фийон, Ханнак, Симон Дюплеи, Бодсон, Клод Фике, Массар, Буэн, Моруа, Шентрар, Гуляр, Латильм, Револь, Гольсен, Ривагр, Жюльен Дезарм, Делос, Тенай, Жермен, Буонаротти, члены народной комиссии в Оранже, члены революционных трибуналов Арраса, Камбрэ, Анжера, Рени и Бреста; члены революционных комитетов Парижа, Нанта, Невера и Мулена и многие другие революционеры других департаментов.

Эти люди, принадлежавшие к различным фракциям революционеров, все сходились в стремлении спасти республику, попранную тиранией Конституции III-го года и окончательно упредить господство справедливости и равенства.

Роялистское восстание 13 Вандемьера (5-го октября 1795 г.) заставило правительство искать опоры и поддержки в республиканцах, следствием чего явилось освобождение революционеров по амнистии 4-го Брюмера. Выпущенный 26 октября на свободу, Бабеф энергично принялся за организацию центра руководства заговором, чтобы объединить вокруг себя все расколовшиеся фракции под лозунгом общей борьбы с правительством. Самыми близкими помощниками его в этом деле явились Дартэ из Сен-Поля (Па-Де-Калэ), Филипп Буонаротти, Жюльен де-ла-Дром и Фонтенель. Дартэ изучал в Париже право, был тяжело ранен во время штурма Бастилии, был членом Директории от своего департамента, комиссаром северной армии и прокурором в Аррасе и Камбрэ; Филипп Буонаротти, потомок Микель Анджело, был изгнан великим герцогом Леопольдом из Тосканы, эмигрировал во Францию, где получил звание французского гражданина и в качестве такового был послан в составе посольства в Корсику.

На созывавшихся с целью организации заговора собрания было много предложений: одни предлагали создать организацию вроде масонской ложи, куда входили бы все противники существующего режима. Эта масонская организация должна была действовать по указаниям намеченных руководителей. Другие предлагали тотчас же сконструироваться в Инсurreкционный Комитет, который занялся бы немедленно подготовкой восстания. На этих собраниях не было достигнуто единого решения и вскоре они прекратились.

Решено было предварительно договориться об основных принципах будущей повстанческой организации. Для этого более спаянная между собой группа в составе Дартэ, Жермена, Буонаротти, Массара, Фонтенеля, Бодсона и еще других одиннадцати единомышленников собралась у Буэна. Это свидание, по словам Буонаротти, „было очень трогательным; в сердца проникла надежда, почти угасшая от стольких несчастий: здесь была дана клятва оставаться в единении и способствовать торжеству равенства“¹⁾.

Внимание данного собрания было обращено на вопрос о создании целой сети организаций в различных районах Парижа. Для выработки деталей этой организации решено было созвать более многочисленное собрание в таком пункте, где по усло-

виям времени можно было провести его более конспиративно. Такое собрание было созвано в здании монастыря св. Женевиевы, недалеко от Пантеона у Кардино. Выступавшие на этом собрании ораторы предлагали пока пользоваться вынужденной благосклонностью правительства к республиканским обществам и объявить себя для этой цели стоящими на платформе конституции III г. Дело в том, что правительство, запуганное событиями Вандемьера, принуждено было временно опереться на крайние республиканские партии и в силу этого играло в „демократию“, желая продемонстрировать перед роялистами свою связь с народными массами.

Задачу новой организации, собравшейся в саду св. Женевиевы, видели в том, чтобы объединить во взглядах всех революционеров и вновь заслужить доверие народа к этим взглядам и лишь после осуществления этих задач поднять восстание против правительства. Чтобы не дробить и так немногочисленные силы, решено было создать единую организацию, без разделения общества на много секций. Последней мерой хотели предотвратить возможность уклонения какой-либо секции от общего плана организации — уклонения, которое могло превратить часть заговорщицкой организации в „игрушку интриганов и врагов республики“. Так возникло общество, получившее название „Клуба Пантеона“, которое по мере своего роста перенеслось из помещения бывшей трапезной монастыря св. Женевиевы, пользование которою им бесплатно предоставил Кардино в подземелье монастыря.

Состав общества „Пантеона“ был довольно пестрый: сюда входили наряду с элементами, близко примыкавшими к Бабефу, вообще оппозиционные элементы, отчасти из вытолкнутых с арены активной политической жизни, как, например, уцелевшие приверженцы якобинцев, отчасти из обывательских элементов, настроенных против директориального правительства, и, наконец, даже из сторонников правительства, видевших в „пантеонистах“ опору власти в борьбе с монархистами.

Сначала общество занялось своей организацией, и в этом вопросе членам клуба пришлось преодолеть не одно препятствие. С одной стороны, легализации общества препятствовали демократические „свободы“ правительства, с другой стороны, боялись стать похожими на якобинскую организацию. Сговорились на том, что общество получило устав, который, не устанавливая ни списков, ни протоколов и ставя условием приема

¹⁾ Ф. Буонаротти. Гракх Бабеф и заговор равных. Изд. А. Ранка, стр. 44.

только рекомендацию двух членов, сделал возможным доступ к ни-
чего не имевших общего с задачами организации. Де-
общество имело председателя и секретаря, а все расходы по-
крывались добровольными сборами и с членов общества.

Через небольшой промежуток времени „Клуб Пантеона“
насчитывал более двух тысяч членов. В условиях своего вре-
мени это было большим успехом. Немногочисленные собрания
общества протекали в борьбе сторонников равенства с патри-
отами 1789 года (якобинцами). Последние видели задачу обще-
ства в том, чтобы хлопотать перед правительством о предо-
ставлении мест тем гражданам, которым они симпатизируют,
а представители „равных“ старались направить общество на путь
пропаганды своих взглядов среди народа и требовали мер
способных „пробудить почти угасшее мужество народа и зажечь
тот священный энтузиазм, которому народ был обязан столькими
победами, одержанными над всеми видами тирании“¹⁾. С целью
установления связи с массами „Клуб Пантеона“ выпустил воз-
звание, озаглавленное: „Истина, возвещаемая народу патри-
отами 1789 года“. Целью этой прокламации было не столько
непосредственная критика правительства, сколько привлечение
в новое общество большего числа трудящихся.

Одним из первых лозунгов, вокруг которого пантеонисты
думали объединить трудящиеся массы, являлось требование
проведения в жизнь двух законов, преданных контр-революцией
забвению; это были: закон, обещающий защитникам отечества
миллиард из национальных имуществ, и закон, изданный во
II-м году, об уничтожении нищенства.

Между тем, такая расплывчатая политика Пантеона не
могла удовлетворить Бабефа. Выдвинутые им лозунги в „На-
родном Трибуне“ обязывали его к более решительным дей-
ствиям.

2.

Для этой цели на улице Клери у Амара создался тайный
комитет, имевший целью подготовку восстания. В этот комитет
первоначально вошли: Амар, Дартэ, Буонаротти, Массар
(адъютант в отставке) и Жермен, а затем к ним присоеди-
нились: Дебон, Желуа, Феликс Лепеллетье, Клеманс и Марше.
По мнению создателей этой тайной организации комитет дол-
жен был прежде всего явиться „политической школой“, где

общество сумело бы окончательно сформулировать свою про-
грамму и точно определить свою тактику. Целью же восстания
было уничтожение неравенства. Эти вопросы и явились пред-
метом рассмотрения.

Амар предлагал включить в программу комитета требование
обложения буржуазии и реквизиции на предмет передачи ото-
бранного имущества неимущим, как это делал в то время Кон-
вент, не видя ниоткуда выхода, чтобы поправить пошатнув-
шееся финансовое положение правительства. Другие предлагали
раздел земель, законы против роскоши и прогрессивный налог.
Дебон, Дартэ, Ф.-Лепеллетье и Буонаротти сомневались в дей-
ствительности предлагаемых средств. Они считали, что нельзя
„бурному потоку противопоставлять весьма слабые преграды“—
поддержка права собственности постоянно дает тысячи спосо-
бов преодолеть все препятствия. Кроме того, такие меры, как
реквизиции, таксы, революционные обложения полезны лишь
как временные меры, способные удовлетворить насущные
нужды момента; применение же их как системы явилось бы пре-
пятствием для развития производства: „оставляя собственникам
издержки производства,—говорили они,—в то же время лишали
бы их поощрения, в виде пользования его результатами“¹⁾.

Кроме того, они обращали внимание на то, что целью
общества должно явиться фактическое равенство, дости-
жение которого без общности имущества и труда — равного
распределения прав и обязанностей — невозможно.

Дискуссии по всем этим вопросам не прошли безрезультатно.
Дебон напечатал сочинение, в котором он доказывал
несправедливость права собственности и указал на длинный
ряд бедствий, являющихся необходимым следствием института
частной собственности. Под влиянием этого произведения и
Амар вскоре стал на точку зрения Дебона. „Он в небольшой
промежуток времени — рассказывает Буонаротти — довел жар
своего увлечения до того, что публично стал горячим аполо-
гетом этой системы“²⁾. Изменил также Амар и свое отношение
к Робеспьеру. Амар, бывший 9-го Термидора одним из самых
ревностных преследователей Робеспьера, под влиянием Бабефа
теперь превратился в его почитателя.

¹⁾ Ф. Буонаротти, стр. 47.

¹⁾ Ф. Буонаротти, стр. 51.

²⁾ Ф. Буонаротти, стр. 52.

Для достижения поставленной цели Тайный Комитет считал необходимым добиваться восстановления конституции 1793 года как единственно способной помочь выявиться воле народа. Требование демократических реформ Комитет думал сделать первым связующим звеном между собою и массами. Члены Комитета отнюдь не заблуждались насчет совершенства этой конституции: они прекрасно сознавали, что в Декларации Прав этой конституции право собственности санкционировалось во всей его полноте. Тем не менее, пришлось признать, что осуществление конституции в значительной степени облегчало пропаганду идей общества с целью осуществления заговора. После долгих дискуссий Комитет пришел к следующему решению:

„1) Восстановить принятую народом конституцию 1793 года; этот закон открыто санкционирует пользование народа своей властью; он является средством быстро достигнуть равенства; он — связующее звено в союзе, необходимом для свержения существующей власти, проникнутой деспотизмом.

2) Исподволь подготовить принятие истинного равенства, указывая на него народу, как на единственный путь к уничтожению навсегда всех источников общественных бедствий“¹⁾.

Следующим вопросом, который встал перед заговорщиками, был вопрос о форме власти переходного периода после свержения Директории.

Одни предлагали созвать остатки Конвента, которые являются уже законной властью; другие считали необходимым вернуть временное управление республикой органу, назначенному составшим народом; некоторые, как Бодсон, предлагали опереться на остатки „Парижской Коммуны“; и наконец, иные советовали создать единоличную диктатуру „с званием диктатора и уравниателя“ (Дебон).

К сожалению вследствие начавшихся неладов среди членов Комитета, главным образом, из-за антипатии, какую питали члены Комитета к Амару (его считали тщеславным, неосмотрительным, интриганом и лживым), Комитет должен был перенести свои собрания в другое место и сразу же после этого распался.

Потребность такой заговорщицкой организации была столь велика, что, вслед за распадом Тайного Комитета, во многих пунктах Парижа тотчас же образовались другие организации того же рода. Ведь, это было время, когда по словам

Буонаротти, „не было такого истинного республиканца, который не являлся бы заговорщиком или не был бы готов стать им“¹⁾. Эти новые общества просуществовали недолго: надзор полиции вскоре заставил их прекратить свое существование. В виду невозможности развернуть организацию, было решено разбить всех членов районных организаций на маленькие незаметные клубы; вместо того, чтобы формировать из них, как это было решено, районные общества, подчиняющиеся одному центральному Комитету, предложенный проект привел лишь к окончательному их распылению.

Между тем в Пантеоне жизнь не переставала бить ключом. Выставленный лозунг добиваться проведения закона, передающего защитникам отечества миллиард и наделяющего бедняков вспомоществованием, пробудил в членах клуба былую энергию. С трудом удавалось сдерживать негодование против правительства. Подогреваемые статьями Бабефа, они превращались в ярых сторонников демократических принципов; прения, происходившие на их собраниях, помещались и комментировались всеми журналами, с той лишь разницей, что одни старались оклеветать собравшихся в монастыре св. Женеьевы, а другие с надеждой взирали на их деятельность.

Работа общества „Пантеон“ обнимала следующие задачи: 1) чтение всей выходящей периодической прессы, 2) сообщение корреспонденции членов, 3) сборы в пользу патриотов и 4) меры к освобождению арестованных патриотов из тюрем. Так, например, когда в начале Вантоза IV-го года правительство арестовало жену Бабефа, обвинив ее в распространении сочинений ее мужа, общество начало хлопотать об ее освобождении, а Бабефу было послано в тюрьму денежное вспомоществование.

Между тем многочисленные симпатии, какие начал себе завоевывать Пантеон среди масс, все более и более беспокоили правительство: все чаще на страницах правительственных газет стали раздаваться угрозы по адресу „шайки аристократов, засевших в монастыре св. Женеьевы“. В воздухе запахло репрессиями. Случайный состав общества, состоявший в большинстве своем из людей меньше всего склонных подвергнуться репрессиям, решил подчиниться правительству и признать существующую систему правления.

¹⁾ Ф. Буонаротти, стр. 54.

¹⁾ Ф. Буонаротти, стр. 56.

Для этой цели часть общества обратилась к Исполнительной Директории с петицией, в которой после обильной, низкой лести по адресу правительства, предлагалось, чтобы власть поклялась в своей верности конституции III-го года. Это обращение, как и следовало ожидать, подверглось сильнейшим нападкам. Принятое большинством, оно явилось основанием для явного раскола между подписавшими его и теми, кто предпочел трусливым, заискивающим уверениям перспективу новых преследований. Эта петиция явилась первым подводным камнем, который причинил брешь обществу Пантеона.

Из других официальных выступлений пантеонистов следует отметить адресованную в Законодательный Корпус петицию, которая обращала внимание правительства на необходимость борьбы с катастрофическим обесценением ассигнатов, а также петицию в защиту свободы печати и попраных прав неимущих классов в области судостроительства¹⁾.

В Плювиозе IV-го года наплыв в Пантеон жителей окраин, связь с многочисленными демократическими группками, возникшими во многих кварталах Парижа, а также явные симпатии масс показали основателям клуба, что их пожелания начинают сбываться, и что наступило время для более активных действий.

Стараясь приспособиться к существующим полицейским правилам, они пришли к мысли, что легче всего проводить агитацию своей программы под видом религиозной пропаганды. Исходя из того, что их политическая программа всецело базировалась на законах природы, они старались ее представить, как предмет естественной религии (*la religion naturelle*). Таким образом, решено было „использовать праздники декад для того, чтобы публично почтить божество путем проповеди естественного закона“²⁾. Для этой цели было поручено специальной комиссии нанять храм и изготовить катехизис и устав нового ордена. Нельзя не отметить, что обществу совсем не легко было перевести свою пропаганду на религиозные рельсы, несмотря на то, что в Пантеоне преобладали, по крайней мере количественно, сторонники Робеспьера. Предложение „публично почтить божество“, как напоминающее возвращение

к культу Верховного Существа, встретило довольно сильный протест.

Параллельно с тем, как росло влияние Пантеона, в правительственных кругах созрела мысль покончить с ненадежным обществом. Искали лишь предлога. Такой предлог был найден в выпадах со стороны Дартэ по адресу правительства и конституции. На одном из собраний Дартэ прочитал тетрадь „Народного Трибуна“, в которой по адресу членов Директории, нескольких депутатов, а также настоящей конституции было направлено несколько весьма неслестных выражений и эпитетов. Это чтение было покрыто бурными аплодисментами всего собрания, а вскоре после этого (9-го Вантоза IV-го года) генерал Наполеон, по приказу Директории, лично закрыл клуб Пантеона.

Рассеянные, в результате насилия, пантеоновцы сначала собирались в кафэ, содержащихся республиканцами, а потом с наступлением лета просто под открытым небом. Руководители бывшего клуба энергично протестовали против этого акта Директории и воспользовались этим случаем, чтобы больше чем когда-либо призывать народ к защите своих прав. С целью поднять общественное мнение в защиту этих прав Феликс Лепеллетье выпустил воззвание, озаглавленное: „Солдат, остановись и прочти“, а Антонелль написал анонимную прокламацию, под названием: „Речь к французам о собраниях граждан“. Кроме того, яростную агитацию вел Бабеф в своем „Народном Трибуне“, за что ему грозили всяческими карами, и он принужден был скрываться у своих друзей.

3.

Между тем все сторонники равенства сознавали, что наступило время действовать. С этой целью вокруг Бабефа создавалась новая организация. Эта новая организация, носившая название „Тайной Директории Общественного Спасения“, возникла из маленькой ячейки, организованной Бабефом с целью придания большей плановости и выдержанности своей литературной деятельности. В эту ячейку входили: Бабеф, Феликс Лепеллетье и Сильвен Марешаль.

Эта Тайная Директория возникла в первые дни Жерминаля IV-го года (в 20-х числах марта), присоединением первоначальной ячейки Антонелля, Дартэ, Буонаротти и Дебона.

¹⁾ Согласно новому законодательству лица, не имевшие избирательного ценза, лишались права быть вносимыми в списки присяжных заседателей. Таким образом, суд попадал всецело в руки привилегированных.

²⁾ Ф. Буонаротти, *ib.* стр. 63.

Первой задачей, стоявшей перед ней, являлось объединение всех своих единомышленников, при том на таких принципах, при которых возможна была бы полная надежность всех членов и сохранение конспирации. С этой целью Директория приняла устав, по которому в каждом из 12 районов Парижа были назначены 12 главных агентов из наиболее деятельных и решительных революционеров. Ни один из этих агентов не должен был знать ни имени другого агента, ни имен членов Тайной Директории; для связи Тайной Директории с периферией был назначен Дидье.

Наряду с этими гражданскими агентами, Тайная Директория назначила с целью привлечения на свою сторону солдат еще пять военных агентов: 1) Фийона—для работы среди инвалидов, 2) Жермена—в полицейском легионе, 3) Массея—в отрядах, расквартированных во Франсиаде, 4) Ваннека—вообще среди войск и 5) Жоржа Гризеля—в Гренельский лагерь. Кроме вышеупомянутых гражданских и военных агентов, Тайная Директория имела контролеров, следивших за поведением гражданских агентов; обязанность контроля была возложена на Дарта и Жермена.

Все свои решения Директория выносила на основе большинства голосов. Комитет заседал каждый день. На его собраниях рассматривались следующие дела:

- 1) Донесения агентов и проекты ответов на них;
- 2) Проекты намеченных к выпуску прокламаций;
- 3) Тактические вопросы по поводу подготовляемого восстания;
- 4) Законодательные предположения, которые должны были облегчить задачу восстания;
- 5) Вопросы об учреждении и организации будущей республики.

О характере донесений агентов могут дать представление следующие две инструкции, которые давались гражданским агентам.

Первая инструкция, появившаяся 1-го апреля, поручала агентам Тайной Директории „организовать в своем округе одну или несколько групп патриотов и развивать в них чувство солидарности посредством чтения народных газет и разговоров о народных правах и современном положении вещей“. Далее агенты должны были делать подробные донесения о настроениях патриотов, указывать наиболее энергичных и деятельных из них, указывать интриганов, вернее провокаторов—„ложных

братьев“, которые попытаются проникнуть в организацию с целью воспрепятствовать революционному движению.

Последовавшие за ней инструкции (спустя неделю) содержали в себе требование 1) „сообщать обо всех находящихся в округе складах пищевых продуктов, оружия и военных снарядов“, 2) „сообщать о мастерских, числе занятых в них рабочих, роде их работы, их настроениях“, 3) отыскивать конспиративные квартиры, где могли бы укрываться участники заговора, 4) требование „от самостоятельных патриотов самообложения, чтобы покрыть те громадные расходы по печатанию, которые вынуждены делать революционеры... побуждать образованных патриотов составлять воззвания“, рукописи которых должны быть представлены Директории для утверждения и печатания, 5) составлять списки полицейских шпионов и обратить внимание на полицейских, сочувствующих движению, 6) организовывать отряды агитаторов, проводящих последовательно в наиболее людных местах агитацию „в духе последних номеров народных листков“, 7) самим принимать участие в этой агитации и информировать о настроениях масс и 8) организовывать отряды расклейщиков литературы Директории, на обязанности которых должно было также лежать „срывание листков роялистов и патрициев“.

Свою задачу Тайная Директория, подобно Тайному Комитету, собиравшемуся у Амара, видела в осуществлении конституции 1793 г. Но в виду того, что требование конституции, базирующейся на принципе частной собственности, являлось лишь тактическим приемом, решено было центр тяжести своей деятельности перенести на пропаганду идеалов „равенства в труде и потреблении“. С этой целью Сильвен Марешаль составил и предложил на утверждение своих товарищей воззвание к народу, которое известно под именем „Манифеста равных“.

Не останавливаясь подробно на этом „Манифесте“—о нем речь будет в следующей главе—заметим, что Тайная Директория, под влиянием Бабефа, отклонила оглашение этого „Манифеста“. В „Манифесте равных“ выражалось согласие на гибель всех искусств, лишь бы осуществить действительное равенство; кроме того, в этом документе выражалось возмущение по поводу „деления на правящих и управляемых“. Бабеф восстал против такой постановки вопроса о равенстве, и по его предложению Тайная Директория напечатала в большом количестве прокламацию, излагавшую сущность равенства; эта прокламация

называлась: „Содержание доктрины Бабефа, осужденного Исполнительной Директорией за проповедь правды“.

Равенство без всяких ограничений; общий труд и общее наслаждение; общее образование; полное имущественное равенство; революция еще не закончена, ибо богатые захватили все блага и пользуются исключительной властью; конституция 93 года — ближайшее требование; всякая власть, основанная не на этой конституции—контр-революционна,—таковы были основные принципы „доктрины Бабефа“, излагавшиеся в вышеупомянутой прокламации.

Впечатление от этой прокламации было огромно; ее появление вызвало большое возбуждение. Вот как сообщают об этом впечатлении некоторые главные агенты в своих донесениях.

11-го апреля агент 12-го округа доносит:

„Содержание „Доктрины Бабефа“ было расклеено этой ночью; плакаты были встречены с интересом, но, к сожалению, висели не долго“. В тот же день агент 3-го округа сообщает, что „отдан приказ срывать их (прокламации), что и было исполнено полицейскими агентами“.

На следующий день агент 2-го округа сообщает о громадном успехе прокламации: „Плакаты прибиты и с жадностью прочитываются народом. Все говорят — это правда—и выражают свою горячую ненависть к преступникам, угнетающим нас. В одном месте полицейский комиссар сорвал было плакат, но должен был бежать, чтобы спастись“. То же самое сообщает агент и 12-го округа.

13-го апреля агент 6-го округа сообщает, что прокламация читалась „с жадностью и произвела свое действие“, а агент 8-го округа к этому добавляет, что „Доктрина Бабефа“, несмотря на надзор полицейских чиновников, прочитана; изложенные в ней взгляды встретили сочувствие“. И, наконец, агент 12-го округа спешит донести в тот же день, что, несмотря на неудачи первых дней, „сегодня много групп; настроение в них отличное: громко требовали конституции 1793 года; слова „конституция 93 года“ начинают входить в моду“.

Обеспокоенное такой встречей со стороны населения прокламации Тайной Директорией, правительство поспешило выпустить 14-го апреля контр-прокламацию, в которой конституция 1793 года называлась „ужасным и невыполнимым законом“, а защитники этой конституции толковались, как „роя-

листы“. Кроме того, не довольствуясь этой клеветой, Совет Пятисот по предложению Директории 16-го апреля вотировал закон, по которому всякое распространение или расклеивание печатных произведений, прямо или косвенно призывающих к восстановлению монархии или конституции 1793 года, каралось смертной казнью. С целью же противодействовать всякой уличной манифестации, правительство приглашало полицию расстреливать всякое скопление ружейным огнем.

4.

Между тем заговорщики почти каждый вечер собирались в конспиративной квартире Бабефа и обсуждали вопросы подготовки восстания. Центральным вопросом являлся вопрос о форме власти во время переходного периода от старого строя к новому. Для заговорщиков было ясно, что невозможно и, пожалуй, небезопасно моментально созвать подготовительное собрание с целью назначения нового правительства. Кроме того, были соображения, по которым промежуток между восстанием и установлением новой конституционной власти должен был быть расширен на более продолжительное время, чем срок, необходимый лишь на выборы и прибытие новых депутатов.

Сторонники последней точки зрения исходили из того, что „царствующее невежество масс“, с одной стороны, и монополия просвещения, принадлежащая „кучке образованных и ловких людей“, с другой стороны, привели народ к такому положению, когда он устранен от естественного порядка и почти неспособен произвести выгодные ему выборы. Отсюда они делали вывод о необходимости применить чрезвычайные средства, которые „смогут его привести к такому положению, когда народ будет в состоянии действительно, а не фиктивно, пользоваться всей полнотой своего суверенитета“ ¹⁾.

Таков был тот вопрос, который снова встал перед Тайной Директорией, как еще раньше он стоял перед Тайным Комитетом Амара. По-прежнему приводились три предложения: либо созвать часть членов Конвента, либо организовать диктатуру, и, наконец, либо создать новый революционный орган, которому поручить довести революцию до конца.

¹⁾ Буонаротти, стр. 83.

Аргументация в защиту созыва Национального Конвента была следующая. Национальный Конвент до ареста и ссылки части депутатов в Жерминале и Прериале III-го года существовал на основе Конституции 1793 года, т. е. как раз той конституции, к которой сейчас стремится Тайная Директория; все же насилия, совершаемые ныне правительством, исходят из Конституции III-го года, которая пренебрегла свободой и неприкосновенностью депутатов. Если вернуть изгнанных депутатов и вручить им верховную власть, как лицам непричастным к злоупотреблению властью и бывшим жертвами этих злоупотреблений, то новая власть сохранит, во-первых, видимость законной власти, во-вторых, явится надежной, в смысле верности целям восстания.

Однако, Тайная Директория отклонила это предложение. Многие из изгнанных членов Конвента обвинялись в участии по подготовке переворота 9-го Термидора, в преследовании демократов, в закрытии народных обществ, в возвращении семидесяти трех жирондистов, в освобождении аристократов и, что особенно важно, в „крайнем малодушии при защите прав народа“. Ввиду невозможности и нецелесообразности вручать власть лишь тем членам Конвента, которые остались до сего времени безупречными, Тайная Директория решилась отказаться от довольно сомнительного преимущества, которое могла дать видимость законности.

Решено было создать временное правительство, которому можно было бы вверить судьбы революции, так как оно будет составлено из людей, „преданность которых принципам новой революции заверялась мужеством, с которым они ее защищали“¹⁾.

Точно также было отклонено и предложение Дебона и Дартэ о единоличной диктатуре. Авторы этого предложения, основываясь на примере Комитета Общественного Спасения и примерах, взятых из древней истории, доказывали вредность „плюрализма“. Стоящую перед революцией задачу дать народу, во-первых, простое законодательство, „способное обеспечить ему равенство и фактическое пользование суверенитетом“, и, во-вторых, направлять деятельность новой власти в желательном для Тайной Директории смысле, — „расположить нацию к принятию этого законодательства“²⁾ — осуществимо лишь при

полном единстве мыслей и действия. Последнее возможно лишь в случае выполнения этой задачи одним лицом, облеченным чрезвычайной властью. Боязнь злоупотреблений, внешнее сходство этой власти с королевской властью решили вопрос в сторону предпочтения третьему предложению — создания нового органа, которому можно было вверить те же полномочия, не имея перед собой столько препятствий. Таким образом, родилась идея диктатуры трудящихся.

После уничтожения существующей власти решено было создать, именем парижского населения, Национальное Собрание, составленное по одному депутату от департамента по выбору Тайной Директории. Эта революционная власть должна была не прекращать своих работ до полного осуществления стоявшей перед заговорщиками программы. Тайная Директория также не сложит своих полномочий до этого момента и будет наблюдать за действиями этого Национального Собрания.

Следующим тактическим вопросом, которым пришлось заняться Тайной Директории, был вопрос об использовании всех оппозиционных элементов и направлении всеобщего недовольства в одно русло для осуществления поставленной цели. Особенно остро встал этот вопрос перед ними, когда они узнали, что все монтаньяры из Конвента, осужденные в Жерминале и Прериале III-го года, готовят новый заговор, с целью восстановления Конвента и Конституции 1793 года.

Следует ли уступить место осужденным якобинцам? Следует ли попытаться присоединиться к ним? Следует ли противодействовать их намерениям? — таковы были те вопросы, которые поднимались теперь на заседаниях Тайной Директории.

Первоначально Тайная Директория решила противодействовать этой попытке якобинских заговорщиков: она поручила своим агентам вести агитацию против монтаньяров, в то же время не забывая всякий раз сообщать о принимаемых против них правительством мерах, имея в виду предупреждать их об опасности.

Репрессивные меры, принятые в это время правительством, удвоили энергию Инсurreкционного Комитета. Так как подготовка восстания еще не была закончена, то ему приходилось, с одной стороны, сдерживать патриотов, которые в своем возмущении против жестоких мероприятий Директории настаивали на немедленном восстании, а, с другой стороны, всячески избегать провала.

¹⁾ Ф. Буонаротти, Ib. стр. 85.

²⁾ Буонаротти, стр. 86.

Собрания под открытым небом были запрещены, и Комитет настоятельно рекомендовал своим главным агентам устраивать мелкие собрания в частных домах у патристически настроенных граждан. Эти лица должны были приглашать своих соседей и знакомых и читать совместно с ними приносимые агитаторами революционные листки; Тайная Директория предпочитала возможно большее число таких собраний, хотя бы и мелких, устройству одного собрания с большим числом членов. Кроме того, она старалась всячески использовать недовольство среди войск и полиции. Правительство, обеспокоенное растущим среди военных недовольством, издало приказ о выводе из Парижа наиболее недисциплинированных батальонов. Эти части принадлежали как раз к тому корпусу, который, согласно своему уставу, никогда не должен был служить вне столицы. Правительственный приказ о выводе частей последовал 9-го Флореаля (28-го апреля 1796 г.) и сопровождался явным неповиновением со стороны солдат. Возмущение приняло настолько явные формы, что некоторые стали думать, что настал момент для объявления восстания.

Тайная Директория способствовала этой вспышке недовольства, однако, она не была уверена в достаточности силы полицейского легиона, его способности дать отпор, и поэтому срок восстания был отложен. Это обстоятельство заставило усилить внимание заговорщиков за пропагандой среди полицейского легиона. При полицейском легионе был организован комитет, вошедший при посредничестве Жермена в сношения с Тайной Директорией. Этот тайный комитет обменялся с городом воззванием, в котором Тайная Директория указала на те задачи, какие стояли перед заговорщиками, а последние заявляли о своей готовности выполнить революционный долг. Все уже готово было притти в движение, когда неожиданное повиновение со стороны восставших батальонов заставило снова отсрочить долгожданный день.

Согласно декрету, последовавшему со стороны правительства в ответ на происшедшее неповиновение солдат, возмущившиеся части должны были быть распущены. Опубликование же декрета и перспектива разойтись по домам привели к массовому дезертирству солдат. Из этих дезертиров Тайная Директория рассчитывала образовать корпус повстанцев.

Во всяком случае Инсurreкционный Комитет хотел теперь ускорить наступление решительного дня; для этого было назна-

чено заседание, на которое были приглашены: Жермен, Массарт, Фийон, Россиньоль и Гризель. Это заседание состоялось 11-го Флореаля (30-го апреля). Такое широкое заседание с приглашением нескольких главных агентов явилось нарушением основного принципа организации:—главные агенты, как уже указывалось, не должны были знать имен своих товарищей.

В заседаниях их принимали также участие Бабеф, Марешаль, Дартэ, Буонаротти, Дебон и Дидье. Комитет представил выработанный им план и после обсуждения его передал окончательную разработку вопросов о нападении и защите специальному под-комитету, составленному из 5 присутствующих военных. Первое заседание этого под-комитета было назначено на следующий день у седельного мастера Рейса. Через несколько часов после этого заседания Тайная Директория, которая должна была сноситься с под-комитетом через Жермена, перенесла свое местопребывание в Монмартрское предместье, в дом Урсель. Под-комитет перенес свои заседания на улицу Бабиль и 4-го мая представил Тайной Директории результаты своих работ.

Меры, предложенные военным под-комитетом, еще не были выполнены, когда два офицера полицейского легиона предложили Инсurreкционному Комитету в ту же ночь умертвить членов Директории, у которых один из них дежурил вместе с одним революционно настроенным солдатом. Они сообщили Комитету пароль и требовали, чтобы он прислал им на помощь известное число демократов. Но Комитет ничего не хотел предпринимать, пока не будут закончены приготовления, и отклонил это предложение.

С другой стороны, Инсurreкционному Комитету было давно известно, что бывшие члены Конвента — якобинцы: граждане Амар, Роберт Линде, Рикор, Ланьело, Жавогэ и др. вели самостоятельную агитацию; в то же время Жермен заметил, что два члена военного под-комитета, Фийон и Россиньоль, не находя в составе комитета ни одного монтаньяра, с некоторым сомнением относятся к его идеям. А между тем никаким образом нельзя было пренебрегать тем влиянием, которым Россиньоль пользовался среди рабочих Антуанского предместья.

Так как Комитет не хотел таскать своими руками каштаны из огня для других, то все эти обстоятельства принудили его к отсрочке, когда вдруг Жермен от имени монтаньяров внес предложение о соединении, полученное им от Рикора и Ланьело

После продолжительного обсуждения Комитет согласился. Не скрывая своего убеждения, что он „мог сделать все и без них и сделать даже лучше“, Комитет назначает им на следующий день свидание и пишет им: „Мы тем скорее решили принять это предложение, что боялись того обоюдного вреда, который могли принести друг другу наши мероприятия, сталкиваясь между собой; не скроем, мы боялись, что в решительный момент вы восстанете против наших постановлений, и вследствие этого отдельные группы защитников народа враждебно столкнутся друг с другом и своей борьбой продолжат те войны, которые республика вела против своих многочисленных врагов. Мы ужаснулись такому несчастью и последствиям его; мы хотели предупредить его, соединившись с вами“.

Утром 4-го мая Жермен привел в Комитет делегата от якобинцев, Рикора. После довольно продолжительной дискуссии решили, что учредительное собрание должно состоять приблизительно из 86 человек, сосланных членов Конвента, и по одному демократу от каждого департамента; последние должны быть избраны Комитетом Равных и утверждены восставшим народом. Кроме того, „пока весь народ не будет вполне счастлив и спокоен“, Комитет Равных удерживает титул и полномочия Тайной Директории Общественного Спасения.

На следующий день Рикор сообщил, что его товарищи против привлечения сотни демократов. По мнению якобинцев, достаточно восстановить власть сосланных членов Конвента. Тайная Директория, как и следовало ожидать, с такой постановкой вопроса не согласилась. „Если мы содействуем восстановлению части Конвента,—ответила она,—то делаем это только для того, чтобы служить народу. Единственная награда, которой мы добиваемся—полная победа равенства... Если вы хотите работать вместе с нами ради великого дела, воодушевляющего нас, то остерегайтесь делать предложение, которое может выставить в ложном свете ваши намерения.“

„Многие из ваших товарищей обманули доверие народа, и мы были бы бесконечно более их достойны порицания, если бы согласились снова предоставить народ их страстям и их слабостям. Было бы нелепо для восстановления народного суверенитета употреблять средства, которые принесли ему вред. Людям, от которых нация ожидает низвержения тирании, не должна дать право применять неизбежные временные меры. Мы не имеем никакого желания свергнуть одно тирани-

ческое правительство только для того, чтобы на его место поставить другое, могущее оказаться не менее тираническим. Прекрасно простить ошибку, но было бы безумием снова верить судьбу отечества тем, ошибки которых чуть не погубили его.“

„Мы предпочитаем скорее пасть от руки патриотов, которые, раздраженные нашей бездеятельностью, могут нас обвинить в трусости и измене... чем еще раз отдать народ в полное распоряжение тех, которые 9-го Термидора пожертвовали его лучшими друзьями и с тех пор трусливо смотрели, как гибли республиканцы и рушилось здание демократии“.

7-го мая в 9 часов вечера „равные“ были уведомлены, что монтаньяры решили, наконец, присоединиться к ним. На следующий день в 8^{1/2} ч. вечера у Друэ состоялось совместное заседание Комитета Равных, Комитета монтаньяров и военного под-комитета. На этом заседании присутствовали: Бабеф, Дартэ, Буонаротти, Дидье, Массарт, Фийон, Россиньоль, Гризель, Друэ, Жавогэ, Лэнбело, Рикор, Роберт Линде. Единодушие было полное; от имени военного под-комитета Массартом был изложен план восстания. Собрание решило, что Комитет Равных должен дать своим агентам „указания, соответствующие плану военного комитета“, и что через два дня „нужно опять собраться, чтобы принять окончательные донесения о положении вещей и назначить день восстания“. Собрание разошлось в 10^{3/4} ч., утвердивши прокламацию, опубликование которой должно было служить сигналом к восстанию и которую распубликовать уже было не суждено. В перспективе было не восстание, а арест, благодаря предательству Гризеля.

Гризель, узнавши пять главных заговорщиков и важнейшую часть плана, отправился 4-го мая к президенту Директории Карно и сделал ему подробное донесение обо всем заговоре. Этот последний выразил ему свою благодарность и рекомендовал продолжать свою роль перед заговорщиками, подробно уведомляя его обо всем происходящем у них. 6-го мая около 9^{1/2} часов вечера Карно отправил его с настоятельной рекомендацией к министру полиции. По указанию Гризеля был отдан приказ арестовать заговорщиков 7-го мая на собрании, которое, как думали, должно было состояться у Рикора; однако, там никого не нашли. Тогда был составлен новый план оцепить на следующий день дом Друэ. Собрание, которое, как мы знаем, состоялось у него 8-го мая, едва успело разойтись, когда явился

министр полиции с отрядом солдат и силой ворвался в квартиру, вопреки существующей конституции, запрещавшей делать обыски по ночам; найдя там одного Дартэ, он счел за лучшее не арестовывать его одного.

Естественно, это нашествие полиции настолько переположило заговорщиков, что они начали, правда, на одну только минуту, сомневаться в наиболее преданном из своих товарищей — Жермене, главным образом, потому, что его не было на собраниях у Друэ; но это отсутствие, как выяснилось потом, было вызвано тем, что полиция задержала его на пути. Чтобы рассеять их подозрения, Гризель заметил, что если бы предатель находился между заговорщиками, то полиция явилась бы во время и, кроме того, произвела бы обыск на той квартире, где хранились бумаги. Как выяснилось потом из хода процесса, этого не было сделано, потому что Гризель не мог вспомнить адреса этой квартиры.

Замечание Гризеля рассеяло возникшие подозрения, полицейское посещение отнесли на счет простой любви к сыску и успокоились на принятии самых элементарных правил предосторожности.

На заседании 8-го мая, у Друэ, как помнит читатель, было постановлено, чтобы Комитет Равных познакомил своих агентов с планом восстания; для этой цели 9-го мая было устроено общее собрание агентов Комитета у Массарта. На этом заседании, между прочим, обсуждалось предложение члена Директории Барраса, сделанное им через Россиньоля; Баррас, желая обезопасить себя на случай победы демократов от их мщения, предлагал Инсurreкционному Комитету свои услуги; но в то же время он ни словом не обмолвился о существовании в среде заговорщиков предателя, хотя и знал об этом. Собрание постановило собраться опять на следующий день утром у столяра Дюфура в предместьи Пуассоньер, чтобы окончательно назначить день и час восстания. Бабеф и Буонаротти должны были сойтись в это же утро на квартире Бабефа, чтобы заняться редактированием прокламаций.

Гризель, знавший оба адреса, дал точные указания полиции, описавши самым подробным образом как лица и наружность всех заговорщиков, так и место и время собраний.

Существует рассказ, что к Бабефу полиция явилась как раз в тот момент, когда он составлял прокламацию к французскому народу, которая должна была появиться после победы восстания.

Он писал фразу: „народ победил, тирании более нет, вы свободны!“... когда в комнату ворвались полицейские агенты, и Бабеф и Буонаротти были арестованы; ни тот, ни другой не оказали сопротивления, хотя оба были вооружены с головы до ног. Дартэ, Дидье, Жермен, Друэ и некоторые другие были арестованы в то же время на заседании на квартире Дюфура. Всех арестованных заключили в ближайшую тюрьму. Несмотря на желание правительства скрыть местопребывание арестованных, в течение нескольких дней в улицах, примыкавших к тюрьме, толпился народ, сочувствовавший арестованным. Через несколько времени Бабеф, Дартэ, Буонаротти, Дидье, Жермен и Массарт были перевезены в Тампль, где и содержались тайно под надзором шести тюремных смотрителей и сорока гренадеров.

10 мая вечером Директория донесла обоим советам о раскрытии „ужаснейшего Komplota“, имевшего своей целью „ниспровергнуть французскую конституцию и законодательные корпуса, умертвить всех членов правительства, генерального штаба территориальной армии и всех парижских чиновников, а самый город предать всеобщему разграблению“. В то же самое время она развесила на улицах Парижа плакаты, в которых извещала, что, если бы не ее деятельность и бдительность, то шайки „преступников и убийц“ разгромили бы все дома и перебили бы массу граждан. В тот же день всем бывшим членам Конвента, не занимавшим никаких должностей, всем офицерам и гражданским чиновникам в отставке приказывалось под страхом ссылки в течение трех дней покинуть столицу.

Начались приготовления к суду, составление обвинительных актов, допросы, имевшие целью окончательно установить степень виновности каждого. Два дня спустя после ареста Бабефа, Директория получила письмо от арестованного Бабефа, написанное им с целью спасти своих друзей и свою организацию. В этом письме Бабеф пытается в последний раз усовестить правительство и обратить его внимание на необходимость изменения своей политики в сторону направления ее к благу санкюлотов.

„Вы хотели одним ударом — писал Бабеф — освободить себя от этой великой партии санкюлотов, которая все еще не хочет признавать себя побежденной! Прежде всего, вы должны верить в возможность этого. Но где вы будете

находиться тогда? Ваше положение ни в коем случае не одинаково с положением того, кто после смерти Кромвеля изгнан из Англии несколько тысяч республиканцев.... Вы нуждаетесь в партии, чтобы опереться на нее и оправдать себя. И если вы удалите партию патриотов, то вы останетесь один на один с роялизмом! Какой путь, думаете вы, укажет он вам, если вы одни будете противостоять ему?"

Далее Бабеф старается их убедить, что заговорщики не имеют своей целью убийства директоров, а что организация стремилась лишь заставить правительство исполнить данное им обещание править демократически. Он старается напомнить им, что в свое время они были убежденными республиканцами и в настоящее время они впали в ошибку.

„Не думайте,—продолжает он,—что шаг, который я делаю, продиктован моими интересами. Необычайная откровенность, с которой я говорю и тем самым подтверждаю свою виновность в смысле вашего обвинения, показывает вам, что я поступаю так не из слабости. Смерть или изгнание были бы для меня дорогой к бессмертию, и я принял бы ее с героическим религиозным мужеством. Но мое изгнание, изгнание всех демократов не помогли бы вам и не обеспечили бы спасения республики... Патриоты, народные массы глубоко возмущены, неужели нужно еще увеличивать их раздражение? Какой будет конечный результат этого? Разве эти патриоты не заслуживают того, чтобы, наконец, подумать об излечении их? Вы будете в состоянии, если только захотите, открыть путь, ведущий к спасению, ибо в ваших руках вся сила общественного управления. Граждане—директоры, правьте демократически—вот все, чего хотят от вас патриоты!"

В конце этого письма Бабеф гарантировал, в случае принятия его предложения, свою поддержку от имени всей организации. Он указывал, что патриоты ненавидят не персонально представителей власти, а те недемократические мероприятия, которые являются следствием их деятельности. „За своей ответственностью я предлагаю вам свое ручательство,—заканчивает Бабеф свое обращение,—которое так же велико, как и моя известность.... Я употреблю все свое влияние на то, чтобы убедить их, что они нуждаются в том же, в чем и все, стоит только вам стать на сторону народа“.

Это письмо, как и следовало ожидать, только еще более усилило энергию преследователей, тем более, что Бабеф, как

рассказывает Буонаротти, на допросах и не собирался отрицать факта существования заговора. „Я убежден самым положительным образом,—сказал он на допросе,—что нынешние правители являются угнетателями, и я сделал бы все, что в моей власти, чтобы низвергнуть их. Я соединился со всеми демократами, но я вовсе не обязан называть их здесь по имени“. Так отвечал Бабеф на допросах. Если сюда еще прибавить, что он признавал возможность пользования всякими средствами для осуществления переворота, то можно себе представить, как такими ответами, что „против тирании законны все средства“, он лично против себя восстанавливал и раздражал своих обвинителей. Во время производства следствия Бабеф, как и все соучастники заговора, находились в одиночных камерах, так что они никак не могли согласовать своих выступлений. Впрочем, все детали заговора были известны правительству от Гризеля, приехавшего в Вандом и принимавшего деятельное участие в производстве следствия. Его показания, по существу, и послужили главным источником для предъявления обвинения всем заключенным.

В октябре 1796 года начались, наконец, заседания суда в Вандоме, куда все арестованные были переведены из Парижа. 47 человек сидело на скамье подсудимых. Весь Вандом был заполнен войсками и полицией, несколько батальонов было расположено около тюрьмы и суда. Зала суда была переполнена народом. Дартэ отказался отвечать на вопросы и отказался от защиты, считая данный суд некомпетентным для разбора этого дела; Бабеф, Жермен и Буонаротти горячо отстаивали законность своих поступков и намерений. Бабеф пытался превратить скамью подсудимых в трибуну для изложения своих экономических и политических воззрений. Но всякий раз, когда он пытался подробно изложить свои принципы, его останавливал председатель суда, приглашавший его держаться рамок обвинительного акта.

Суд тянулся очень долго. Наконец, уже весной 1797 г., почти через полгода после начала судебного разбирательства, 26-го мая было объявлено решение суда: Бабеф, Дартэ, Буонаротти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо, Менесье и Буэн были обвинены в том, что пытались низвергнуть конституцию страны. Все остальные были оправданы; вина Бабефа и Дартэ была признана не заслуживающей снисхождения, как неимеющая смягчающих обстоятельств; остальным сделано было снисхожде-

ние: получившие снисхождение были приговорены к ссылке, а Бабеф и Дартэ—к смертной казни.

Когда приговор суда был объявлен, Бабеф и Дартэ выхватили спрятанные ими заблаговременно ножи и изо всех сил ударили себя в грудь. Они нанесли себе тяжкие раны—ножи сломались—но покончить с собой им не удалось. В этот же день Бабеф написал прощальное письмо своей семье, в котором он завещал ей „жить в дружбе и любви и помнить, что он погиб от злых людей; они сильнее меня—заканчивал он письмо—и я уступаю им“.

На другой день полумертвые Бабеф и Дартэ, истекающие кровью, были потащены на гильотину.

Так трагично кончилась эта попытка осуществить фактическое равенство.

VI. БАБУВИЗМ.

1. Под знаменем коммунистической революции.
2. Принципы коммунистической власти.
3. Философия бабувизма.
4. Общественный базис бабувистов.
5. Конкретные условия преобразования:
 - а) ликвидация старой власти;
 - б) улучшение положения участников восстания;
 - в) структура переходной власти;
 - г) план построения Республики Равных;
 - д) культурная жизнь Республики;
 - е) военные силы.

I.

Как упоминалось выше, Бабефу, находившемуся в тюрьме, удалось создать вокруг себя круг последователей. Те, для которых Директория имела, казалось, лишь одну цель „сохранить богатство для богатых людей и нищету для нищих“, охотно откликнулись на агитацию Бабефа. Долгие же тюремные вечера облегчили уяснение многих вопросов. Талантливый помощник Бабефа, Буонаротти, во многом способствовал распространению взглядов Бабефа среди обитателей Плесси. В результате же долгих дискуссий взгляды самого Народного Трибуна приняли более цельный и выдержанный характер.

В тот самый момент, когда Конвент заканчивал свою деятельность и собирался передать свои полномочия в руки Директории, 4-го октября 1795 года, восстали роялисты в Париже. Правительству удалось объединить против восставших монархистов всех тех, которых одна мысль о возможности торжества графа Прованского заставляла позабыть о пропасти, отделявшей их от власти, и толкала их в объятия еще вчера ненавистного правительства. Правительство же сумело объединить вокруг себя все анти-монархические элементы. Так, против роялистов объединились и правые члены Конвента, и самые

крайние из них, и приверженцы Марата, и эпигоны жирондистов. Молодой Бонапарт, сторонник „артиллерийского“ решения всяких задач, доказал на опыте действительность предлагаемых им мер в деле ликвидации уличных демонстраций. Восстание было подавлено. Правительство же, желавшее сохранить на время некоторую опору в массах против возможных новых покушений роялистов, распорядилось открыть все тюрьмы для заключенных в них демократов. Таким образом, по амнистии 4-го Брюмера IV г. (26-го октября 1795 г.) Бабеф снова вышел на волю.

Выйдя из тюрьмы, он, в первую очередь, постарался возобновить свой орган, ставший до ареста центром оппозиционной мысли.

Революция после бурных дней Робеспьера сменилась реакцией, — революционный под‘ем заменила общественная апатия. При таких отрицательных итогах революции, в первую очередь необходимо было поднять у народа упавшее настроение, возбудить у него прежнюю преданность заветам революции. Это можно было сделать, лишь ясно указав, что революция не закончилась, что на самом деле целью революции должно явиться улучшение положения всех умирающих, в настоящих условиях, с голоду санкюлотов. Несмотря на угасший дух, воля к борьбе не может угаснуть, ибо единственная цель революции — коммунизм. „Вспомним — призывал Бабеф, по своем выходе из тюрьмы, в первом номере журнала, — что мы решились прибегнуть к революционным средствам лишь для того, чтобы положить конец угнетающим мир бедствиям (подчеркнуто мною. А. П.); чтобы доставить каждому человеку подобающее ему положение; чтобы прекратить смуту и всеобщую нужду, порожденные отвратительными учреждениями; чтобы покончить с ужасающими лишениями народных масс и обуздать чрезмерную роскошь ничтожной кучки; чтобы осуществить цель общежития, то-есть, всеобщее благосостояние (подчеркнуто в оригинале. А. П.). Да, целью этой революции является зажиточность для всех, образование для всех, равенство, свобода, счастье для всех (подчеркнуто мною. А. П.). Такова наша цель. Вот чего мы уже достигли; вот чего мы снова должны добиться, борцы за свободу“ ¹⁾.

Пусть сейчас, временно, господствуют темные силы, враждебные народу, пусть сейчас празднуют тризну над революцией все „bêtes noires“ нового режима, воскресающие власть, замашки и приемы аристократии, революция еще не похоронена, час ее еще не пробил. Пролитая кровь не пропадет даром, если данное народом торжественное обещание не являлось пустым звуком. И Бабеф к намеченной выше программе прибавляет требование социального обеспечения и справедливой оплаты труда, гарантированных государством.

„Мы не позволим — восклицает он — отнять у нас эту награду, купленную ценой такой отваги и такой массы драгоценнейшей крови. Дети, жены, старцы, немощные, нуждающиеся, вы также получите то вспомоществование, которое вам тоже было гарантировано и которое, в сущности, составляет не более, как справедливую награду для одних и национальную ссуду для других. Здоровые мужчины с сильными работающими руками, вы также будете избавлены от ужасной перспективы, которая грозит вам в настоящее время, когда вы в виде вознаграждения за ваши труды, наиболее полезные для общества, не получаете даже стоимости вашего повседневного пропитания“ ¹⁾.

Итак, „Народный Трибун“ призывает к коммунистической революции. В связи с этим он старается показать, что это требование является логически вытекающим из всего хода революции. Для этого он пытается уяснить своим читателям движущие силы всякой политической революции. Всякая политическая революция есть, во-первых, определенный процесс исторического развития, содержанием которого является непрерывная борьба классов, и, во-вторых, результат соотношения борющихся сил. В связи с этим обязанность народа изменить это соотношение сил в пользу трудящихся, для чего необходимо принять самое активное участие в развертывающейся схватке между классами. А так как современное гражданское общество нарушило насущные интересы трудящейся личности, а гражданские учреждения должны были по существу гарантировать ненарушимость всеобщего равенства, то Бабеф призывает к восстанию против угнетателей, посягнувших на эти священные права.

¹⁾ „Tribun du peuple“. № 34, от 15 Брюмера IV года.

¹⁾ Ib.

Ставя себе вопрос, „что представляет собою политическая революция вообще“ и „французская революция в частности“, Бабеф отвечает на эти вопросы следующее: „это открытая война между патрициями и плебеями между богатыми и бедными“.

„Когда несовершенные и нерациональные учреждения—продолжает он—какой-нибудь нации привели к тому, что народная масса разорена, унижена и скована невыносимыми цепями, когда большинство доведено до нестерпимого положения, тогда обыкновенно вспыхивает восстание угнетенных против угнетателей. Чувство стеснения, испытываемое в таком положении, становится той причиной, которая вызывает движение, волнения и попытки выйти из неловкого положения“¹⁾.

Бабеф видит в причине всякого восстания „чувство стеснения“. Оно, по его мысли, и должно послужить импульсом в борьбе за приведение революции к коммунизму. Это „чувство“, по существу, является тем невозможным положением, при котором нарушается основной закон человеческого существования—„il faut vivre“. Ведь, не даром для одного из старых чартистских вождей (О'Коннор) социализм был „вопросом о ножах и вилах“.

Далее Бабеф снова возвращается к вопросу о том, что существующее неравенство является результатом не природы, а существования анти-народных институтов.

„Не приходится долго ломать себе голову—объясняет он—для того, чтобы заметить, что нужда в самом необходимом, на которую обречена самая здоровая, самая трудолюбивая и самая многочисленная часть народа, обусловлена отнюдь не природой. Последняя никогда не выказывает неблагодарности, она никогда не отказывается обильно снабжать всех своих детей продуктами, необходимыми для существования. Не ее вина, если они не умеют, как следует, распределять между собою ее дары; не ее вина, если одни из них оказываются настолько преступными и наглыми, что грабят, а другие настолько слабохарактерными и простоватыми, что дают себя стричь. Таким образом, ясно обнаруживается, что лишения подавляющего большинства „объясняются изобилием в крайнем богатством незначительного меньшинства. Итак, ничтожное меньшинство образует в государстве

касту монополистов и узурпаторов. Члены этой касты утверждают, что они достигли ограбления своих братьев на законном основании. Но народ скоро убедился, что это произошло благодаря отвратительным учреждениям, освященным правительством“¹⁾ (подч. всюду мною. А. П.).

Уясняя себе причину богатства одних и нищету других, „Народный Трибун“ прекрасно понимает также сущность всякой власти. Существующая власть, по его мнению, является лишь орудием в руках господствующего класса, в данном случае буржуазии. В силу этого всякая конституция является ничем иным, как юридическим завершением классового соотношения сил. Лишь этими обстоятельствами Бабеф и объясняет как всю законодательную деятельность буржуазии в период революции, так и происходящую в результате господства буржуазии экспроприацию неимущих.

„Народ убеждается,—указывает Бабеф,—что правительство и именитые монополисты связаны тесной солидарностью. Вскоре, конечно, выясняется, что ограбление массы явилось сложным результатом положенных в основу общества законов; именно они дали ничтожной кучке людей возможность наложить свою руку на все; но в таком случае эти законы составляют просто ужасающий кодекс грабежа; они ничуть не оправдывают сосредоточения коллективного богатства в руках жадных компаний, присвоивших их себе в исключительное пользование. Не подлежит никакому сомнению, что если самая полезная часть нации оказывается экспроприированной, то такое положение вещей могло создаться только в результате известного расчета, практическое осуществление которого становится возможным благодаря наличности законов, благоприятствующих алчности и властолюбию“ (подч. всюду мною. А. П.)²⁾.

Таково значение и сущность современного законодательства. Что касается классовой борьбы, то эта борьба ведется вечно, с того момента, как появляется на свет частная собственность.

„Эта война между плебеями и патрициями, или между бедными и богатыми—объясняет Бабеф—начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена. Она

¹⁾ Ib.

²⁾ Ib.

идет вечно; она начинается вместе с появлением институтов, стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других¹⁾.

Раз'яснив своим читателям тайны общественного развития, Бабеф пользуется этим обстоятельством для того, чтобы подойти к анализу прошедшей революции. Вся история французской революции есть по существу два сменявшие друг друга периода: прогресса-под'ема и регресса-упадка. Гранью между этими двумя периодами является термидорианская трагедия. И Бабеф свою старую мысль о пагубности событий 9 Термидора иллюстрирует новыми соображениями: удачная политика буржуазии об'ясняется главным образом тем, что она сумела использовать руки народа для осуществления своих задач.

Подобно тому, как тяжбу между двумя сторонами ведут адвокаты, так эту тяжбу между угнетателями и угнетенными могут, по мнению „Народного Трибуна“, вести лишь политические партии. Они адвокаты народа. До 9 Термидора народ имел плохих адвокатов.

„Применяя эти соображения к французской революции—пишет Бабеф—я нахожу здесь полную историческую аналогию. Все Декларации Прав, кроме декларации 1795 года, начинаются санкционированием первого и важнейшего принципа вечной справедливости: целью общежития является всеобщее счастье. Засим тысячу раз в качестве логического вывода провозглашалась следующая вторая аксиома: Цель Революции, которая должна была осуществить первоначальную задачу общества, от которой человечество уклонилось, также является всеобщее счастье. До известного времени Франция широкими и быстрыми шагами приближалась к этой цели; с этого же момента началось попятное движение: направленное против цели общежития, против цели революции ко всеобщему несчастью и к благу ничтожного меньшинства. Укажем же определенно на этот поворотный момент. Будем иметь мужество заявить, что революция, несмотря на все препятствия и противодействия, шла вперед вплоть до 9 Термидора, а с этого момента она пошла назад“²⁾ (подч. всюду в оригинале. А. П.).

Стоит только сопоставить отдельные мысли, изложенные Бабефом в первом по выходе из тюрьмы номере своего органа, чтобы заметить, что они в общем образуют довольно цельную концепцию. История есть непрерывная борьба классов, современная государственная власть не является надклассовой, как об этом вещают еще до сих пор многие буржуазные мыслители, а типично классовой. Всякая мысль о сотрудничестве классов есть преступление. Источник угнетения, употребляя выражение Бабефа, „дурного законодательства“—частная собственность. Конечная цель революции—коммунизм.

Как видим, эта концепция весьма недалека от научного понимания скрытых пружин общественного развития, и в этом отношении Бабеф может легко оставить позади себя очень многих, именующих себя представителями рабочего класса. Впрочем, к этому времени относится появление из под его пера документа еще более замечательного, знаменующего собою полный разрыв со старыми предрассудками и начало его коммунистической зрелости.

В № 35 „Народного Трибуна“ Бабеф поместил манифест, в котором он изложил свои взгляды, приведя их в более или менее стройную систему. Этот манифест известен под названием „Манифеста Плебеев“ и является по существу предтечей будущих манифестов бабувистов.

Задачу этого манифеста Бабеф видел в том, что настало время народу выявить свою волю, изложить свою точку зрения на демократию.

„Время не терпит—начинается манифест—настала пора для растоптанного и истребляемого народа громко, торжественно и более внушительно, чем когда бы то ни было, об'явить свою волю, дабы не только внешние признаки и аксессуары нищеты, но и действительная нищета была уничтожена раз навсегда. Пусть народ опубликует свой манифест! Пусть он даст нам такое определение демократии, к осуществлению которой он стремится, и скажет, какой она должна быть на основании неискоренных принципов!“¹⁾

Как же представляет себе Бабеф эту „демократию“? В чем ее значение для народа? В том ли, что она, подобно представлению предыдущих мыслителей, уже своею внешней фор-

¹⁾ Ib.

²⁾ Ib.

¹⁾ «Tribun du peuple» № 35, от 9 Фримера IV года.

мой народоправства гарантирует осуществление истинной воли народа? Либо Бабеф считает всякое преклонение перед внешней формой обманом трудящихся масс, поскольку все средства производства находятся в руках класса собственников? Короче говоря, понимал ли Бабеф демократию, как буржуазную демократию, или же он в понятие народоправства вкладывал какое либо иное содержание?

Вот что по этому поводу говорит „Манифест“:

„Пусть он (манифест. А. П.) докажет, что демократия это обязанность выполнить за счет многоимущих недостаток малоимущих; что бедность последних объясняется тем, что другие их обокрали. Обокрали, если угодно, на законном основании, то-есть с помощью грабительских законов, которые санкционировали всякие мошенничества как в новейшие, так и в древнейшие времена; с помощью таких же законов, как и те, которые существуют в настоящее время.

С помощью законов, в силу которых мне для поддержания своего существования приходится ежедневно разорять свое хозяйство и относить в заклад вора, которым покровительствуют эти законы, последнее рубище, покрывающее мое тело... Мы хотим, чтобы, благодаря восстановлению демократии, мы, во-первых, получили наши рубища и нашу старую мебель и во вторых, чтобы люди, отнявшие их у нас, были лишены возможности впредь повторять свои посягательства ¹⁾ (подчеркнуто мною. А. П.).

Как видим, Бабеф далек от того, чтобы делать из демократии фетиш; он против того, чтобы во имя соблюдения внешней формы, как это делают и по сей день некоторые „социалисты“, приносить в жертву интересы трудящихся масс. „Манифест Плебеев“ требует плебейской—пролетарской, то-есть истинной демократии.

Нельзя не отметить, что требование пролетарской демократии в устах Бабефа являлось требованием, предвосхищающим события, и, таким образом, требованием утопическим. В период социальной революции буржуазии еще не было того класса, во имя которого необходима была бы пролетарская демократия. История показывает, что уже осуществление буржуазной четыреххвостки способствовало оформлению и консолидации

слоев неимущих в класс пролетариев. Ведь, по существу, исходным пунктом социалистического движения явилась борьба за улучшение труда рабочего,—для облегчения которой было достаточно буржуазной демократии,—а не борьба за ту или иную форму демократии. Настоящее требование демократии, базирующейся на экспроприации собственников, звучит в устах Бабефа, лишь как прозорливое предчувствие грядущей новой социальной силы.

Тем не менее осуществление этой демократии мыслилось Бабефу в результате далеко не утопических мер.

Бабеф восстает против каких либо надежд, связываемых с потусторонними силами; он против чудес, в виде-ли упований на бога, либо в виде удаления на Священную гору. Он согласен на единственную аналогию в деле раскрепощения народа: он готов сравнить свое дело с миссией Моисея, освободившего евреев из Египта. Этот пример библейского законодателя должен, по мнению Бабефа, укрепить всякого революционера в мысли о возможности освобождения народа. Бабеф призывает последовать примеру Моисея, взойти на настоящую Плебейскую гору и под прикрытием ста тысяч пик и пушек санкюлотов провозгласить священные заповеди санкюлотизма.

„Оставим в стороне все эти чудеса, все эти нелепости. Откровения республиканских божеств совершаются просто посредством предзнаменований природы, которая глаголет устами республиканцев. И вот таким путем нам открыто, что в то время, как новые Иисусы Навины начнут в один прекрасный день сражение, не нуждаясь в том, чтобы останавливать солнце, другие, подобно еврейскому законодателю, взойдут на настоящую Плебейскую Гору. Здесь, под диктовку вечной справедливости, они начертает десять заповедей священной человечности, санкюлотизма и нерушимой правды. Под прикрытием наших ста тысяч пик и наших пушек мы провозгласим истинный и основной кодекс природы, который никогда не должен был бы нарушаться“ ¹⁾ (подчеркнуто всюду мной. А. П.).

Этот „Кодекс природы“ содержит в себе целую политическую программу. Вначале он занимается перечислением требований, с которыми мы уже отчасти встречались раньше. А затем он выдвигает уже совершенно новые.

¹⁾ „Tribun du Peuple“ № 35.

¹⁾ Ib.

стическое. Изложенные в Манифесте требования, несомненно, означают совершенно новую постановку вопроса в деле реорганизации современных общественных отношений: не в пример прочим программам Бабефа, в которых в качестве единственных мер, способных привести к осуществлению общественного идеала, предлагались меры культурно-воспитательного значения, здесь центр тяжести переносится на целый ряд экономических преобразований, лишь на основе которых должен возникнуть коммунистический строй. Не „всеобщее образование“, „пропитание“ и „уничтожение наследства“ приведут человечество к коммунизму, а „национализация земель“, уничтожение индивидуальной собственности на все предметы и равное распределение национального дохода среди всех членов общества“.

Бабеф твердо усвоил эту новую постановку вопроса и с нее уже не сходил. Чтобы доказать, что он навсегда похоронил старые иллюзии на счет возможности достижения своей задачи путем всякого рода паллиативных мер, Бабеф следующие номера своего органа посвящает раз'яснению двух основных своих прежних заблуждений.

В первую очередь он отмечает свою прежнюю конституционалистическую точку зрения и указывает, что в задачу демократии отнюдь не входит замена одной конституции другой. Народ нуждается, говорит он теперь, не в конституциях, а в институтах. Что касается конституции 1793 года, то ее достоинства, главным образом, заключаются в том, что в ней заложена возможность замены настоящих учреждений новыми. Вообще же хорошие политические институты являются надстройками над плебейскими экономическими институтами.

„Ошибаются те,—раз'ясняет Бабеф,—кто полагает, будто я хлопочу только о том, чтобы заменить одну конституцию другой. Мы гораздо больше нуждаемся в учреждениях, чем в конституциях. Конституция 1793 года только потому и заслужила сочувственный прием всех благонамеренных людей, что она расчищала дорогу для этих учреждений. Если бы с ее помощью нельзя было достигнуть этой цели, то я перестал бы перед ней преклоняться. Всякая конституция, которая оставит нетронутыми старые человекоубийственные и преступные учреждения, перестанет возбуждать мой энтузиазм... Постараемся же прежде всего

установить хорошие плебейские учреждения, и тогда мы всегда будем уверены, что вслед затем появится и хорошая конституция. Плебейские учреждения должны обеспечить всеобщее счастье, одинаковое благосостояние всех членов общества“ (подч. всюду мною. А. П. ¹).

Следующим заблуждением Бабефа являлась его вера в „аграрный закон“. Сейчас он прекрасно представляет себе те перспективы, которые получились бы уже на следующий день после проведения черного передела в жизнь. Он указывает на ошибочность выставления аграрного закона в качестве требования ведущего к осуществлению „всеобщего блага“, ибо система равенства исключает всякий раздел.

„Но ведь это аграрный закон, чего вы хотите?“—ставит себе вопрос Бабеф—и отвечает: „Нет! это больше чем аграрный закон! Мы знаем—какие непоколебимые нам противопоставят на это аргументы. Нам могут сказать и с полным основанием, что действие аграрного закона может продолжаться не более одного дня; что на завтра после его проведения неравенство восторжествует вновь“ (подч. мною. А. П. ²).

В противовес пресловутой „коммунистической вершине“, Бабеф выдвигает теперь принцип „равенство дел“, который заключается в том, что „те, кто не имеет достаточно, должен взять у тех, кто имеет слишком много“. „Все то,—об'ясняет Бабеф,—что члены общественного организма имеют сверх достатка для удовлетворения потребностей всякого рода, есть результат грабежа естественной индивидуальной собственности.“

Необходимо „обеспечить каждому и его потомству такое количество благ, в каком он нуждается, но ничего больше достатка“ (подч. мною. А. П.). Что касается „старых варварских учреждений“, то их необходимо заменить такими, которые „соответствуют природе и вечной справедливости“ ³).

Новая традиция рассматривать вопросы с точки зрения экономического подхода к интересующему его вопросу сказалась и в том, что Бабеф рассматривает многие занимавшие его раньше вопросы с точки зрения перспектив, связанных с положением трудящихся в отношении их экономического по-

¹) Ib.

²) «Tribun du Peuple» № 36, от 20 Фримера IV года (11 декабря 1795 г.)

³) Ib.

ложения. Так, например, говоря о разрушительных для народа действиях буржуазного законодательства—вопрос, к которому Бабеф возвращается столь много раз—он подчеркивает, как наиболее пагубное последствие этого законодательства, „экс. проприацию у рабочих их средств производства“.

„Тысяча и одно средство, предоставленное законом миллиону бездельников, — пишет он в одном из последующих номеров своего органа, — дающее им возможность захватывать в свои руки 99/100 предметов, которые должны были бы принадлежать и которые необходимы двадцати пяти миллионам—все это составляет преступное нарушение основного закона, покушение на оскорбление человечества... И если разрушительное действие этих жестоких законов довело уже до экспроприации этих столь важных инструментов у подавляющего большинства рабочих; если затем они довели их почти всех до голодной смерти—разве это не самая плачевная анархия, самый гнусный из всех грабежей, самое низкое из всех убийств?“ (подч. повсюду мною. А. П.) ¹⁾.

Таков Бабеф в первый период по выходе из тюрьмы. Это был как раз период организации тайного комитета у Амара. Этот период, как уже отмечалось выше, был для Бабефа наиболее плодотворным. Организованная им „политическая школа“ пошла ему впрок. Именно деятельность в этой „школе“ способствовала окончательному сформулированию тех принципов, которые легли потом в основу Заговора Равных.

Трудно, понятно, точно очертить грань, отделяющую всякое новое мировоззрение от старого, вообще, и в особенности трудно установить границы эволюции идей у Бабефа. Бабеф больше, чем всякий другой мыслитель, уходит своими корнями в ту идеологию, которая являлась содержанием всей современной ему эпохи. Тем не менее, мы можем констатировать, что, именно начиная с этого периода, Бабеф выступает как окончательно зрелый идеолог коммунизма.

Выдвинутые им теперь требования коммунизма, несмотря на то, что мировоззрение Бабефа упирается в учение о естественном праве, мотивируются отнюдь не только тем, что коммунистический порядок соответствует природе. Требование коммунизма является сейчас для Бабефа единственно воз-

можной формой человеческого общежития, поскольку речь идет об осуществлении фактического, а не бумажного равенства.

В ответ на полемическую статью, напечатанную в „Плебейском Ораторе“ („L'Orateur Plébéien“), в которой критиковались основные взгляды Бабефа на частную собственность,—в качестве аргумента против ее отмены приводились соображения ее векового существования,—Бабеф выступил со следующими возражениями: „Коммунизм—это единственно справедливая и единственно нормальная форма общежития; вне его немыслимо существование мирного и действительно счастливого общества... В эпоху, когда пагубные последствия собственности достигли крайних пределов, нельзя говорить, что этот роковой институт пустил слишком глубокие корни; напротив, как мне кажется, корни его по большей части уже подгнили, и все дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка... Французская революция дала нам сколько угодно доказательств того, что древность учреждений ничуть не мешает их уничтожению“ (подч. всюду мною. А. П.) ¹⁾.

Написав эти пророческие строки о коммунизме, Бабеф занимается сейчас целым рядом вопросов, которые для предшествовавших ему социалистов либо не существовали вовсе, либо имели исключительно теоретическую ценность. Положение Бабефа и всех заговорщиков, стремившихся путем захвата власти осуществить возможность коммунистического преобразования современных им общественных отношений, обязывало их заняться более серьезно вопросами, относящимися к области конкретной деятельности, на следующий день после переворота. Не разрешив вопросов, которые должны были встать перед ними, как перед революционной властью, с момента ее возникновения, они не могли бы приступить к проведению заговора в жизнь.

2.

Теоретическому уяснению всех этих практических вопросов и посвящена была пропагандистская брошюра под названием „Ответ на письмо, подписанное М. В.“. Эта брошюра, по словам Буонаротти, раздавалась в Париже 29 Жерминаля IV года (18-го апреля 1796 г.).

¹⁾ «Tribun du Peuple» № 38, от 10 Плувиоза IV года.

¹⁾ «Tribun du Peuple» № 37, от 30 Фримера IV года.

Прежде всего, брошюра останавливается на уяснении признаков „действительного равенства“. Таковыми являются, по мнению ее автора: „общий труд и общее потребление“. Это положение мотивируется тем, что труд является основой всякого богатства и равенства. Во-первых, труд „составляет то необходимое условие, без которого общество погибло-бы“; во-вторых, „общий труд увеличит богатство общества“, в то время как в настоящем обществе „производительным трудом занимается лишь часть общества“. „Равномерное распределение труда — объясняет Бабеф — между всеми работоспособными членами общества освобождает от невыносимого бремени тех, кого мы обрекли исключительно на истощение своих сил, и возложит на остальных ничтожную долю этого бремени, в результате чего труд вскоре сделается источником удовольствия и развлечения“ (подч. всюду мною. А. П.)¹⁾.

Таким образом предпосылкой будущего общества должно явиться требование общего и равномерного распределения труда между всеми членами общества. Далее, чтобы подчеркнуть разницу между настоящим положением труда и тем положением, какое займет труд в коммунистическом обществе, Бабеф указывает, что причиной настоящего „невыносимого бремени“ рабочих является присвоение капиталистами продуктов чужого труда.

„Я не понимаю, — спрашивает Бабеф, — как люди могут признавать наше общественное устройство чуть ли не идеальным, когда широкие народные массы влачат более жалкое существование, чем в чисто естественном состоянии. Взгляните на дикаря: охотится ли он, ловит ли рыбу или возделывает землю — плоды его трудов принадлежат ему целиком, и он пользуется всем доступным ему благосостоянием. Напротив, наши наемные рабочие и крестьяне не только не пользуются продуктами своего труда и не наслаждаются благами современной цивилизации, но даже принуждены уступать продукт своего труда алчным и праздным собственникам, причем им самим приходится в буквальном смысле страдать от голода, жажды и непогоды.

Каждый человек должен работать на великую общественную семью и получать от нее содержание.

развлечение и счастье, — вот глас природы; вот порядок, при котором равенство перестает быть пустым звуком, а свобода каждого члена общества прочно обеспечена“ (подч. всюду мною. А. П.).

О том, что труд является основой всех богатств, говорили еще до Бабефа многие представители физиократов и меркантилистов; на присвоение труда рабочего предпринимателем прямо или косвенно указывали многие из представителей этих экономических школ; на раскрепощение труда, как на основную предпосылку организации будущего общества, указывали также эгалитарные социалисты XVIII столетия, — но никто из них из этого тезиса не сделал тех выводов, к каким впоследствии пришел Бабеф. Требование раскрепощения труда нужно было Бабефу для обоснования основного принципа организации будущей Республики Равных — первенствующего положения трудящихся в будущем обществе.

В связи с этим основную проблему этого общества он формулирует, как задачу такой организации общежития, при которой каждый человек при минимальной затрате труда мог бы пользоваться всеми благами. „Не трудно разъяснить всем — продолжает Бабеф — что при самом коротком рабочем дне можно обеспечить всем членам общества более приятную, чем в настоящее время, жизнь — жизнь свободную от постоянно терзающих нас опасений; человек, который в настоящее время надрывается над непосильной работой за ничтожное вознаграждение, наверно, согласится работать мало, чтобы получить много... В нашем идеальном общежитии труд равномерно распределенный между всеми членами общества, сделается приятным и веселым занятием, уклоняться от которого ни у кого не будет ни охоты, ни интереса“ (подч. мною. А. П.).

Имея в виду укрепить те теоретические узы, которые устанавливаются между заговорщиками, как революционным правительством, и общественными группами, на которые оно будет опираться, Бабеф сейчас интересуется теми практическими мерами, которые необходимы для перехода от настоящего „ненормального состояния“ к коммунистическому. Брошюра намечает семь пунктов, определяющих собою те основы, на которых будет базироваться будущая деятельность Правительства Равных; по линии же этих принципов должна равняться практическая деятельность революционного правительства.

¹⁾ «La réponse à la lettre, signée M. V.».

„Для перехода от нынешнего ненормального состояния к тому, которое я отстаиваю — намечает Бабеф — необходимо:

1) сосредоточить все наличные богатства в руках Республики;

2) сделать труд обязательным для всех трудоспособных граждан сообразно способностям и привычкам каждого;

3) использовать отдельные виды работ, сблизивши те из них, которые взаимно содействуют друг другу и давши новое направление тем, которые являются исключительно результатом современной концентрации богатств;

4) постоянно собирать в общественные склады все продукты земледелия и промышленности;

5) озаботиться равномерным распределением продуктов и развлечений;

6) положить конец всякой частной собственности и торговле и заменить их рациональной системой распределения, поручивши это дело органам государственной власти; и

7) основать общие воспитательные дома, в которых дети будут приучаться к труду, наиболее отвечающему их силам и наклонностям“ (подч. всюду мною А. П.).

Изложенная здесь программа может быть по существу сведена к трем пунктам—национализации всех средств производства и потребления, всеобщности труда и трудовому воспитанию. Нельзя не отметить, что эта программа является наиболее цельной и выдержанной программой коммунистического преобразования из всех встречавшихся нами ранее. Здесь учтены все моменты, начиная с экономики, являющейся базой всякого преобразования, вплоть до значения лозунга: „хлеба и зрелищ“. Но этот план по существу является пересказом тех коммунистических проектов, которыми занимался еще Морелли.

В самом деле, многие пункты настоящего коммунистического проекта были развиты Морелли, и, что особенно интересно, Бабеф здесь повторяет почти дословно аргументацию „Кодекса природы“ и „Базилиады“. Пункт 6 настоящей программы Бабефа есть повторение мыслей, изложенных в „Основных и священных законах“—„Кодекса природы“. Пункты 4 и 5

являются пересказом знаменитого примечания Морелли к Базилиаде и т. д.¹⁾

Тем не менее цитируемая пропагандистская брошюра содержит в себе также совершенно новую постановку некоторых вопросов, освещавшихся до Бабефа слишком идеалистически.

Почти все до-революционные коммунисты останавливались на положении идеологии в будущем обществе, но все их рассуждения на этот счет ограничивались тем, что они указывали на расцвет наук и искусств в будущем обществе, как на факт сам собою разумеющийся. Господство идей равенства, добра, красоты и т. п. абсолютов должно же привести к расцвету идеологии! Почти никто из них не пытался более глубоко проанализировать вопрос, почему именно этот расцвет должен наступить в коммунистическом обществе, какие материальные предпосылки будут существовать в будущем обществе для успехов науки и искусств? В этом отношении Бабеф подходит к этим вопросам более материалистически. Для него расцвет идеологии в будущем обществе является производной от многих экономических предпосылок. Кроме того, представляя себе ясно переходный период настоящего строя к коммунистическому, Бабеф допускает, в отличие от предыдущих реформаторов-коммунистов, что переходный период может быть периодом не расцвета идеологии, а ее упадка.

Настоящее искусство может в первое время после переворота погибнуть, как чуждое народной массе. Но эта гибель искусства не есть окончательная его гибель; вслед за ста-

¹⁾ По поводу обобществления собственности Морелли говорит следующее: «В обществе ничто не должно принадлежать кому либо в отдельности—на правах собственности, помимо предметов, необходимых для удовлетворения его потребностей, удовольствий и повседневной работы; причем эти предметы тут же потребляются». («Кодекс природы», глава об «Основных и Священных Законах», страница 91).

В примечании к Базилиаде, Морелли, касаясь распределения благ, говорит: «Все сообща обрабатывают землю и собирают урожай и плоды в один и тот же магазин» («Basilade», т. I, стр. 107). Наконец, опасаясь, что частная собственность может появиться снова каким либо образом в коммунистическом государстве, Морелли предлагает «серьезно озаботиться тем, чтобы . . . торговли не внесла в государство хотя бы малейшую частную собственность». «Согласно священным законам—продолжает он в главе о „Законах распределительных или же хозяйственных“—ничто не будет продаваться и обмениваться между гражданами» («Кодекс», стр. 94).

рым искусством должно народиться новое, которое расцветет пышным цветом, так как оно освободится от стеснительных материальных условий: зависимости от отдельных меценатов, зависимости от привилегированного круга людей, способных интересоваться искусством.

Останавливаясь на возражении, какое еще и сейчас делается противниками коммунизма, о гибели „изящных искусств“, как результате „уравнения пропитания сапожника и художника“, Бабеф указывает следующее:

„Думать, что восстановление равенства равносильно возвращению состояния варварства и скотства—значит не понимать его устройства...

Мнимая гибель ремесел и изящных искусств также представляет одно из сногшибательных возражений тех остроумцев, которые хотели бы убедить кого-то, что все погибло, если у них отнимут их отличия, привилегии и узурпированный почет. Конечно, если эта гибель непременно должна иметь место, народная масса, которой решительно чужды все достоинства настоящих изящных искусств, не почувствует от этого никакой неприятной перемены. Но такого исхода нечего опасаться: очевидно, что при нашем эгалитарном устройстве, искусство получит новые импульсы в виду полезности его для всего общества и примет возвышенный отпечаток великих чувств, естественно порождаемых широким содружеством счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, одеваться, пользоваться развлечениями на началах равенства; и из всех государств одна только коммунистическая республика будет богата, блестяща, всемогуща“ (подч. всюду мною. А. П.).

Предвидит также Бабеф и расцвет науки, который явится опять-таки в результате освобождения от стеснительных нужды и служения индивидуализму. Наука, благодаря служению интересам всего общества, получит новые, невиданные доселе импульсы.

„Когда наука и искусство освободятся от такого стимула, как периодическая стеснительная нужда, гениальный человек станет руководствоваться только стремлением к славе и, быстро стряхнувши с себя иго лести и эгоизма меценатов, начнет служить исключительно интересам всего общества“ (подч. всюду мною. А. П.).

Освобожденные наука и искусство, проникнутые новым духом—духом коммунизма, создадут новые образцы великих творений человеческого духа, при чем эти памятники искусства явятся могучим источником в деле пропаганды великих принципов равенства.

„Место фривольных поэм,—продолжает Бабеф,—неказистой архитектуры и бесцветных картин займут цирки, храмы и прекрасные портики, и верховный народ, ныне живущий в худшей обстановке, чем домашнее животное, станет черпать в памятниках и философских творениях знание, пример и любовь к мудрости“.

Как видим, и современные социалистические системы в области наук и искусства мало что прибавляют к картине, нарисованной Бабефом. Если сюда еще прибавить, что для Бабефа искусство не было самоцелью, а должно было служить определенным практическим целям—помимо пропаганды идей равенства, еще сближению с промышленностью—то можно отметить, что проблемы искусства в коммунистическом обществе им были поняты почти во всем объеме. „Ремесла и изящное искусство—разъясняет он—благодаря мудрости учреждений, начнут перемещаться туда, где они смогут быть наиболее полезными — к сближению с земледелием“ (подч. мною. А. П.).

Последние два вопроса, которые затрагивает Бабеф в „Ответе г. М. В.“, представляют также несомненный интерес, в связи с поставленной Бабефом задачей анти-критики критиков коммунизма.

Еще до сих пор противники коммунизма указывают, что коммунистическое общество является уже по своей идее неосуществимым, так как оно, мол, все равно не освободится от авторитарности. Даже при коммунистическом строе будет существовать правительство, которое, будучи по своему положению управляющим, будет иметь власть и привилегии над управляемыми. А там, где имеются „верхи“ и „низы“, можно ли, мол, говорить о всеобщем равенстве? Более того, система авторитарности таит в себе возможность узурпации власти со стороны, пусть коммунистического, но все-же правительства.

Бабеф выступает с резкой отповедью по адресу всех этих „критиков“. Он указывает, что, поскольку всякий труд будет равноценен и поскольку каждый не будет получать больше,

чем все остальные, отпадет всякий смысл стремиться сохранять свою власть, которой будут к тому же пользоваться все граждане.

„Лица, на которых будет возложена обязанность охранять эту систему, отличающуюся крайне простым механизмом, должны рассматриваться, как работники, необходимые для общего блага; а так как они не смогут получить большего вознаграждения, чем остальные граждане, заинтересованные в строгом контроле над их действиями, то нет никаких оснований опасаться, чтобы они попытались сохранить свою власть вопреки желанию народа“ (подч. всюду мною. А. П.).

Следующим возражением, какое обыкновенно делают апологеты существующего строя коммунистическим реформаторам, является указание на утопичность проведения принципа равенства на таком огромном пространстве, как территория современной республики, обладающем разной почвой и разным климатом. Отвечая на эти возражения, Бабеф прежде всего показывает, что мыслимая им коммунистическая республика—коммуна—значительно отличается от той коммуны, в форме мелкой хозяйственной единицы, которую проповедывал Оуэн. Коммуна—Бабефа есть всесторонняя государственная организация, охватывающая все стороны человеческой жизни. В силу этого, Бабеф справедливо указывает своим критикам, что вопрос о месте приложения труда не может играть какой-либо роли, поскольку будут важны не результаты, а количество затраченного труда; что касается организации распределения на таком большом пространстве, как республика, то организованные объединения коммун, куда будут входить экономически связанные общины, облегчат поставленную задачу.

„Если всё препятствия, выдвигаемые предрассудками против коллективного труда и общего пользования среди небольшого народа, могут быть легко побеждены,—указывает Бабеф,—то нет никаких оснований, по которым это самое не могло бы произойти в такой большой стране, как Франция.

Прежде всего, что касается вопроса о труде, то легко себе представить, каким образом граждане могут работать каждый в том месте, которое ему будет отведено, при чем при распределении работы придется считаться с качеством почвы. Что же касается равномерного распределения предметов потребления между всеми коммунами республики или между теми

общинами, которые пожелают примкнуть к новой организации в виду своей экономической связи с местностями, находящимися в различных климатах, то я не вижу, почему бы мудрая власть не могла бы организовать такого распределения...

По моему, при таком устройстве, ремесла, благодаря мудрости учреждений, начнут перемещаться туда, где они смогут быть наиболее полезными; их сближение с земледелием приведет к исчезновению крупных городов, этого скопища всех пороков, и покроет всю Францию сетью деревень, населенных множеством счастливых и свободно размножающихся жителей“ (подч. всюду мною. А. П.).

Эпиграфом для вышецитированной пропагандистской брошюры Бабеф взял изречение Кондорсе из „Очерков развития человеческого разума“: „Фактическое равенство—это конечная цель социального искусства“. Предложенная программа преобразований, за исключением незначительных утопических пунктов—вроде уничтожения крупных городов—показывает, что Бабеф владел этим „социальным искусством“ вполне, принимая во внимание условия его эпохи.

В самом деле, перед нами уже основные принципы бабуизма, поставленные в порядке тех проблем, какие стояли перед Заговором Равных. Оставшиеся нам в наследие документы: „Манифест Равных“, „Акт о восстании“ и проекты тех декретов, которые готовили законодательство будущей коммуны, по существу имеют своим источником изложенные здесь принципы.

Подойдя вплотную к периоду, когда окончательно созрел общественный идеал Бабефа, необходимо отметить, что присвоение историей мировоззрению Равных названия бабуистического, имеет свое серьезное основание, несмотря на то, что многие принципы Равных являются либо пересказом принципов, изложенных до-революционными коммунистами, либо переводом на практический язык многих концепций эгалитарных социалистов.

Несмотря на то, что Бабеф и его сторонники были весьма в малой степени теоретиками, бабуизм является по существу оригинальным направлением в истории развития коммунистической мысли. Если даже не считать тех новых проблем, которые были впервые подняты Бабефом, и которые до Бабефа вовсе не затрагивались, то уже весь характер его произве-

дений резко отличает Народного Трибуна от предшествующих ему реформаторов-коммунистов.

В самом деле, Бабеф писал свои произведения в эпоху, когда „оружие критики переходило в критику оружием“, когда в пылу ожесточенной классовой борьбы выковывались средства и способы для практического осуществления намеченной им программы, долженствовавшей, по мысли его автора, немедленно привести угнетенное человечество к его раскрепощению. С другой стороны, бабувизм был движением во имя интересов пролетарской и полу-пролетарской массы, и в силу этого, как мы увидим дальше, бабувисты выдвинули целый ряд вопросов и проблем, которые для их предшественников не существовали вовсе.

Предшественники Бабефа, хотя писали свои произведения и не всегда „в тиши своих кабинетов“, но, тем не менее, они подходили к затрагиваемым ими проблемам, большей частью, исключительно теоретически: в первую очередь, для них важна была мертвая схема, мертвая программа построения будущего общества—конкретно окружающая общественная обстановка почти их не интересовала. Вследствие этого для предшествующих коммунистов проблема общественного преобразования решалась в высшей степени просто: за исключением Мелье они считали достаточным для осуществления „всеобщего благосостояния“ раскрыть глаза на ту ложь, которая сознательно или бессознательно поддерживает существующий строй; Мелье в виде исключения добавлял: после того, как угнетенные просветятся, они должны сделать усилие и сбросить с себя иго угнетателей. Нечего и говорить, что почти ни для одного из реформаторов рационалистического социализма не существовало никаких конкретных задач в связи с переходом от настоящего „ненормального“ общества к идеальному, о котором они мечтали. Наконец, вопросами коммунистического преобразования занимались часто также и элементы, ничего общего с коммунизмом не имеющие. Так, например, г-жа Роллан в 1790 году помышляла со своими друзьями основать коммунистическую общину¹⁾, а Бриссо, этот типичный представитель буржуазии и ярый защитник

„священной“ частной собственности, набросал даже план такой общины¹⁾.

Как видим, уже вышеуказанные обстоятельства дают нам право выделять бабувизм, как звено исключительного значения в истории развития коммунистической мысли. С другой стороны, тот факт, что Бабефу пришлось поставить целый ряд новых вопросов практически, что он вообще подходил к проблеме коммунизма—практически, заставил его сделать значительный шаг вперед в целом ряде вопросов старой социалистической теории XVIII века. Этот прогресс сказался ярче всего в той философской концепции Бабефа, которая явилась теоретическим обоснованием политических целеустремлений Равных.

3.

Бабеф на суде признал своим учителем Дидро, а на самом деле он был, как это можно было видеть, учеником эгалитарных социалистов XVIII столетия, главным образом—Морелли. Основная работа Морелли—„Кодекс Природы“—была напечатана в 1773 году в собрании сочинений Дидро, и это, повидимому, дало ему основание приписывать Дидро те идеи, которые он исповедывал. Как это можно было видеть при рассмотрении всего процесса эволюции идей Бабефа, он строил свою программу на учении об „естественном праве“. Но между его философской концепцией, изложенной им на заре своей политической деятельности, и между той, которая ему служила для теоретического оправдания политики Равных, существует значительная разница: оставаясь теоретиком естественного права в период своей политической зрелости, Бабеф был далеко не всегда ортодоксальным последователем своих учителей. Это отклонение от обычных представлений теоретиков естественного права лучше всего сказалось в документах, относящихся к деятельности Заговора Равных: в „Анализе доктрины Бабефа“, „Манифесте Равных“ „Акте о восстании“ и в его выступлении на суде.

Вся настоящая философская концепция Бабефа исходит по-прежнему из существования до-общественного, так называемого, естественного состояния, когда все люди выступали, как естественные существа, и, вследствие этого, все

¹⁾ См. A. Rey. «La Naturaliste Bose» (Notes sur mon village), Paris 1882, стр. 12.

¹⁾ Un projet de Brissot pour une Association Agricole. La Revolution Française (1902) XLII, стр. 260 и след.

их действия, как соответствующие природе, были планомерны. Но несмотря на то, что все люди от природы равны, не все они пользовались одинаковым равенством, так как природа „не каждого человека наделила одинаковой степенью восприимчивости, понимания, воображения и предприимчивости“¹⁾. С другой стороны, как заметил Бабеф в вышецитированном „Ответе г-ну М. В.“, в этом состоянии „господствовала сила и хитрость“, а равенство было лишь „произведением первых впечатлений и невежества“. Этот же тезис Бабеф подчеркивает и во втором пункте „Анализа своей доктрины“, указывая, что целью общества является необходимость „защиты равенства, нарушаемого в естественном состоянии сильным и злым“. И вот, когда человечество увидело, что в этом состоянии, как говорил Гоббс, „воцарилась война всех против всех“ (*«Bellum omnium contra omnes»*), оно, „под влиянием опыта и размышления“, пришло к необходимости заключения „общественного договора“. Таким образом, этот общественный договор явился продуктом доброй воли каждого из его участников, так как каждый из них, перейдя в гражданское состояние, видел в этом „положительные выгоды“. Но если вошедший в общество найдет этот договор для себя невыгодным, то он имеет право „разрушить этот контракт“, так как целью общественного договора было „всеобщее счастье“. „Люди, которые соглашаются на это объединение—сказал Бабеф в своей защитительной речи на процессе—если они не предупреждены, что будут образованы учреждения, в результате которых огромное большинство людей тотчас же понесет на себе всю тяжесть работы, будет истекать потом и кровью, умирать с голоду, чтобы доставлять наслаждение привилегированным гражданам — меня поддержат“²⁾. Основная мысль этой фразы заключается в том, что „счастье—единственная цель общества“, а существующие ныне учреждения направлены против этой цели. Иными словами—люди, перейдя из естественного состояния в общественное, не должны терять своих прирожденных прав равенства. И если правительство, являющееся лишь доверенным народом и хранителем общественного договора, нарушает эти прирожденные права граждан, то народ имеет право на восстание.

¹⁾ «Défense», стр. 24, Advielle, т. II.

²⁾ Ib. стр. 34 и след.

„Права человека—говорится в Акте о восстании—предоставляют целому народу или каждой его частице самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей—право восстания против правления, попирающего его права“ (подч. мною. А. П.). Еще более ярко эта мысль была выражена в вышецитированной статье „Народного Трибуна“ от 15 Брюмера IV года: революционные средства существуют „лишь для того, чтобы положить конец угрожающим миру бедствиям; чтобы доставить каждому человеку подобающее ему положение; чтобы прекратить всеобщую нужду, порожденную отвратительными учреждениями, противоречащими естественным правам человека; чтобы осуществить цель общежития, то-есть всеобщее счастье“ (подч. всюду мною. А. П.).

Мы видим, что пока Бабеф не вносит ничего оригинального в трактовку вопросов о естественных правах и сущности общественного договора по сравнению с рассмотренными нами философскими взглядами в его ранних произведениях. Таким же повторением обычных представителей учеников естественного права является определение причины попрания прав народа при переходе из естественного в гражданское состояние.

Причина угнетения одной части общества другою заключалась в том, что одна часть общества стала более воспитанной, чем другая, а также благодаря господствующим предрассудкам. „Если бы люди получили одинаковое воспитание, повторяет Бабеф, если бы они не были рабами нелепых предрассудков, которые в течение столь продолжительного времени мешали им понять, что они такое и чего они стоят, никогда подавляющее большинство не допустило бы, чтобы меньшинство посмело сковать его унижительными цепями, которые с течением времени несколько уменьшились в весе, но следы которых все еще не совсем стерлись“¹⁾.

Это преимущество в воспитании и было использовано для узурпации естественных прав людей путем создания „писанных законов“, которые и определили „социальное различие“. „Писанные законы—указывал Бабеф в № 38 своего органа—не должны быть ничем иным, как лишь следствием вечного закона природы“. Законы же природы или „социальное право может быть сформулировано в следующих немногих словах: люди

¹⁾ Ib.

рождаются и остаются равными в правах" (подч. мною. А. П.).
ту же мысль проводит Бабеф и в Манифесте Равных: „Равенство—первое требование природы, первая потребность человека и основная связь всякого законного товарищества“.

Этим же законом, „создавшим социальное различие“, человечество обязано частной собственности, так как „первоначально почва не принадлежала никому, а плоды ее всем“. Как указывает Бабеф в той же защитительной речи: „Институт частной собственности явился полным сюрпризом для массы простых и лучших людей“, а в вышецитированном 38 номере „Народного Трибуна“ он говорит, что „законы этого института должны были создать счастливых и несчастных, господ и рабов“.

Исходя же из того, что „равенство — первое требование природы“, Бабеф выставляет требование отмены частной собственности и, в первую очередь, отмены собственности на землю. Идея обобществления земли, проходящая красной нитью через все произведения Бабефа, относящиеся к последнему периоду, сформулирована в „Манифесте Равных“ следующим образом: „Мы стремимся... к коллективной собственности или к общности имуществ. Долой частную собственность на землю! Земля не принадлежит никому. Мы требуем и добиемся общего пользования земными благами: эти плоды принадлежат всем!“ (подч. мною. А. П.).

Следующим положением, вытекавшим из учения об естественном равенстве, была отмена права наследства, приносящего, по словам Бабефа, „несчастье со второго поколения осуждая на нищету детей одного и того же отца, если семья более многочисленная“¹⁾. Естественными же правами аргументировалась также и отмена, употребляя выражение Бабефа, „разнообразия цены по отношению к разнообразию работ“, иными словами, требование установления равной оплаты за всякий труд. В своей защитительной речи Бабеф заявил, что неодинаковая оплата есть „пагубное последствие того, что и работа есть индивидуальная собственность“.

Наконец, последним следствием из вышеуказанных философских предпосылок являлось рядом с требованием общности благ (*communauté des biens*) и требование общности труда (*communauté des travaux*). „Надо достигнуть—говорит

Бабеф на суде—согласования участия каждого члена общества, возвращая ему, независимо от счастливых и несчастных обстоятельств, такое количество каждого из благ и наделяя его полагающейся ему долей труда, чтобы он не имел никогда возможности получать свыше доли каждого“¹⁾.

А из положений об общности благ и труда вытекали уже упомянутые выше требования всеобщности труда, всеобщего равного распределения материальных и духовных благ.

Таковы те философские предпосылки, которые явились теоретическим обоснованием политико-экономических построений Равных. Все они пока мало что прибавляют к тому, что нам уже известно после разбора философских взглядов Бабефа в его ранних произведениях: в переписке с секретарем Аррасской Академии, в предисловии к Постоянному Кадастру и в письме к аббату Купэ. Тем не менее, настоящая философская концепция Бабефа содержит в себе не только частичную ревизию концепций своих учителей, по вопросам общественного договора, о которой говорилось выше, но и совершенно новые моменты, знаменующие собою значительный шаг вперед по сравнению с представлениями предшествующих мыслителей. В первую очередь этот прогресс сказался в вопросах, относящихся к законам общественного развития.

Бабефу, как уже отмечалось раньше, было не чуждо понимание антагонистического характера исторического процесса. Ставя своей задачей захват власти в интересах трудящихся для насильственного перехода от существующего общественного строя к идеальному общественному порядку, Бабеф естественно не мог представлять себе ход исторического развития так, как рисовался он в умах до-революционных реформаторов. Бабеф всю свою жизнь провел в революционной борьбе, и вся его жизнь есть свидетельство ожесточенных классовых столкновений. В связи с этим он представлял себе будущее не иначе, как новую революцию—и в соответствии с этим рисовал себе все прошлое человечества. Исходя же из того, что настоящее общество есть заговор части против целого, при котором естественное право не реализовано в праве положительном, он выдвигает, как основную задачу, борьбу за право. И в связи с указанием на необходимость борьбы

¹⁾ Ib. стр. 36—39.

¹⁾ Ib. стр. 41.

за право, Бабеф видит во всей предшествующей истории человечества непрерывную войну между патрициями и плебеями.

Это сознание скрытых пружин общественного развития приводит Бабефа к отчетливому пониманию классового состава современного ему общества, классовой сущности государственной власти и классового законодательства. Вся история представляет собою, по мысли Бабефа, картину, когда богатые заинтересованы в сохранении этих институтов, ведут борьбу с бедными, с народом, стремящимся к их разрушению и восстановлению естественного права, согласно которому целью общества является всеобщее счастье. Современная эпоха наиболее благоприятна для торжества идей естественного права. Гангрена „мнимого права собственности“ распространилась настолько,—писал Бабеф в вышецитированном ответе г-ну М. В.,—что не осталось ни одного, не затронутого ею, места. Достаточно экспроприировать массу эксплуататоров—и корни ужасного института частной собственности уже потеряли свою крепость.

С точки зрения этой исторической концепции французская революция должна явиться последним эпизодом этой вечной борьбы между богатыми и бедными. Французская революция шла вперед до 9 Термидора, а с этого момента она пошла назад: одну группу тиранов сменила другая, пришедшая к власти после термидорианской трагедии. И задача истых революционеров—превратить эту революцию во всенародную революцию.

Такова историческая концепция Бабефа. „Здесь нет терминологии XIX века. Здесь не говорится о пролетариате и буржуазии, не говорится о классах—указывает тов. Волгин.—Но тем не менее, здесь ясно чувствуется приближение к тому духу трезвого и воистину революционного исторического реализма, который веет над „Коммунистическим Манифестом“.¹⁾

Известные нам уже документы: „Акт о восстании“, „Манифест Равных“, „Декреты и инструкции Инсурректionного Комитета“ и т. д.—все что осталось нам в наследство о деятельности и законодательстве будущей Республики Равных, является по существу переводом философских построений Бабефа на политический язык. Все политические документы, исходившие

от Тайной Директории, даже с внешней стороны построены в порядке той последовательности, в какой изложены философские взгляды Бабефа: сначала идет теоретическая часть, где повторяются указанные выше исходные пункты, а затем только излагаются выводы из этих предпосылок, облекаемые в конкретную форму политических требований.

В самом деле анализ „Доктрины Бабефа“ начинается с тезиса, определяющего прирожденные права равенства. „Акт о восстании“ начинается с указаний на нарушение правительством этих прирожденных прав, причем требование Конституции 1793 года и всех других мероприятий мотивируется как раз тем, что они воплощают в себе „естественные права“. Так обстоит и с „Манифестом Равных“ и с проектами декретов, к какой бы области они ни относились. Характерно, что и лозунги, о которых в „Акте о восстании“ возвещается, что они будут фигурировать на знаменах восставших, являются по существу статьями 35 и 27 Декларации Прав Человека 1793 года, выражающими собою основные положения естественных прав народа.¹⁾ И лишь дальнейшее изложение этих документов посвящено практическим вопросам в области экономических и политических мероприятий.

Резюмируя теперь философские взгляды Бабефа, необходимо отметить, что главной причиной отклонения Бабефа от старой рационалистической позиции—причиной, почему дань метафизическим абсолютам не могла затухать у него понимания многих скрытых пружин исторического процесса—были те новые вопросы, которые впервые встали перед Бабефом в связи с поставленной задачей практического осуществления коммунизма. Бабеф и бабувисты прекрасно понимали, что без установления не только идеологической, но и практической экономической связи с массами ни о каком практическом революционном предприятии не может быть и речи. Посмотрим теперь, кто были эти общественные элементы, на участии и связи с которыми строился весь Заговор Равных.

¹⁾ Статья 35 Декларации Прав Человека и Гражданина Конституции 1793 года гласила: «Если правительство нарушает права народа, восстание составляет для народа и каждой части его священнейшее право и самую насущную обязанность». Статья 27 гласила: «Те, которые присвоили себе господство, должны быть преданы смерти каждым свободным человеком».

¹⁾ В. П. Волгин «Очерки по истории социализма», стр. 131.

Следует отметить, что Бабеф и заговорщики искали себе сторонников, в первую очередь, среди рабочих и городской бедноты: с одной стороны, к этому их обязывала вся предыдущая политическая деятельность Бабефа, а также выдвинутые в процессе этой деятельности лозунги; с другой стороны, по видимому, рабочим и городской бедноте больше всего должны были импонировать его лозунги и требования.

В материалах, какие были найдены после ареста Бабефа, находится много инструкций, писем, записок, где вопросу привлечения в ряды заговорщиков рабочих придается очень важное значение. Так, например, как мы могли уже видеть в инструкциях Инсurreкционного Комитета главным агентам, имелся специальный пункт, посвященный вопросу завербования в свои ряды рабочих; как читатель, наверное, уже помнит, во втором пункте этой инструкции говорилось: „Вы будете доставлять сведения о мастерских, находящихся в вашем округе, о числе занятых на них рабочих, о роде их работы, настроении и т. д.“¹⁾.

О заинтересованности заговорщической организации в симпатиях рабочих сообщает и Буонаротти, который рассказывает, что тайная Директория особенно рассчитывала на рабочих, так как „приверженность пролетариата является единственной поддержкой равенства“ (подч. мною. А. П.). В особенности обращали внимание, как показывают донесения агентов, на рабочее население Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий. Так, например, агент 12 округа Моруа сообщает 28-го Жерминаля IV-го года (13-го апреля 1795 года) о двух красильнях: одна „с более, чем 80 рабочими, другая с 30 санкюлотами“; тот же агент доносит о 20 кожевенных заводах с „занятыми рабочими числом от 15 до 50—тех же взглядов, что и предыдущие, которых ни один предприниматель не желает держать у себя“²⁾.

Необходимо отметить, что эта пропаганда проходила не всегда безрезультатно. После своего ареста Бабеф в письме от 2-го Прерияля сообщает, что „среди рабочих верфей Гренулла имелось большое число прозелитов“. Кроме того о влия-

нии агитации Бабефа среди парижской бедноты мы могли видеть из донесений агентов округов по поводу впечатления, производимого расклейкой плакатов с „Изложением Доктрины Бабефа“.

Встречающееся в некоторых документах Инсurreкционного Комитета—„Акте о восстании“ и „Манифесте Равных“—слишком недостаточное подчеркивание значения санкюлотов в перевороте нужно отнести всецело за счет того, что эти документы писались в перспективе контакта с якобинцами, которых слишком радикальная постановка вопроса могла отпугнуть от соглашения.

Так, например, в „Акте о восстании“ перечисляются все преступления правительства, но нигде ни слова не говорится о положении рабочих; в „Манифесте Равных“, написанном, как известно, не Бабефом, но с которым Бабеф вполне, за исключением весьма характерных поправок, солидаризировался, авторы Манифеста обращаются вообще к „изнывающим в нужде“, не подчеркивая, что они адресуются к рабочим: „Пришел момент—призывает Манифест—основать республику Равных—это великое убежище, открытое для всех людей... Вы, семьи, изнывающие в нужде, придите занять свое место за общим столом, который природа приготовила для всех своих детей“¹⁾. Исключение составляет „Анализ доктрины Бабефа“, где в пункте 2-м указывается, что революция не закончена, так как бедные не имеют никакого значения в государстве: „Революция еще не закончена, ибо богатые захватили все блага и пользуются исключительно властью, в то время, как бедные трудятся, как настоящие рабы, погрязают в нищете и не пользуются никаким влиянием в государстве“.

На самом же деле выдвинутый еще раньше лозунг „предпочтения трудящимся“ был не только прозорливым предчувствием со стороны Бабефа будущей исторической роли пролетариата, не только одним из видов *façon de parler*, обычным

¹⁾ Ср. Морелли, который в «Кодексе Природы» буквально говорит следующее: «Мир—это стол, достаточно снабженный для всех... Яства его частью принадлежат всем, потому что все испытывают голод, частью только некоторым, потому что другие насыщены. Но никто не является его собственным хозяином и не имеет права притязать на такое положение» (стр. 23).

¹⁾ «Copie de pièces», т. II, стр. 173.

²⁾ Ib. т. I, стр. 278 и 279.

для человека его времени, но, как мы увидим дальше, основным принципом будущей республики Равных.

Помимо рабочих, заговорщики придавали большое значение привлечению в свои ряды представителей разных кругов населения. Несмотря на большой недостаток в средствах, Инсurreкционному Комитету удалось втянуть в движение, „не считая рабочих масс, на содействие которых можно было рассчитывать“, 17.000 лиц, которых Буонаротти распределяет следующим образом: революционеров—4.000; членов прежних учреждений—1.500; канониров—1.000; гренадеров—1.500; офицеров в отставке—500; революционеров в провинциях—1.000; членов полицейского легиона—6.000; инвалидов—1.000 и запасных военных—500. ¹⁾ Затем, помимо „многочисленного класса рабочих, недовольство и нетерпение которых сказывалось повсюду“, и „военных, арестованных за гражданские доблести или за неповиновение начальству“, Тайная Директория призвала объединиться с мелкими собственниками, небогатыми торговцами, всеми несчастными, кого наши негодные учреждения обрекают на жизнь, преисполненную усталости, лишения и печали“ (подч. мною. А. П.). Весь этот мелко-буржуазный блок Инсurreкционный Комитет, по словам Буонаротти, собирался „возродить для человечества“ ²⁾.

Таким образом, затеянное бабувистами предприятие являлось по существу ставкой на мелкую буржуазию, отодвинутую с арены политической жизни Конституцией III-го года.

5.

Как представляли себе бабувисты первый этап к коммунистическому перевороту, мы уже могли отчасти видеть раньше. Это была тайная организация в Париже с разветвлением в провинции и в районах и целой системой агентов, связанных с находящимися в этих районах заводскими предприятиями, войсками и полицией. Втянутые в эту тайную организацию массы в один из намеченных дней устраивают восстание и об'являют власть нового революционного правительства. Как же мыслили себе бабувисты первые шаги этого революционного правительства? Что оно должно предпринять, чтобы упрочить завоеванную власть?

¹⁾ Буонаротти, стр. 120, 121.

²⁾ Ib. стр. 102.

Если эти вопросы для предшественников Бабефа не существовали вовсе, то Бабеф отдал им чрезвычайно много внимания.

Опыт прошедшей революции с непрестанно менявшейся властью научил бабувистов серьезно считаться с тем, что для упрочения новой власти необходим ряд экстренных мероприятий, способных в корне пресечь всякое противодействие со стороны враждебных перевороту элементов. Уроки Жиронды и Якобинской Диктатуры научили их тому, что в первую очередь необходимы меры, направленные к полной ликвидации старой власти, как в отношении ее физической, так и материальной и идеологической силы. „Акт о восстании“ в этом отношении предусматривает все эти вопросы и намечает ряд весьма интересных мер.

Так, например, § 7 этого „Акта“ намечает следующую программу действий для ликвидации деятельности „шайки заговорщиков“: „Народ овладевает государственной казной, монетным двором, почтой, министерствами и всеми общественными и частными магазинами, в которых имеются предметы питания и военные припасы“. § 11 устраняет само правительство: „Оба Совета и Директория—говорится в нем—эти узурпаторы народной власти, будут распущены. Все члены их будут немедленно преданы суду народа“. § 12, предвидя саботаж со стороны старого государственного аппарата, приказывает не исполнять распоряжений старого правительства: „Ни один так называемый депутат, ни один член узурпаторских учреждений, ни один директор, администратор, судья, офицер, унтер-офицер, ни один гражданский чиновник—говорится в этом параграфе—не смеют выполнять каких либо актов и приказаний; не исполнившие этого будут немедленно умерщвлены“.

Об этих мерах рассказывает также Буонаротти, который сообщает, что в последней прокламации, которая должна была быть адресована за день до восстания к французскому народу, имелись следующие три пункта:

1) „Непосредственное смещение всех гражданских и судебных властей и об'явление вне закона всякого лица, которое осмелилось бы нести функции таковых; 2) немедленное восстановление исполнительных комиссий в управлениях департаментов и дистриктов; восстановление муниципальных властей, революционных комитетов, мировых судов и уголовных судов, какими они были до 9-го Термидора II-го года;

3) приказ всем гражданам, занимавшим в то время какие либо должности в вышеназванных установлениях, тотчас же занять их вновь, исключая случая законных препятствий" ¹⁾.

§ 13 „Акта о восстании“ намечает меры к предотвращению противодействия со стороны иностранцев и роялистов, имея в виду предохранить новую власть от повторения событий 13-го Вандемьера: „Всякое противодействие—говорится в этом параграфе—будет прекращаться на месте силой; виновные в противодействии будут наказываться смертью. Точно также будут умерщвляться: встречающиеся на улицах иностранцы, к какой бы нации они ни принадлежали; все президенты, секретари и начальники Вандемьерского роялистского заговора, которые осмелятся показаться“ (подч. мною. А. П.). Но эти меры отнюдь не должны были касаться послов иностранных держав, которым заговорщики рекомендуют оставаться во время восстания дома, так как они „находятся под защитой народа“.

Для предотвращения сопротивления провинции, как рассказывает Буонаротти, Инсуррекциионный Комитет предполагал послать во все департаменты и армии своих главных комиссаров, „выбранных не из членов Конвента, снабженных самыми широкими полномочиями, обязанных побеждать все сопротивление силой республиканцев, уполномоченных обращаться в нужный момент к строгости или снисходительности, лишать должностей, предавать суду или награждать“ ²⁾. Во избежание злоупотреблений со стороны этих комиссаров, должен был быть учрежден „специальный суд, для того, чтобы получать отчет в их действиях и наказывать тех из них, кто забудет о цели своей миссии“ ³⁾.

Наконец, для предотвращения бегства правительственных лиц или посторонней помощи низложенному правительству § 6 „Акта“ предписывает: „Городские ворота и течение реки тщательно охранять; никто не может покинуть Париж без особого разрешения, выданного Инсуррекциионным Комитетом; в город будут впускаться только курьеры и продавцы с'естных припасов, которым будут обеспечены охрана и безопасность“. И

в завершение всех этих предохранительных мероприятий предполагалось осуществить широкую амнистию всех преступлений, совершенных после 9-го Термидора: „Изгнанные патриоты, рассеянные по всей республике—гласит § 18 „Акта“—получат требуемую помощь и защиту, чтобы возвратиться в лоно семьи. Они будут вознаграждены за понесенные потери“. А §§ 21 и 22 цитируемой Буонаротти прокламации возвещает о „забвении всех поступков и мнений, противоречивших равенству, по отношению к тем, кто в определенный срок доказал бы недопускающим сомнения образом свое искреннее возвращение к истине и отечеству“ ¹⁾.

Таковы меры, направленные к физическому подавлению возможного сопротивления со стороны низвергнутой власти. Столь же радикальны меры, призванные экономически обезвредить врагов.

Одной из основных мер, имеющих целью подорвать экономическую мощь враждебных новой Республике элементов, являлась экспроприация—это поистине одна из необходимейших составных частей в системе террора против вредных общественных элементов. „Железной рукой нужно подавить всех противников“,—так говорил Бабеф еще раньше, намечая ту тактику, которую придется проводить восставшим санкюлотам. Но эту экспроприацию, естественно, надо производить в пользу тех элементов, во имя которых и руками которых совершается переворот.

§ 16 „Акта“ гласит: „Все имущества эмигрантов, заговорщиков и всех других врагов народа будут немедленно разделены между защитниками отечества и нуждающимися. Бедные всей республики будут немедленно размещены в домах заговорщиков и снабжены мебелью.

„Вещи, принадлежащие народу и заложенные в ломбарде, будут возвращены безвозмездно.

Дети и жены героев, павших в этой священной борьбе, будут усыновлены государством; оно будет кормить и содержать их. То же самое будет иметь силу по отношению к отцам, матерям, братьям и сестрам, существование которых зависело от них“.

¹⁾ Буонаротти, стр. 131.

²⁾ Буонаротти, стр. 132, 133.

³⁾ Буонаротти, ib.

¹⁾ Буонаротти, стр. 132.

А § 16 объявляет: „Все булочники будут обязаны непрерывно печь хлеб, который будет даром раздаваться народу; им будет заплачено по их указанию“. § 15 того же „Акта“ извещает население Парижа, что „на всех общественных площадях будут раздаваться народу всякого рода продукты питания“. И, наконец, § 13 цитируемой Буонаротти прокламации предлагает: „всем гражданам дать отечеству одежду для его защитников“.

Замечательно, что все эти мероприятия, направленные к улучшению положения участников восстания, носят не только характер непосредственно бьющих в глаза мер в пользу тех общественных элементов, в интересах которых они действуют; напротив, все они вытекают из основного принципа, на котором должна была базироваться будущая республика Равных. Этот принцип заключал в себе идею предпочтения санюлотов и их привилегированного положения в новом строе.

Действительно, этой идеей проникнуты все проекты декретов, которые были приготовлены заговорщиками для опубликования после переворота. Среди постановлений, которые по мнению Инсуррекссионного Комитета должны были быть проведены безотлагательно, без утверждения их будущим бабувистским Национальным Собранием, имеются проекты двух декретов, развивающие изложенные в „Акте о восстании“ вопросы о распределении жилищ и одежды среди парижской бедноты.

Первый декрет о жилищах гласил:

„Принимая во внимание, что настоящее всеобщее восстание должно навсегда положить конец нужде, этому неиссякаемому источнику всякого угнетения, Инсуррекссионный Комитет общественного спасения постановляет следующее:

1. Как скоро кончится восстание, те из беднейших граждан, настоящие жилища которых неудовлетворительны, возвращаются не в свои старые квартиры, но немедленно размещаются в домах заговорщиков.

2. Мебель богатых употребляется для того, чтобы обеспечить санюлотам достаточную меблировку“ (подч. мною. А. П.)¹⁾.

Декрет по поводу одежды содержал в себе следующие два пункта:

„Пункт 1. Беднейшие граждане, лишенные тиранией одежды на следующий день одеваются на средства республики.“

Пункт 2. Для этой цели революционные Комитеты Парижа печатают все магазины и склады материй, одежды, обуви и других принадлежностей одеяния“¹⁾.

Если сюда еще прибавить, что цитированный нами выше в „Акте о восстании“ пункт о безвозмездном возвращении заложных в ломбарде вещей являлся требованием, с которым еще встречаемся в Парижской Коммуне 1871 года, то мы можем видеть, что Бабеф не даром провозгласил на страницах „Народного Трибуна“ лозунг первенствующего положения трудящихся и рисовал будущее общество не иначе, как базирующимся на всеобщем труде.

Пусть даже мероприятия в пользу бедноты, изложенные выше, рассматриваются, как мероприятия, рассчитанные на эффект, но уже знакомство с последующей программой деятельности нового правительства показывает, что вся система Равных должна была строиться на принципе предпочтения трудящихся масс.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры нового общества, необходимо отметить, что все вышеприведенные мероприятия, разработанные Бабефом, как конкретные условия переходного периода от настоящего общества к коммунистическому, являются новым словом в истории развития коммунистической мысли. Не трудно видеть, что все эти вопросы для до-революционных коммунистов не существовали вовсе. Даже не вдаваясь в рассмотрение целесообразности предлагаемых здесь бабувистами мер, уже самая постановка этих вопросов—несомненная их заслуга. Что касается существа предлагаемых ими мер, то они, как показывает опыт нашей Российской революции, были далеко не лишены смысла, в связи с поставленной задачей переворота. Этим же духом проникнута и структура будущей республики.

Бабувисты мыслили структуру переходного периода от настоящего общества к коммунистическому, как мы уже могли видеть при рассмотрении истории заговора Равных, в виде диктатуры трудящихся. Они представляли себе ясно, что, стремясь к общественному преобразованию, нельзя проложить себе

¹⁾ Буонаротти. Т. II, стр. 252.

¹⁾ Ib.

пути к этому преобразованию иначе, как создав для него политические условия. Лучшей формой таковых, наиболее гарантирующей достижение этих условий, после известной уже дискуссии в среде Инсurreкционного Комитета, была признана форма диктатуры. Это предпочтение диктатуре перед остальными возможными формами революционной власти может показаться особенно странным, если вспомнить, что целью восстания объявлялось восстановление Конституции 1793 года — как раз полного антипода диктатуры. Далее, ведь вся предыдущая подготовительная публицистическая деятельность Бабефа была направлена к пропаганде этой конституции, а один из основных документов бабуизма — „Анализ доктрины Бабефа“ квалифицирует Конституцию 1793 года с полной развернутой демократией, как „счастье народа“.

Тем не менее, Бабеф был далеко не конституционалистом: еще при рассмотрении его предыдущей деятельности в качестве журналиста мы могли видеть, как требование конституции чем дальше, тем больше отходило на задний план; наконец, еще в ранний период своей публицистической деятельности он возмущался тем, что „всюду все помешаны на мании большинства голосов“ („On a partout la manie de la pluralité des voix“) ¹⁾.

Сейчас же требование Конституции 1793 года было для него в первую очередь тактическим требованием. Заклучив контакт с якобинцами, бабуисты принуждены были выставить в качестве цели восстания осуществление Декларации Прав Человека и Гражданина, лежавшей в основе якобинской диктатуры.

С другой стороны, требование Бабефом полной демократии, в стиле Конституции 1793 г., в значительной степени объяснялось его взглядом на развитие революции. Бабеф исходил из убеждения, что революция развивалась правильно лишь до 9-го Термидора, а затем она пошла вспять, и поэтому для того, чтобы революция достигла, как он говорил, „естественного конца“, надо постараться вернуть ее к тому состоянию, в каком она находилась ко дню термидорианского переворота; таким „естественным концом“ и являлась конституция 1793 года.

В своем письме от 28-го Февраля 1796 г. своему другу, ювелиру Бодсону, бывшему члену Парижской коммуны, Бабеф

останавливаясь на анализе развития революции, писал следующее: „Разве нам не выгодно показать, что мы не создаем ничего нового, что мы идем только по следам тех великих защитников народа, которые до нас поставили своей целью справедливость и счастье, долженствующее сделаться уделом народа“? (подч. мною. А. П.).

Как видим, вот где крылась одна из причин того, что Бабеф, стремящийся к осуществлению коммунизма, требовал конституции, базирующейся на основе частной собственности. Наконец, возможно — им руководили также и следующие тактические соображения: не будучи твердо уверен в возможности проведения в жизнь диктатуры, он, во избежание неудач, предполагал заменить мало известный лозунг диктатуры более популярным требованием 1793 года: тем более, что еще жив был в памяти пример Комитета Общественного спасения, избранного на основе всеобщего избирательного права и превратившегося затем в орган диктатуры.

Посмотрим теперь, как практически мыслил себе Бабеф проведение в жизнь идеи диктатуры трудящихся.

Согласно § 19 „Акта о восстании“, мы могли видеть, что практика в проведении новой формы власти была типичной для диктатуры трудящихся; в означенном декрете говорится о составлении, а не о выборе будущего Национального Собрания; норма представительства определена не на основе демократической четыреххвостки — посылают по одному депутату от департамента, независимо от его величины, а персональный состав кандидатов не намечается на месте выборов, а определяется Тайным Комитетом.

Задача этого Собрания определялась следующим заранее составленным декретом:

„Народ Парижа, воспользовавшись данным ему природой правом и повергнувши в прах тиранию, поручает Национальному Собранию, вызванному к жизни именем и в интересах всех французов, улучшить конституцию 1793 года, подготовить ее скорое осуществление и посредством мудрых учреждений обеспечить французской республике неизменное равенство, свободу и счастье;

он обязывает это собрание самое позднее через год представить нации отчет о выполнении этого декрета;

и он обязывается, наконец, оказывать уважение тем декретам этого собрания, которые соответствуют выше указанным

¹⁾ Advielle «Histoire de Gracchus Babeuf». Т. I, стр. 35.

принципам; обязывается наказывать, как предателей, тех из своих членов, которые будут уклоняться от выполнения обязанностей, налагаемых этими декретами" (подч. мною. А. П.).

При этом декрете следовал список граждан, которые должны были образовать Национальное Собрание; в числе этих лиц мы находим: Жермена, Антонелла, Дебона, Буонаротти, Сильвена Марешаля, Дартэ, Феликса Лепеллетье, Бабефа и других. Как помнит читатель, конец § 19 „Акта о восстании“ гласил: „Список их (кандидатов. А. П.) будет предложен делегатам от той части народа, которая взяла на себя инициативу восстания“.

Таков был тот орган, которому бабувисты хотели доверить осуществление нового строя, в случае, если бы существующий строй был низвергнут. Нельзя не отметить, что изложенная формулировка структуры новой власти явилась уже в результате смягчения первоначально предполагавшегося принципа—передачи всей власти непосредственно Инсуррекциионному Комитету.

Но не только со стороны структуры верховного органа власти Республика Равных представляла из себя диктатуру трудящихся. Идея диктатуры трудящихся сказалась и в открытом, лицемерно не задрапированном, классовом характере всего общественного строя Равных. Республика бабувистов базировалась на неравном распределении политических прав среди граждан после переворота. Явное преимущество для лиц физического труда и полное отсутствие каких либо политических прав для лиц, не входящих в коммунистическую общину—проходят красной нитью через все законодательство бабувистов.

Согласно проекту декрета об „Общественных работах“, все граждане будущей общины должны были быть разделены на классы, „соответственно числу полезных профессий; каждый класс должен был заключать в себе лиц, занятых в одной и той же профессии“¹⁾. Из проекта же другого декрета—„о полиции“ видно, что не все граждане входили в общину, то есть не все граждане были равноправны; в статье первой этого декрета говорилось, что „лица, ничего не делающие для отечества, не могут осуществлять никаких политических прав“ и „являются лишь иностранцами, которым Рес-

публика оказывает гостеприимство“, а в статье пятой „экономического декрета“ говорится, что лишь „отдающие отечеству все свое имущество и посвящающие ему самого себя, свой труд, к которому он способен, становятся участниками великой национальной общины“ (подч. всюду мною. А. П.)¹⁾.

В число иностранцев, как это видно из пунктов II, III, IV „декрета о полиции“, входили не занимающиеся общественно-полезным трудом, а в число граждан общины входили лишь все категории трудящихся, за исключением интеллигентов, для которых требовалось предъявление удостоверения о „цивизме“—полезности их труда для общества²⁾. Иностранцы не имели никаких прав: им запрещалось посещение общественных собраний; согласно пункту второму „Экономического декрета“, никто из них не мог нести ни военной, ни гражданской службы; иностранцы должны были находиться под специальным надзором общинной организации, которая могла их выслать вовсе за пределы общины и, в случае надобности, посадить в тюрьму. Статьи 17 и 18-ая „декрета о полиции“, останавливаясь подробно на мерах пресечения, которые могут быть приняты по отношению к иностранцам, намечают прототип современных концентрационных лагерей для буржуазии: „Острова Маргариты, Онорэ, Пера, Олеронь и Рэ будут превращены в места исправления преступников; туда будут отсылаемы на работы подозрительные иностранцы и арестованные личности. Эти острова будут сделаны недоступными; администрация их будет прямо подчинена правительству“ (подч. мною. А. П.)³⁾.

В виду того, что в категорию иностранцев попадали элементы, по своему социальному положению враждебные принципам Республики Равных, как дворянство, духовенство, большая часть буржуазии и часть интеллигенции, этот институт „иностранцев“ имел своей целью, в первую очередь, меры террора против враждебных новому строю элементов. С другой стороны, предлагаемые меры должны были означать, что будущая республика должна была быть республикой трудящихся.

Этим проектом диктатуры трудящихся, как формы переходного периода от настоящего общества к коммунистическому,

¹⁾ Ib., стр. 306.

²⁾ Ib., стр. 302.

³⁾ Ib., стр. 302 и след.

¹⁾ Буонаротти, т. II, стр. 302.

бабувисты оставили человечеству прообраз современной нам диктатуры пролетариата. И в этом бессмертная заслуга Бабефа, так как в разработке политической проблемы социального преобразования—проблемы диктатуры трудящихся—бабувисты не имели учителей.

Изложенные постановления имели значение всего лишь промежуточных постановлений, рассчитанных на первый период власти. Тем же духом, как увидим, была проникнута и вся структура общества Равных.

В первую очередь интересна материальная база будущей республики. Бабувисты не считали ни возможным, ни желательным всеобщую экспроприацию собственников. Несмотря на то, что они стремились к коммунистической организации общества, они были против насильственного обобществления собственности. Буонаротти указывает, что, несмотря на стремление добиваться „достижения великой, всеохватывающей национальной общности благ“, Инсurreкционный Комитет, присваивающий после восстания prerogative высшей власти, „остерегался провозгласить эту общность декретом на следующий же день после своей победы и принудить несогласных принять в ней участие; Комитет держался того мнения, что законодатель должен побудить весь народ, по его собственному желанию и сообразно им самим понятым интересам, отменить собственность“ (подч. всюду мною. А. П.)¹⁾.

Бабувисты предполагали создать материальную базу коммуны путем национализации, в первую очередь, ряда имуществ, находящихся во владении „врагов народа“ и отданных правительственными распоряжениями после 9-го Термидора. Более обстоятельно разработан их порядок отчуждения этих имуществ в пунктах 1-м и 2-м проекта „Экономического декрета“.

Проект декрета гласил:

„Ст. 1. В республике учреждается великая национальная общность благ.

Ст. 2. Национальная общность благ касается следующих предметов:

Имуществ, объявленных национальным имуществом и непроданных к 9-му Термидора II-го года²⁾.

Тех имуществ врагов революции, которые декретами 8-го и 13-го Вантоза II-го года предназначались бедным.

Имуществ, конфискованных и имеющих быть конфискованными на основании судебных приговоров республики.

Зданий, служащих в настоящее время общественным нуждам.

Земель, отданных законом 10-го июня 1793 года в собственность общинам.

Имуществ, уступленных добровольно собственникам республики.

Имуществ тех лиц, которые обогатились при исполнении общественных должностей.

Земель, оставленных собственниками не обработанными“³⁾.

К этим имуществам статья третья этого же декрета прибавляет собственность, остающуюся после смерти частных лиц—их имущество переходит в национальную собственность. Далее, статьи пятая и десятая называют имущества, добровольно уступленные государству. Статья пятая гласила: „Каждый француз, без различия пола, отдающий отечеству все свое имущество и посвящающий ему самого себя... становится участником великой национальной общности благ“, а в статье десятой Республика приглашает „всех добрых граждан содействовать успеху этой реформы путем добровольной передачи своего имущества общине“. Наконец, сюда еще должны были быть присоединены имущества, конфискованные у лиц, привлеченных к трудовой повинности, и помещения, занятые беднотой в силу „Акта о восстании“ (п. 18).

Так составлялась материальная база будущей коммуны, и уже на ней строилась „великая национальная община“.

Как составлялась живая сила этой общины, мы уже отчасти видели, когда говорили о делении населения бабувистского государства на граждан и иностранцев; в число граждан входили, как известно, все трудящиеся элементы и „мелкие собственники, небогатые торговцы и все несчастные... кого порочные учреждения обрекли на жизнь, переполненную усталости, лишений и печали“. Но бабувисты не удовлетворились этим общим перечислением элементов, из которых должны были вербоваться граждане будущей республики: в проектах своих декретов—„экономического“ и „об общественных работах“—они подробно останавливаются на том, как юридически оформлялось гражданство в новой республике.

¹⁾ Буонаротти, стр. 135.

²⁾ Сделки, совершенные после 9-го Термидора, бабувистами не признаются.

³⁾ Буонаротти, т. II, стр. 306.

Статьи шестая и седьмая „Экономического декрета“ так определяют контингент тех лиц, кто мог быть участником коммуны: шестая—„Все, достигшие 60-ти лет, так же, как и все калеки, если они бедны, становятся участниками национальной общности благ“; статья седьмая прибавляет к ним молодых людей, „обучающихся в национальных учебных заведениях“. Статья вторая декрета „об общественных работах“ разъясняет, что из числа граждан исключаются помимо лиц, достигших 60-ти лет, „и лица, обладающие физическими недостатками“.

В дальнейшем Республика Равных представляет из себя большую национальную коммуну, где, на основе желания работать на коммунистических началах, все имеющие право быть гражданами, объединяются в ряд меньших коммунистических групп, охватывающих собою целую хозяйственную единицу. В виду того, что все члены коммуны должны работать в какой либо отрасли производства, граждане каждой общины, как известно, делились на классы по числу полезных профессий, куда входили все лица, принадлежащие к одному и тому же производству. Этими профессиональными классами руководили особо выбранные на известный срок чиновники, в компетенцию которых входило, в первую очередь, равное распределение работ между всеми членами данного класса, надзор за выполнением этих работ; кроме того чиновники, принадлежавшие к сельско-хозяйственному классу, имели еще специальное задание „наблюдать за разведением и улучшением животных, употребляемых для питания, одевания, перевозки и различных работ“.

Для наблюдения за деятельностью всех классов существовал „Совет Старейшин“—высшая администрация общины. В задачу этой общинной администрации входило, как гласит пункт девятый „Экономического декрета“, надзор „над положением рабочих различных классов, над ходом их работ и регулярное донесение об этом высшей администрации“. Высшая же администрация, структура которой точно не указана, ведала привлечением к трудовой повинности чуждых по своим настроениям трудовому духу, царящему в коммуне Равных. Статья одиннадцатая „Экономического декрета“ так определяет компетенцию высшей администрации в деле привлечения к принудительному труду: „Высшая администрация под наблюдением общин будет привлекать к принудительным работам тех лиц обоего пола, которые подают вредный пример или недостат-

ком гражданского смысла и недостаточным прилежанием, или своей роскошью и распутством“. Затем высшая администрация ведала учетом и распределением между общинами продуктов сельского хозяйства и промышленности, находящихся в общественных магазинах. Наконец, в компетенцию высшей администрации входило управление всеми национальными имуществами Республики.

Согласно проекту декрета „о распределении и пользовании благами общины“, картина управления национальным достоянием рисуется в следующем виде:

Для управления национальными имуществами вся страна разделялась на области, состоящие из смежных департаментов, производящих приблизительно одни и те же продукты; высшее административное учреждение определяло род и количество продуктов, приходящихся на каждую область; промежуточные административные учреждения наблюдали за выполнением этих предписаний и делали соответственные донесения высшей администрации; последняя, соображаясь с этими донесениями, регулировала общее распределение продуктов между областями, пополняя дефицит одних за счет излишка других или вступая в обмен с за-границей. Десятая часть общего дохода передавалась в ведение военной администрации, излишек урожая сохранялся в виде запаса. Частная торговля с другими государствами воспрещалась, иностранную торговлю вело специальное учреждение, напоминающее нынешний Наркомвнешторг, через посредство особых агентов; торговля с за-границей заключалась в обмене излишков продуктов земледелия и промышленности на недостающие продукты страны.

Распределение продуктов между отдельными областями производилось особыми агентами под руководством промежуточных административных учреждений и под общим контролем высшей администрации; граждане, занятые перевозкой этих продуктов, получали содержание в той общине, где они в данную минуту находились.

Налогами облагались только лица, не принадлежащие к общине. Пункт 8-ой цитированной уже выше прокламации начинал „уничтожение всех прямых налогов и пошлин, начиная с 1-го Вандемьера IV-го года, по отношению к гражданам, лично выполняющим земледельческие и ремесленные работы и имеющим только самое необходимое для себя и для своих семей“. Налоги уплачивались „богачами натурой в заранее установленных размерах“.

шение являлось производной от воспитания, и поскольку воспитанию отводилась им и чрезвычайно большая роль в деле реформации будущего общества, постольку они набросали подробную программу преобразования воспитания.

По мнению Инсурреccionного Комитета, воспитание должно было быть: 1) национальным, 2) всеобщим и 3) равным.

Ставя себе целью, как указывает проект декрета о воспитании, „глубоко заложить во все сердца чувства всеобщего братства“, государство должно было в первую очередь обратить серьезное внимание на изъятие воспитания из рук „эгоистичности семейного уклада“. Воспитание не может быть частным делом и должно коснуться всех граждан—находиться под „руководством законов“ и под наблюдением „должностных лиц“. Таковы причины, почему воспитание должно быть национальным.

Но, с другой стороны, было важно, чтобы „молодые люди приучались видеть в своих согражданах только братьев, отождествлять свои удовольствия и чувства с удовольствиями и чувствами всех людей“. Отсюда требование всеобщности воспитания, осуществляемого через „воспитательные коммуны“, через которые будут проходить все дети республики. Наконец, воспитание должно было быть равным, потому что „равенство воспитания должно приводить к наибольшему политическому равенству“.

Делом народного воспитания в Республике бабувистов должно было ведать специальное учреждение, имеющее свой центр в столице и свои отделения во всех областях и общинах. Во главе этого центрального учреждения,—вроде министерства, наркомата,—находились старейшие граждане, имевшие в своей прошедшей жизни большой стаж общественной и государственной работы. Эти „старцы, поседевшие при исполнении обязанностей на самых важных должностях Республики“, осуществляли свой надзор за воспитанием и просвещением при помощи особого кадра инспекторов; в их ведении находились все воспитательные учреждения Республики, начиная от „семинариев“ по подготовке учителей и кончая „воспитательными коммунами“.

По проекту Инсурреccionного Комитета система воспитания должна была носить характер того трудового воспитания, который мы намечали осуществить в начале нашей революции проектом организации „единой трудовой школы“. Система

воспитания должна была быть построена таким образом, чтобы государство „завладевало индивидуумом при его рождении и покидало его только со смертью“. Эта система воспитания, по мнению бабувистов, должна была оберегать человека в первые дни его жизни, обеспечить его молоком, окружить заботами той, которая произвела его на свет, устранить от него все, что могло бы подорвать его здоровье и раздражать его тело, охранить его от опасности ложной нежности и рукой его матери привести его в дом нации, где он приобретет добрые нравы и познания, необходимые каждому гражданину¹⁾.

Сеть воспитательных учреждений была довольно простой: в каждом округе проектировалось устроить по два учебных заведения—одно для мальчиков и одно для девочек. Бабувисты считали, что воспитание обоих полов не может быть одинаковым, так как назначение мужчины и женщины совершенно различно. „Мужчина, предназначенный природой к подвижности и деятельности—рассказывает Буонаротти—должен доставлять отечеству пропитание и защиту; женщина же должна давать ему сильных граждан; будучи слабее мужчины, подчиняясь неудобствам беременности, мукам родов и бедствиям, часто являющимся их последствиями, и обладая обаянием, оказывающим такое влияние на другой пол, она, очевидно, предназначена к менее тяжелым и менее шумным работам; на ее долю от природы достался дар успокаивать бурность страстей, смягчать горести человечества и воздавать наибольшую награду проявлениям добродетели“²⁾.

Воспитание должно было ставить себе три задачи: 1) „силу и ловкость тела, 2) доброту и энергию сердца и 3) развитие ума“.

Бабувисты понимали, что здоровье и сила граждан являются основой силы и могущества Республики, и вследствие этого обращали самое серьезное внимание на развитие физической культуры. „Молодежь, надежда отечества—говорится в проекте декрета о воспитании—должна упражняться в самых тяжелых работах по земледелию и технике, приобрести навык к самым трудным занятиям и жить в самом строгом воздержании“. „Военные упражнения, верховая езда, состязания в беге, борьба, кулачный бой, танцы, охота и плавание—рассказывает

¹⁾ Буонаротти, стр. 184, 185.

²⁾ Ib.

Буонаротти—являлись теми играми и отдыхом, которые Инсurreкционный Комитет готовил нарождающемуся поколению; он хотел, чтобы лень и безделье были изгнаны из национальных учебных заведений, и чтобы изнеженность и любовь к наслаждениям не нашли себе ни одной тропинки к сердцам молодых французов“ ¹⁾ (подч. мною. А. П.).

Бабувисты строили план своих учебных заведений, исходя из возрастного принципа: учебные заведения разделялись на столько отделений, сколько имелось различных возрастов. При каждом учебном заведении имелись общие столовые, мастерские, поля для игр и военных упражнений и „амфитеатры для занятия науками“. В этих общежитиях находились мальчики и девочки совместно; этой совместной жизнью и коллективными занятиями молодежи бабувисты старались „породить в них чувства, соответствующие принципам государства“. Как рассказывает Буонаротти, этими мерами приучили бы молодежь „считать отечество, этого всеобщего повелителя, источником наблюдаемой ими красоты; его священные законы считались бы творцами здоровья, благополучия и удовольствий; постоянно находясь вместе, они стали бы, наконец, отождествлять свое счастье со счастьем других“ ²⁾.

Характерно, что, несмотря на стремление бабувистов к трудовому воспитанию, они считали необходимым развитие лишь некоторых ремесел: они боялись, что многие из ремесел, несмотря на их пользу в смысле облегчения жизни, в состоянии в то же время привить обществу бесконечное число „искусственных потребностей—неравенство, раздоры, ложные идеи о счастье“. Вследствие этого Инсurreкционный Комитет предлагал ограничить преподавание в учебных заведениях преподаванием лишь тех ремесел, которые „легко доступны для всех“. Республика должна стремиться, говорится в декрете,—„чтобы мнимая элегантность обстановки или одежды уступила место сельской простоте“. „Порядок и чистота—говорит по этому поводу Буонаротти—являются потребностями духа и тела, но важно, чтобы принцип равенства, который должен стоять на первом месте, изгнал пышность и изнеженность, льстящие глупому тщеславию рабов“ ³⁾ (подч. мною. А. П.).

В заключение необходимо отметить, что бабувисты ориентировались в классовом характере науки и вследствие этого большое внимание уделяли вопросам не только элементарной, но и политической грамотности. Говоря о современной им науке, бабувисты указывали, что современные ученые „в вопросе об умозрительных знаниях“ „льстят гордости, сбивают честность с истинного пути и потакают страстям и стремлениям к личному счастью“ ¹⁾. Инсurreкционный Комитет был против науки, дающей „предлог к уклонению от общественных обязанностей“. Что касается вопроса о ликвидации элементарной и политической безграмотности, то этому вопросу декрет о воспитании уделяет следующие строки: „Надо,—говорит он,—чтобы каждый француз умел говорить, читать и писать на своем родном языке, потому что в столь обширной республике письменные знаки являются единственными возможными средствами общения между ее частями, и потому что от них зависят прочие знания; пусть наука о числах тоже будет всем знакома, потому что каждому может быть поручено хранить и распределять национальные богатства“ ²⁾ (подч. мною. А. П.).

Из наук, которые они считали наиболее важными для укрепления революционного миросозерцания, были следующие: история, которая должна была познакомить граждан „с прекращенными Республикой бедствиями и порожденным ею благом“; законоведение, дающее возможность каждому занимать государственные должности и „голосовать по общественным вопросам“; топографию, естественную историю и статистику Республики, чтобы „иметь правильное представление о власти, которая их охраняет, и о мудрости учреждений, заставляющих все части столь крупного организма содействовать счастью каждого гражданина“; наконец, в качестве предметов для преподавания, декрет называет—танцы и музыку, которые необходимы „для украшения празднеств“.

Такова должна быть в Республике Равных постановка воспитания и образования этого, по выражению Буонаротти, „самого прочного фундамента социального равенства и республики“.

¹⁾ Буонаротти, стр. 185, 186.

²⁾ *Ib.*

³⁾ *Ib.*, стр. 187.

¹⁾ Буонаротти, *ib.*

²⁾ Буонаротти, стр. 188.

Последний вопрос, относящийся к области государственного строительства, более или менее детально разработанный Равными, был вопрос о структуре армии.

Бабувисты понимали, что республике Равных, возможно, придется вооруженной рукой отстаивать свои принципы, и по этому они старались построить армию, базирующуюся не на палочной дисциплине, а на сознательном отношении к военному делу со стороны каждого гражданина.

Оставшееся нам наследие декрета „о войсках“ имело своей целью установить всеобщую воинскую повинность граждан. „Армия—рассказывает Буонаротти—должна состоять из всех способных носить оружие французов“¹⁾.

Каждый француз должен был с 20-ти до 25-ти лет находиться на военной службе. Командный состав вербовался из тех же солдат, прослуживших установленное число лет. Интересно отметить, что командный состав был выборный. „В каждом корпусе—говорится в декрете—подчиненные принимают участие в назначении своих периодически сменяемых начальников“ (подч. мною. А. П.). Выборностью военачальников Равные имели в виду противодействовать возможности узурпации военной власти со стороны офицерства, превратившегося в касту. Слово предвидя будущую наполеонаду, Буонаротти напоминает о необходимости принятия заблаговременно мер: „Офицеры, прежде добрые граждане, видя себя навсегда поставленными выше простых солдат, незаметно начинают отделять свои интересы от интересов народа; находят себе новые обязанности; создают из оказанных ими родине услуг право на отличия, богатство и власть; носят оружие только на службе и кончают созданием в государстве аристократической касты; желая понравиться своим вождям, которым она всем обязана, эта каста оправдывает учение о слепом повиновении и старается заглушить в своих подчиненных все, вплоть до воспоминания об их правах“²⁾.

В дальнейшем декрет „об армии“ намечает целый ряд новых принципов организации военных сил Республики. Денежная плата армейцев отменяется и заменяется натуральным военным пайком; в состав этого пайка должны были входить: квартира, одежда, отопление, освещение и одинаковое для всех

содержание, не превышающее содержания гражданских чиновников. Все принадлежащие к армии, именуемые „защитниками отечества“, должны были жить в особом рода казармах вместе со своими начальниками. Мародерство и неповиновение как со стороны солдат, так и со стороны командного состава, каралось смертью. Такое же наказание существовало для высшего комсостава, виновного в „воровстве, пьянстве, насилии, игре, пренебрежении к законам и в самоуправстве в отношении к своим подчиненным“. В армиях устанавливаются особого рода работы, учения и празднества. За выдающиеся подвиги Республика присуждает награды. Все время пребывания в армии должно было быть использовано на пропаганду и внедрение в военнотружущих идеи равенства.

Кроме армии в Республике Равных существовала также национальная гвардия, составленная из граждан, заинтересованных в новом строе, то-есть, в первую очередь, из последователей бабувистов. Система организации национальной гвардии всецело совпадала с рассмотренной выше системой армии. Эта организация военных сил Республики показывает, что фактическая сила по защите неприкосновенности Республики от внешних и внутренних врагов передавалась в руки народа. Нельзя не отметить, что бабувисты прекрасно учили принципы организации революционной армии, строящейся не на принуждении, а на сознательной заинтересованности в победе революции. Нам, которым пришлось строить свою красную армию спустя 125 лет, слишком хорошо известно, насколько бабувисты во многом предвосхитили те принципы, которые были положены в основу советской армии. Несомненно, что многие из вышеприведенных принципов организации бабувистской армии еще жизненны до сих пор.

Заканчивая рассмотрение плана построения Республики Равных, необходимо отметить, что весь этот план уже существовал в готовом виде у Морелли, тем не менее и здесь,—в вопросах разработки проблемы политических условий социального преобразования, как мы можем видеть, бабувисты внесли много нового.

В самом деле, Морелли дал нам изображение будущего общества в готовом виде, в его статике. Будучи только теоретиком, заинтересованным, в первую очередь, лишь в мертвой схеме, он не задумывался вовсе над вопросом, в какой последовательности необходимо перестраивать

¹⁾ Буонаротти, стр. 188.

²⁾ *Иб.*

современное общество, чтобы придти к обществу идеальному. Бабувисты, напротив, вопрос о динамике перехода от настоящего общества к коммунистическому поставили чрезвычайно резко и отчетливо. Искомый ими мостик, соединяющий эти два общества, был ими найден. Рассмотренное нами выше законодательство переходного периода указывает эти контуры. Как указывает тов. Волгин, „в постановке этого вопроса у бабувистов были предшественники—английские диггеры 17-го века и кое-кто из памфлетистов кануна революции (Буассель), но английские предшественники вряд ли им были известны, а французские, во всяком случае, не имели для них серьезного значения“¹⁾. С своей стороны, мы могли заметить на всем протяжении нашего рассмотрения идей Бабефа, что означенные мыслители—реформаторы не имели никакого влияния на построение бабувистами плана этого переходного периода. Последнее обстоятельство придает учению бабувистов исключительное значение в истории развития коммунистической мысли.

Подведем теперь итоги рассмотренному нами процессу эволюции мировоззрения Бабефа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Начав свою публицистическую деятельность в качестве мелкого чиновника по делам землеустройства, неоднократно страдавшего от высокомерия аристократов, Бабеф отдался всецело проповеди идей просветительной философии—идей, которые ему были подсказаны стремлением к равенству и знакомством со страданиями народа. Этим идеям он остался верен в продолжение всей своей жизни.

Еще в преддверии революции, в переписке ли с Аррасским академиком, или в предисловии к „Постоянному Кадастру“, он усиленно пропагандирует необходимость для народа просвещения, так как сознание народом своих прав есть, по его мнению, основная предпосылка достижения искомого всеобщего равенства.

Но вот вспыхнула революция. В два года она почти совершенно уничтожила всю феодальную систему, и Бабеф в Пикардии энергично способствовал этому делу освобождения страны от феодальных оков. Накануне открытия Законодательного Собрания живо чувствовалось, что задача революции не доведена до конца, ибо концом революции, казалось ему, может лишь быть „венец всех законов“, „вершина коммунистического законодательства“—аграрный закон. Как добиться осуществления этого благоприятного исхода революции? Как достичь этого „венца законодательства“? Кто может быть носителем его идеи?—Таковы были те вопросы, которыми занимается сейчас Бабеф, и на рассмотрение которых он употребил четыре года.

В 1792 году ему казалось, что он может достигнуть желанной цели—направить революцию к аграрному закону. Перспектива политической демократизации страны, стихийный коммунизм якобинской диктатуры, мероприятия Конвента и Парижской Коммуны, казалось ему, способны были внушить убеждение, что революция вступает на путь аграрного закона.

Но вот разразилась термидорианская трагедия. Падение Робеспьера, усиливающаяся реакция против „духа 93-го года“ и общая апатия означали для Бабефа новые импульсы в необходимости добиться фактического равенства. Печальные итоги „конца революции“ заставили его признать ошибочность тех средств, при помощи которых он пытался лечить больную революцию и выдвинуть новые лозунги. Он посвящает всю свою энергию и пыл протесту против таких итогов революции и пытается поднять падающее настроение „великого народа, совершившего величайшую из революций“, развертыванием, знамени коммунизма. Он напоминает этому народу о его неотъемлемых правах; он старается выяснить ему тенденцию революции, он пытается поднять царящее настроение упадка и доказать ему, что нельзя говорить о завершении революции, пока не существует фактического равенства. Народ еще не вышел из своего несчастного состояния, а правительство буржуазии готовит ему новые цепи. Не может быть республики без общего благосостояния и без коммунизма—таково содержание агитации Бабефа в эпоху конца Конвента.

Но общество не пробудилось от своего сна; народ не вышел из своего подавленного состояния. Необходимо сделать последнее усилие. И вот создается Заговор Равных, ставящий

¹⁾ Волгин. «Очерки по истории социализма».

своей целью практическое осуществление коммунизма. Как известно, это предприятие заговорщиков закончилось неудачей. Тайная организация Равных, составленный ими план—низвергнуть правительство Директории, возобновить социальную политику 1793 года и расширить ее вплоть до коммунизма—все это было выдано министру Карно одним предателем, офицером Гризелем. 10-го мая 1796 года Равные были арестованы, а 29-го мая 1797 года вожди заговора, Бабеф и Дартэ, сложили свои головы на гильотине.

Так изо дня в день, то впадая в ошибки, то возвращаясь вспять, но всегда оставаясь верным своей основной мысли превратить французскую революцию в коммунистическую, Бабеф старался добиться „неизменного счастливого состояния“, пока эта попытка не привела к своему трагическому концу.

Чем же объяснялась эта неудача Равных? Предательством ли Гризеля, недостаточной предосторожностью со стороны заговорщиков, неумением сохранять, таким образом, строгую конспирацию или какими либо причинами, лежащими в самом предприятии, заранее обрекавшими его на неудачу?

Как мы могли видеть, заговорщики сделали все, что было в их силах для обеспечения благополучного исхода. Их система конспирации была настолько удачной, что все последующие конспиративные организации, какие организовывались на протяжении более века спустя, брали пример с организации бабувистов. Не говоря уже о великих мастерах конспирации—Бланки и Нечаеве, даже социал-демократические и коммунистические организации не раз проверяли на опыте правильность организации конспиративных учреждений Равных. Таким образом, причина неудачи бабувистского предприятия крылась не в неумении организовывать заговор, а ее печальный исход был обусловлен совсем другими обстоятельствами. Если бы даже заговорщикам удалось благополучно совершить переворот, то и тогда их предприятие должно было потерпеть неудачу. Прежде всего такой исход должно было обусловить отсутствие той народной массы, во имя которой создавался, в первую очередь, заговор.

Вспомним, что народная масса, несмотря на кажущиеся успехи агитации Бабефа, осталась совершенно индифферентной к постигшей бабувистов неудаче. Вспомним, что даже демократическое население Вандома, с большим возбуждением следившее за ходом процесса, не попыталось каким либо иным

путем, кроме подкупа конвоиров, поддержать арестованных, которым, как казалось им, они симпатизировали. Вспомним, что затея поднять в ночь на 2-е сентября Гренельский лагерь, где имелось „большое количество прозелитов“, была сведена на нет действиями одного ротмистра.

Каковы же причины того, что парижские массы не проявили Заговоре Равных той активности, какую они проявляли 14-го июля 1789 года и 10-го августа 1792 года? Ведь, в эпоху Директории, как мы могли видеть, та категория населения, которая составляла главную массу осаждавших Бастилию и Тюльерийский дворец, находилась в условиях значительно худших, чем в начале созыва Генеральных Штатов и Конвента!

Причины этой индифферентности трудящихся масс Парижа к заговору бабувистов кроются в тех объективных условиях эпохи, о которых говорилось в начале нашего исследования, и в той трансформации самой демократии, которая получилась в результате перераспределения собственности. Народная масса, которая не оказала никакого противодействия всем нападениям реакции после 9-го Термидора, которая ничего не сделала для того, чтобы отстоять революционные завоевания, а молча взирала на контрреволюционные действия партий „порядка“ и которая, наконец, дала себя обескровить во время голодного бунта за год перед этим, не могла поддержать бабувистов.

Таковы были объективные причины, которые привели к трагической развязке предприятия Равных. Но были и обстоятельства, которые заранее обрекали на неудачу все их попытки осуществить „фактическое равенство“, если бы заговор удался не только в Париже, но и в провинции. Причины этой безнадёжности предприятия заговорщиков кроются в социальной природе бабувизма.

Несмотря на то, что Бабеф искал себе сторонников среди рабочих и городской бедноты, коммунизм бабувистов не был идеологией рабочего класса, а был идеологией мелкобуржуазной бедноты; вследствие этого коммунизм бабувистов был чисто аграрным коммунизмом. Рабочего класса еще тогда не было, и основными кадрами последователей бабувистов в конце концов должны были оказаться те мелкие лавочники и торговцы, с которыми призывал объединиться Инсurreкционный Комитет. И хотя задача научного коммунизма и по сие время заключается также и в том, чтобы привлечь на свою сторону мелкую буржуазию, но коммунизм Равных

ставил своей целью не только временно опереться на мелко-буржуазную массу, но и „возродить ее для человечества“.

Более детальное знакомство с коммунизмом Равных пока-зывает, что этот бабувизм имеет мало общего с научным коммунизмом.

В самом деле, все произведения Бабефа, выставившие требования уничтожения всякой частной собственности, хотя они и говорят о распространении этого принципа и на индустрию, однако, имеют в виду почти исключительно собственность земледельца, не говоря ни слова о промышленных предприятиях или отмечая лишь продукты промышленности.

Так, например, в проекте самого важного и основного с точки зрения организации будущей республики декрета — „экономического“ — ни слова не говорится об обобществлении промышленной собственности. Материальная база коммуны, как мы могли видеть, составлялась из собственности, под которой можно было подразумевать либо землю, либо постройки: среди „предметов“ „великой национальной общины“ не упоминалось вовсе о „предметах“ индустрии. И это замалчивание городской промышленности и выставление на первый план сельского хозяйства вполне понятно; в эпоху Бабефа, как это мы уже видели, машинное производство едва начинало возникать, и при перечислении „предметов индустрии“, то-есть промышленных предприятий, могли лишь ограничиться перечислением инструментов: рубанка, ножниц и т. п., отнять которые у отдельных лиц и объявить их национальным достоянием могло придти в голову лишь сумасшедшему; но, с другой стороны, уже существовала крупная добывающая промышленность, вроде упомянутой выше горнозаводской компании Андина, которую при перечислении национализируемых отраслей следовало упомянуть. Однако, Бабефа, заинтересованного лишь в аграрном коммунизме, национализация копей не интересовала.

Эта же тенденция игнорирования вопроса о национализации промышленных предприятий, а также подчеркивание потребительского характера национализации промышленности сказалась и в таком важном декрете, каким был рассмотренный нами декрет „Распределения и пользования благами общины“. В декрете говорилось о том, что „национальная община“ обеспечивает каждому из своих членов все, начиная от жилища и кончая пищевыми продуктами, но нигде не говорилось о си-

стеме управления национализированной городской промышленностью; пункт 8 этого декрета, как помнит читатель, говорил о чиновниках, заведующих сельским хозяйством, но ни одним словом не упомянул об управлении предприятий городской промышленности. То-же самое и с декретом „об общественных работах“: в то время, как в статье 1-ой этого декрета говорилось, что „каждый член общества обязывается принимать участие во всех работах“ (значит, и в городской промышленности), а в статье 12-ой указывается на создание общественных магазинов для хранения продуктов всех видов промышленности, в статье 14-ой есть прямое указание на общественное управление сельским хозяйством и ничего не говорится о таком же управлении городской промышленностью.

Эта же особенность сказывается и в проекте уже много раз цитированной нами прокламации, приводимой Буонаротти.

Довольно характерно для социальной природы бабувизма следующее замечание Бабефа, высказанное им на страницах 43-го номера „Народного Трибуна“ (от 24-го апреля 1796 года). Отвечая на брошенные ему Директорией обвинения в желании ограбить мелкие лавочки и разрушить мелкие домашние хозяйства, он отвечал следующее: „Мы всегда только и заявляли, что мы хотим снова поднять и усилить мелкие лавочки и маленькие домашние хозяйства, сделав их приносящими доход“¹⁾ (подч. мною. А. П.).

Впрочем, в стране, где земледелие играло такую преобладающую роль в производстве, где на основе сельского хозяйства шествующий капитализм должен был строить свое будущее, где городская промышленность едва вышла на коммунистическую дорогу, а рабочего класса еще не было, какой иной характер могли носить коммунистические проекты, не выражающие собою тенденций экономического развития и принужденные вследствие этого базироваться на слабом развитии производительных сил — на узкой, ограниченной базе жизненных условий?

Угроза „провозгласить истинный и основной кодекс природы“, „под прикрытием ста тысяч пик и пушек“, в конце Великой Революции могла звучать лишь с уст вождя ста тысяч санкюлотов, историческая роль которых заключалась не в том, чтобы свергнуть капиталистический строй и на месте

¹⁾ „Tribun du Peuple“, № 43 от 5-го Флориды IV-го года.

его воздвигнуть здание коммунизма, а в том, чтобы подготовить один из основных элементов капиталистического строя— рабочий класс. Маркс в „Критике гегелевской философии права“, говоря об исторической роли пролетариата, так определил „тайны его собственного существования“: „возвещая разложение существующего мирового порядка, пролетариат выражает лишь тайну своего собственного существования, так как он—фактическое разложение этого мирового порядка“¹⁾ (подч. мною. А. П.). Тайна же „собственного существования“ санюлотов заключалась в том, чтобы выделить из себя рабочий класс, кадры для грядущего капитализма.

Этот мелкобуржуазный характер коммунизма Бабефа сказался и в том, что он был чисто утопическим коммунизмом.

Выставленное Бабефом требование равенства могло быть осуществлено в его эпоху только в том смысле, который вкладывала в него буржуазия—класс, олицетворявший собою современную тенденцию общественного развития. Понятие равенства в устах буржуазии означало тогда требование свободы буржуазной собственности; уничтожение неравенства—лозунг, навязанный в зубах в первый период революции, означало уничтожение неравенства, какое существовало для третьего сословия в недрах феодального строя; требование равенства означало требование лишения феодальной аристократии ее привилегий и устранения тех препятствий для капиталистического накопления, какие тогда имелись в виде цеховой регламентации труда, мешавших существованию свободных рабочих рук и средневековых пошлинных рогаток, препятствующих свободному товарному обмену.

Франция эпохи Бабефа вступала в период своего „первоначального „накопления“ капитализма, когда „лебединая песнь“ феодализма сменилась „песней торжествующей любви“ капитализму. А эта эпоха, как еще указывал Маркс, не только не знает экономического равенства, но даже политической полной гражданской свободы. Крестьянин или мелкий производитель, поставленные в одинаковые в правовом отношении условия—не говоря уже об экономическом—не дадут себя эксплуатировать без борьбы; между тем на экспроприации мелкого производителя и рабочего держится все „накопление“ первоначального капитализма.

„Требование равенства в устах пролетариата—писал Энгельс—имеет двойное значение. Либо оно является—и это бывает особенно в самом начале, например, в крестьянской войне—стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, господами и слугами, расточителями и голодающими; как таковое, оно является просто революционным инстинктом и в этом, только в этом, находит свое оправдание. Или же оно возникает из реакции против буржуазного требования равенства, делает из него более или менее правильные широкие выводы, служит агитационным средством возбуждать рабочих против капиталистов, и в этом случае оно существует и падает вместе с буржуазным равенством. В обоих случаях действительное содержание пролетарского требования равенства есть требование отмены классов. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, необходимо впадает в абсурд“.

Как мы могли видеть, требование равенства в устах бабувизма звучало, как „требование отмены классов“; но с другой стороны, поскольку тогда не существовало того класса, во имя которого оно могло бы быть осуществлено, это требование сводилось фактически к „стихийной реакции против вопиющих социальных неравенств“ и являлось, таким образом, не научной теорией, способной теоретически оправдать политическую борьбу класса, а „революционным инстинктом“.

Естественно, что, как революционный инстинкт, „философия“ Бабефа обладала большими теоретическими погрешностями. Нет надобности еще раз подчеркивать теоретические недостатки коммунистических построений Бабефа. Все они могут быть сведены к одной ошибке: Бабеф исходил из абсолютных понятий о человеке и о вещах и верил поэтому в возможность создать на них целый общественный организм. Кроме того, поставив основной целью своих преобразований достижение всеобщего равенства, он сделал идею всеобщего равенства также исходной точкой своих рассуждений. Но так как люди были так же мало равны, как и отношения между ними, и так как исторически развившиеся различия не могут быть уничтожены мановением руки, то вся теория Бабефа не избежала ошибки, свойственной метафизическому мышлению рационалистического социализма 18-го столетия,—для которого цель одновременно являлась и основной предпосылкой.

¹⁾ «Deutsch-Französische Jahrbücher», 1844, стр. 533.

Вот почему рядом с прекрасно разработанным планом переворота и первых шагов на пути к осуществлению коммунизма мы встречаем ряд таких утопических мер, как осуществление коммунистического преобразования общества посредством „убеждения народа“¹⁾, посредством „рассеяния заблуждений“ и, наконец, посредством „предложения богачам добровольно уступить властному требованию справедливости... великодушно отдать народу свои излишки“²⁾.

Впрочем, Бабеф не был теоретиком коммунизма, и, как указывал Маркс, „принимать Бабефа за теоретического представителя коммунизма могло придти в голову лишь берлинскому школьному учителю“. Значение бабувистов, в первую очередь, не в области развития теории, а в области развития пролетарской организации, пролетарской тактики и пролетарской программы - минимум в эпоху переходного периода. Именно эти обстоятельства делают бабувистов действительно революционной партией; тем не менее игнорировать ту роль, которую сыграл Бабеф в развитии коммунистической мысли, также не приходится.

После тех представлений, какие были у до-революционных социалистов об общественном развитии и об историческом процессе, анализ, данный Бабефом историческому процессу, во многом подвинул развитие коммунистической мысли, а те проблемы, с которыми пришлось нам в процессе рассмотрения его идеологии столкнуться, еще и до сих пор во многом являются актуальными. Как правильно отмечает тов. Волгин: „Основные заветы бабувизма, этого первого коммунистического учения нового времени,—основные его приобретения целиком перешли по наследству к современному коммунизму. Отказываться от установления идейного родства с Бабефом и бабувистами у последнего нет никаких оснований“³⁾.

Действительно, преемственность бабувизма с современным социализмом несомненна: коммунизм впервые сделался активным фактором французской истории в виде движения бабувистов, а через посредство Буонаротти и Бланки современный социализм связан с Равными, которых можно признать его предшественниками.

Если, тем не менее, Бабеф и его друзья не являются предводителями пролетарской партии, которой тогда еще не существовало, то, во всяком случае, они являлись идеологами его ближайшего предшественника. И пролетариат имеет все основания высоко чтить память этих передовых борцов за его освобождение.

Маркс, предполагавший в 1845 году заняться историей социальных движений в эпоху великой французской революции, отводит Бабефу почетное место в этой истории.

„Революционное движение — писал он — которое началось в 1789 году в „Социальном клубе“, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Руи, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,—движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 года снова введена была во Франции другом Бабефа, Буонаротти. Эта идея, последовательно разработанная, есть идея нового мирового порядка“ (подч. мною. А. П.).

Далее, указывая демократу Гейнцену на значение социального вопроса в эпоху революции, Маркс опять подчеркивает роль Бабефа, как активного выразителя требований пролетариата.

„Первое появление действительно активной коммунистической партии—писал Маркс—мы видим во время буржуазной революции в тот момент, когда устранена была конституционная монархия. Наиболее последовательные республиканцы—в Англии левеллеры, во Франции Бабеф, Буонаротти и т. д.—первые выдвинули эти „социальные вопросы“. Заговор Бабефа, описанный его другом и товарищем по партии, Буонаротти, показывает, как эти республиканцы из „движения“ почерпнули то убеждение, что с устранением вопроса о монархии и республике для пролетариата ни один „социальный вопрос“ решен еще не был“.

Таково значение той идеи „нового мирового порядка“, которую знаменует собой бабувизм в истории развития коммунистической мысли.

¹⁾ Буонаротти, стр. 136.

²⁾ § 20 вышецитированного проекта прокламации.

³⁾ Волгин, стр. 132.

МАТЕРИАЛЫ.

«Когда люди снова начнут размышлять о средствах, способных выяснить человеческому роду то счастье, которое мы ему предлагали, ты сможешь отыскать в этих клочках и представить всем последователям Равенства слабую коллекцию уцелевших отрывков, содержащих все то, что современные выродки называют моими фантазиями».

Письмо, писанное из тюрьмы Феликсу Лепеллетье, 26 Мессидора IV года (14 июля 1796 года).

I. В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ ¹⁾.

„Новый свод законов, который не внесет в нашу жизнь никаких других изменений, кроме того, что перестанет запрещать в одной провинции то, что допускается в соседней, будет просто жалким паллиативом против великого зла. Он' не помещает тому, чтобы мои дети рождались бедными и нагими, тогда как дети моего соседа-миллионера с момента своего появления на свет божий будут купаться в золоте. Он не помещает тому, чтобы этот сосед, кичась своим огромным богатством, обдавал меня величественным презрением только потому, что я несчастный бедняк, согбенный под бременем нужды...

Но как я люблю вашего радикального реформатора. Очень жаль, что он умалчивает о предлагаемых им средствах. Можно пожелать, чтобы об'явленная им подписка была поскорее покрыта, и чтобы он мог заполнить указанный пробел. Не подлежит сомнению, что его план обнимает все стороны вопроса, и по внимательном рассмотрении предмета я нахожу, что осуществлением его предположений останется одно только преступление, подлежащее наказанию, а именно — уклонение от общего труда, которому, без сомнения, будут подчинены все члены общества. Для осуществления этой цели королям придется, вероятно, отречься от своих корон, а всем титулован-

¹⁾ Из переписки с секретарем Аррасской Академии по поводу «Утопии» неизвестного автора.

ным и знатным особам отказаться от своих чинов, мест и должностей. Но это, конечно, пустяки! Для совершения великого переворота необходимо прибегнуть к радикальным мерам. И притом, какое значение имеют все эти экстравагантные титулы? Разве они не представляют собою просто тщеславных и фантастических выражений, придуманных чванством и подтвержденных низостью? Должны ли существовать между людьми хотя бы малейшие различия? Почему относиться с большим уважением к тому, кто носит шпагу, чем к тому, кто умел ее выковать? Природа, сотворивши человеческий род, хотела ли подчинить его действию иных законов, отличных от тех, которые установлены для всех остальных живых существ? Хотела ли она, чтобы один человек хуже питался и ютился в худшем помещении, чем другой? Можно ли допустить, что такой порядок вещей практиковался на заре человеческого существования? Разве современные сведения о естественных правах наших американских братьев до открытия их европейцами, причинившими им столько зла, не опровергают подобного утверждения?

Первый, кто, огородивши участок земли,—говорит автор Эмиля,—решился сказать: это принадлежит мне, был первым виновником всех бед, угнетающих человечество. В другом месте Жан-Жак утверждает, что эти бедствия натолкнули людей на открытие всех тех знаний, которые мы с тех пор приобрели. Но Жан-Жак уверяет, что все эти приобретения только сделали нас менее счастливыми, чем мы были в первоначальном естественном состоянии; в конце концов он, повиному, готов вернуть нас в это первобытное состояние для того, чтобы доставить нам максимум доступного счастья.

Мне кажется, что наш реформатор идет дальше женевского гражданина, который, как я слышал, считается большим фантазером. По правде сказать, он хорошо мечтал, но наш друг мечтает еще лучше. Подобно Руссо, он утверждает, что так как все люди абсолютно равны, то они не должны обладать частной собственностью, а пользоваться всем сообща, так, чтобы каждый человек, при своем рождении, не был ни богаче, ни беднее и не пользовался меньшим почетом, чем любой из окружающих его людей. Но вместо того, чтобы, подобно Руссо, отослать нас в лесную чащу, усадить нас под дубом, заставить нас утолять свою жажду из первого попавшегося ручья и укладываться для отдыха под тем самым дубом, под которым мы сначала нашли свою пищу, наш реформатор предлагает нам хорошо есть четыре раза в день, снабжает нас элегантною одеждой, наделяет каждого отца семейства прелестным домиком, стоимостью в тысячу луидоров¹⁾. Это доказывает, что он сумел удачно сочетать положительные стороны общежития с достоинствами первобытной естественной жизни.

¹⁾ Таковы детали утопии, изложенной Дюбуа де Фоссэ.

Так вот, с своей стороны, я готов кричать „ура“ и быть одним из первых эмигрантов, которые пойдут населять новую республику. Я не стану нарушать установленных там норм, лишь бы только я мог жить там в счастье и довольстве, не опасаясь за судьбу своих детей и свою собственную.

Если я в новой республике стану заниматься своим ремеслом писца, то я буду весьма доволен тем, что избавился от презрительного отношения людей, которые, занимаясь профессиями, признаваемыми у нас более почетными, считают себя вправе бросать на меня покровительственные взгляды, а, с своей стороны, мне не трудно будет относиться, как к равному, к ремесленнику, который будет меня стричь или шить для меня сапоги. Так оно и должно быть на деле. Разве существование этих полезных ремесленников не безусловно необходимо? Если их вкус или естественные склонности побудили их взяться за это ремесло, а не за изучение законов, то разве они должны поэтому занимать в обществе низшее положение, чем человек, которого специальная склонность или способность толкнули к судейской карьере?

Все люди не могут быть судьями, а тот, кому удалось сделаться членом судебного сословия, затратил на это, быть может, гораздо меньше труда, чем какой-нибудь несчастный рабочий, которому судьба не благоприятствовала, для изучения более простого ремесла. Виноват ли последний в том, что природа не наградила его большими талантами? Должен ли он поэтому пользоваться меньшими преимуществами, чем в том случае, если бы судьба одарила его способностью управлять целой республикой? Он сумел научиться только вязать. Не беда! Он будет готовить чулки для крестьян, для поваров, для виноделов, для производителей материй, для сапожников, парикмахеров, каменщиков, юристов, а эти в обмен будут доставлять ему хлеб, хороший стол, вино, платье, обувь, стричь его, давать ему квартиру и обеспечивать ему общую охрану его прав.

На таких началах взаимности будут построены отношения всех социальных групп, и я надеюсь, что в конечном счете все они останутся довольны.

Несколько лет тому назад много писали против крайних проявлений роскоши. Раздавались жалобы на то, что все сословия смешались в одну кучу, что теперь невозможно отличить по одежде важного барина от мужика, и для прекращения этого мнимого злоупотребления предлагалось установить для каждого сословия отличительные знаки, носимые поверх платья, при чем эти значки должны были соответствовать сословию данного лица; так, для дворян предлагалось изображение шпаги, для бакалейных торговцев—изображение сахарной головы, для торговца маслом—боченок с анчоусами, для торговца жареным мясом—гусь, для слесаря—наковальня, для портного—ножницы и т. д.

Я надеюсь, что, когда будет основана наша новая республика, подобные вопросы не станут больше подниматься, так как все полезные профессии (а других, конечно, тогда уже не будет) будут считаться одинаково почетными".

(«Advielle; Histoire de Gracchus Babeuf», т. II, стр. 193 и след.).

II. Под знаком «АГРАРНОГО ЗАКОНА».

1. Критика «Общественного договора».

„В естественном состоянии все люди равны. Нет человека, который бы не соглашался с этой истиной. Однако, для оправдания имущественного неравенства говорилось, что даже в состоянии дикости не все люди пользовались строго одинаковым равенством, так как природа не наделила каждого человека одинаковой степенью восприимчивости, понимания, воображения, предприимчивости, активности и силы; таким образом, не все люди одинаково были способны трудиться для своего благосостояния и приобретать те блага, которые его обеспечивают. Но если бы общественный договор действительно был основан на разуме, то разве он не должен был бы стремиться к устранению отрицательных и несправедливых последствий естественных законов? Если мне с помощью силы или какого либо другого средства удастся вырвать из рук моего брата добычу, которую он достал для утоления своего голода, то разве общественный закон не обязан воспретить мне это варварское деяние и внушить мне ту мысль, что в погоне за питанием я не должен касаться тех продуктов, которые присвоил себе другой человек для своего личного пользования? Более того, разве он не должен побуждать меня делиться выгодами от моих высших талантов с тем, кто при рождении был поставлен в достаточно благоприятные условия и не получил таких же способностей?

Вместо этого социальные законы обеспечили интриганам, хитрецам и пронырам возможность искусно присваивать себе общую собственность. В естественном состоянии человек запасался провизией только на день и, таким образом, оставляя и другим возможность постоянно находить все предметы, необходимые также и для них. А если бы дело обстояло иначе, если бы отдельная личность вздумала накапливать излишки, то ее товарищи сочли бы себя вправе расхитить ее запасы для того, чтобы в корне подавить стремление, способное подать остальным пагубный пример.

Но не так обстоит дело с так называемым цивилизованным человеком: он мог безнаказанно присвоить себе одному количеству предметов, способное обеспечить существование тысячи

его ближних. Общество не установило никаких пределов для богатства, которое дозволено приобретать отдельному человеку. С помощью ложных предрассудков удалось раздуть до смешного заслуги и важность некоторых профессий, полезность которых, в большинстве случаев, по правде сказать, была чисто призрачной и химеричной.

Тем не менее людям, исполнявшим эти профессии, удалось захватить в свои руки все, в то время, как заработки людей, действительно полезных в виду своих, безусловно необходимых для общества, функций, сократились до ничтожных размеров.

Но этим зло не ограничилось; эти общепользные работы сделались решительно недостаточным источником для существования отдельных лиц. Так как вся общественная обстановка способствовала поглощению мелких состояний крупными, то число рабочих чрезмерно возросло. В результате не только заработная плата была понижена до ничтожных размеров, но огромное число граждан очутилось, кроме того, в таком положении, что не могло найти работы даже за жалкое вознаграждение, которое было установлено деспотическими и безжалостными богачами, и на которое, волей-неволей, принужден соглашаться искусный ремесленник вследствие безвыходной нужды.

А между тем обычный припев купающихся в золоте людей заключается в том, что они советуют приняться за работу докучливым просителям, которые, вследствие неудовлетворения самых насущных своих потребностей, вынуждены обращаться к ним за каким нибудь ничтожным пособием. Взор Креза, оскорбленный возбуждающим неподдельный ужас и устрашающим видом жалкого рубища, которое у бедняка заменяет все внешние украшения, общим грустным зрелищем этой печальной ливреи, уродливой бледностью и отталкивающим цветом лица, омоченного слезами,—взор Крез, говорим мы, оскорбленный такой картиной, не потому что его душа, недоступная чувству жалости, хоть сколько нибудь тронута ею, а потому, что ему приятно видеть все окружающие его предметы веселыми, холодно и бесцеремонно отворачивается от несчастного и спешит от него отделаться. Его посылают работать. Но где взять ее, эту работу?"

(„Cadastre perpetuel, Discours préliminaire" стр. XXVI и сл.).

2. Роль общественных предрассудков и отсутствия воспитания в современном обществе.

„Естественный порядок может быть искажен, изменен, поставлен вверх ногами, но окончательное его разрушение стремится воссоздать его. Если большинство людей лишены всякого земельного надела, но имеют еще возможность находить себе

пропитание трудом, то какое решение они примут? Они скажут, что следует уважать собственность? Но если из двадцати четырех миллионов населения пятнадцать миллионов лишены какой бы то ни было собственности, потому что остальные девять миллионов попрали их права и не оставили им даже возможности поддерживать свое существование, то неужели эти пятнадцать миллионов решатся погибнуть с голоду из любви к девяти в знак признательности за то, что последние обобрали их дочиста? Конечно, они согласятся на такой исход не очень то охотно, и, по всей вероятности, для богатого класса выгоднее будет уступить им добровольно, чем доводить их до отчаяния.

Кто-то уже сказал: каждый человек должен найти себе верное занятие, а законы должны блюсти за тем, чтобы получаемый им заработок был достаточен для его существования.

Мы готовы повторить сказанные нами прежде слова: только благодаря общественному мнению, которое установило за некоторые занятия повышенное вознаграждение, незначительной кучке людей удалось захватить в свои руки все богатства.

Этим обстоятельством объясняется влияние феодального режима и хитрая политика духовенства. Имущественное неравенство никогда не достигло бы таких возмутительных размеров, если бы люди всегда держались того взгляда, что все занятия равноценны, когда они имеют в виду общую пользу, и что не место красит человека, а добродетельный человек — место.

Таким образом, во все времена бедствия человеческого рода обуславливались предрассудками, этим порождением невежества. Не будь их, все люди обладали бы чувством собственного достоинства; все понимали бы, что общество есть не что иное, как большая семья, в которой все члены должны пользоваться одинаковыми правами, если только они, по мере своих физических и умственных сил, способствуют общему благу. Земля, наша общая мать, должна была бы делиться только на участки, находящиеся в пожизненном владении и признаваемые неотчуждаемыми, так, чтобы личное владение каждого гражданина всегда было обеспечено и неотъемлемо. В такой стране, как Франция, где по данным почерпнутым из различных вычислений, площади возделываемых земель, насчитывается около 66 миллионов арпанов, каким прекрасным наделом мог бы располагать каждый домохозяин!

Предполагая, что каждая семья состоит из четырех человек, и что население Франции составляет 24 миллиона душ, мы получим шесть миллионов семей; следовательно, каждая семья могла бы владеть одиннадцатью арпанами земли.

При такой площади хорошо обрабатываемой земли, какой высокой зажиточности могло бы достигнуть население. Какая

чистота и простота нравов, какой безмятежный порядок могли бы царить среди народа, который принял бы столь мудрую форму общественного устройства, до такой степени точно соответствующую общим законам, предначертанным природой, нарушить кои позволил себе лишь один человеческий род.

Противные природе законы восторжествовали лишь потому, что люди не обладали достаточной сознательностью. Все социальные институты были построены на том общем принципе, что если только человек не отнимал силой имущества, принадлежавшего его ближнему, то в остальном дозволялось применять во взаимных отношениях всевозможные хитрости, направленные к тому, чтобы отбирать это самое имущество друг у друга. Таков фактически дух наших учреждений. Кто способен на большие интриги, тот наверно добьется большего счастья или, по крайней мере, большего могущества, чем его братья. Человек, не способный к хитроумным комбинациям, впадает в жалкое положение. А из случайного сочетания хороших и плохих шансов составила какая то смутная идея, выражаемая словом судьба.

Мы видели, что можно было бы навсегда избежать этого слова, и что участь граждан могла бы быть прочно обеспечена, независимо от капризов случая.

Все вышесказанное доказывает несправедливость такого порядка, при котором отдельный человек пользуется богатством, значительно превышающим среднюю норму благосостояния, получаемую при делении общего производства страны на количество ее жителей. Это неравенство нарушает естественный порядок; ибо природа, экономно расточающая свои дары, производит приблизительно столько, сколько необходимо для жизни созданных ею существ; а, следовательно, отдельные лица могут пользоваться избытком лишь постольку, поскольку другие нуждаются в самом необходимом.

Итак, отдельные люди владеют лично несколькими долями общего достояния только в силу узурпации. Мы не претендуем на преобразование мира в смысле полного восстановления первобытного равенства; но мы стремимся доказать, что все впавшие в нищету имели бы право потребовать такого восстановления, если бы богатые классы продолжали упорно отказывать им в почетной помощи, приличествующей равным и не допускающей их снова впасть в то состояние оскорбительной нужды, в которое их теперь ввергли совокупные беды протекших веков.

Теперь мы можем лучше обосновать тот ответ, который жертвы неудачливости должны были бы дать на следующий вопрос наших жестокосердых и спесивых сатрапов: на каком основании те, кто не владеет ничем, могут требовать стольких преимуществ от тех, кто владеет всем? Ведь в таком случае судьба одних не будет ничем предпочтительнее участи других.

На каком основании?... Милостивые государи,—в качестве людей, в силу права каждого питомца, достигшего совершеннолетия, потребовать остатков имущества, безотчетно расхищенного недобросовестным опекуном. Вы являетесь такими недостойными опекунами; народ, достигший теперь умственной зрелости, до сих пор тщательно держался в положении ребенка и в состоянии пагубной косности, мешавшей ему придти к сознанию своих прав. Вы окружили его иллюзиями, вы физически и морально связали его по рукам и ногам массой нелепых и варварских выдумок. Вместо того, чтобы дать ему возможность приобрести необходимые познания для отстаивания своих законных интересов в обществе, вы занимали его суевериями, мелочными обрядностями, смехотворными идеями, способными затемнить его разум. Вы выработали план воспитания, который всегда стремился к распространению нищеты и к обеспечению для вас возможности постоянно выжимать все соки из бедняков, и вы позаботились внушить им такие понятия, чтобы они и не думали роптать на ваше коварство и даже не воображали, что ваше поведение не имеет за собой никаких оснований. Одним словом, благодаря контрасту между воспитанием народа и вашим собственным, вам удалось привить народу чувства покорного смирения, а в самих себе выработать то же жестокосердие и безжалостность, которые позволяют вам хладнокровно взирать на умирающих с голоду ваших ближних, в то время как вы сами катаетесь как сыр в масле и утопаете в роскоши“.

(Cadastre perpetuell «Discours préliminaire», стр. XXIX — XXXVI).

3. Воспитание, его революционное значение.

„Можно считать твердо установленным, что в человеческом обществе необходимо что нибудь одно: или воспитания вовсе не должно быть, или же оно должно быть одинаковым для всех его членов. А до тех пор, пока этого не будет, более хитрые всегда будут обманывать менее хитрых; в этом отношении прошлое служит нам порукой для будущего. Если бы люди всегда получали одинаковое воспитание, если бы они не были рабами нелепых предрассудков, которые в течение столь продолжительного времени мешали им понять, что они такое и чего они стоят, никогда подавляющее большинство не дало бы, чтобы меньшинство посмело сковать его унизительными цепями, которые с течением времени несколько уменьшились в весе, но следы которых еще не совсем стерлись. Никогда так называемое Третье сословие не было бы обречено на вечные страдания в интересах тех, кто возвел себя в звание высших сословий; никогда даже не возникло бы Третьего сословия; никогда не было бы никаких сословий, кроме одного.

Все смертные равны; различие между ними устанавливается не рождением, а только добродетелью.

В заключение, в виду преобладающей роли воспитания в нашем веке, интересно остановиться на вопросе о воспитании народа, хотя бы для того, чтобы дать ему возможность отстаивать остаток своих прав от деспотических притязаний просвещенной элиты, которой предстояла бы весьма легкая задача, если бы ей приходилось бороться только с невежественной массой. Сельское хозяйство от этого отнюдь не пострадает. Римские консулы были, без всякого сомнения, людьми воспитанными, а между тем они в большинстве случаев были хорошими и прилежными земледельцами, отрывавшимися от плуга лишь для того, чтобы принять командование над армией.

При том, у нас воспитание приобрело характер какой то собственности, на которую вправе претендовать всякий член общества. Наши обычаи сделали его необходимым для развития наших нравов. Оно дает нам возможность познавать то, чего нельзя не знать. Оно руководит нами в жизни, приучая нас любить добродетель и стремиться к ней. Оно освобождает нас от умственной темноты и от массы опаснейших предрассудков. Оно показывает нам, в чем заключаются права человека. Оно помогает нам точнее познавать идеи справедливого и несправедливого. Оно подготавливает нас к занятию должностей без всякой посторонней помощи, должностей, которых без него мы тщетно добивались бы с помощью протекции.

Оно способно пробудить в нас патриотическое чувство, которое перед надвигающейся спасительной революцией, как известно, окончательно впало в немилость...

С устройством педагогического дела тесно связан вопрос о грядущей судьбе нации. Выдающиеся умы всегда прекрасно сознавали это основное правило политики. Подобно тому, как недостаток просвещения послужил удобной почвой для развития узурпаторских козней лицемерия, допустил возвышение феодальной гидры, создал вопреки природе „благородные“ земли и „благородных“ людей, сделал возможным появление детоубийственного закона старшинства, как нельзя более способствующего увековечению отрицательных сторон чрезмерного богатства, точно так же одно только просвещение народа способно поставить человека на должную высоту и положить конец всем бедствиям, вытекающим из распространения различных общественных язв, против которых мы возмущались.

И в настоящее время народ снова обнаружил бы плачевное незнание своих прав, если бы он теперь вздумал принять в виде филантропического подарка то, чего он вправе требовать в качестве незаконно отнятого у него имущества.

Среди существующих учреждений имеется множество таких, с какими просвещенный народ ни за что бы не примирился. И быть может, ослепительный свет знания поможет ему раз-

глядеть истины, имеющие весьма важное значение для ея, благоденствия. В особенности ему следовало бы развить в себе способность к самопознанию и к самоуважению. Он сумеет понять, что суетные отличия, которые в течение столь долгого времени ему импонировали, представляют пустые химеры, и что отличий заслуживает только человек, оказавший крупные услуги своим ближним.

Кто честно служит своему отечеству, тот не нуждается в предках“.

(Cadastre perpetuell. „Discours préliminaire“, стр. XLI — XLV).

4. Аграрный закон и политическая демократия.

(Письмо к аббату Купэ).

„Целью общежития является всеобщее благоденствие“.

„Целью Французской Революции также является всеобщее благоденствие“.

(Проект „Народного Трибуна“).

Ваше избрание, гражданин, составляет немаловажное явление с моей точки зрения. Я испытываю непреодолимую потребность собраться с мыслями, чтобы взвесить его последствия.

Я размышляю над тем, чего можно ждать от человека, сумевшего проповедывать глухим те памятные истины, которые имели, по крайней мере, следующий результат: они убедили меня, что он сам уже во всяком случае проникнут ими. Эти истины гласят: Необходимо проникнуться следующими великими принципами, на которых зиждется общество: первобытное равенство, общий интерес, общая воля, декретирующая законы и общая сила, образующая народный суверенитет.

Брат! Заповедь ветхого завета: Возлюби твоего ближнего как самого себя; возвышенное правило Христа: Делайте другим все то, что вы хотите, чтобы вам делали; конституция Ликурга, самые прекрасные учреждения Римской республики (я имею в виду аграрные законы); ваши принципы, которые я сейчас резюмировал; мои собственные, которые я изложил в моем последнем письме к вам, и которые сводятся к представлению всем людям, во-первых, обеспеченного существования, а во-вторых, одинакового воспитания, — все это имеет один общий исходный пункт и сходится в одном фокусе.

Этим фокусом является единственная цель, к которой стремятся все земные конституции, если только они развиваются в прогрессивном направлении. Вы можете, сколько угодно, ломать скипетры королей, основывать республики, постоянно произносить святое слово Равенство, и тем не менее вы всегда будете гнаться за призраками и ничего не добьетесь.

Вам, брат мой, я говорю это громко, а между тем не скоро еще я позволю себе говорить это другим, хотя бы и тихо:

аграрный закон, тот закон, которого страшатся и приближение которого живо чувствуют богачи, и о котором пока еще не помышляет громадное большинство бедняков, то есть не 49/50 человеческого рода, рискующие однако, в случае замедления этого закона, вымереть самое большее через два поколения (мы можем вместе математически проверить это ужасное пророчество в любой момент, когда вы пожелаете); закон, на который, как вы хорошо помните, в нашем присутствии горячо указывал Мабли; закон, который появляется на историческом горизонте только при обстоятельствах, напоминающих наше нынешнее положение, то есть, когда крайности безусловно сходятся, когда поземельная собственность, представляющая единственный вид действительного богатства, оказывается сосредоточенной в немногих руках, и когда подавляющее большинство населения, лишенное всяких средств к удовлетворению терзающего его голода, решается требовать права на участие в богатствах мира, в котором творец отвел каждому существу определенный удел, способный обеспечить его существование; этот закон, говорю я, представляет венец всех законов, под его сенью всегда приходит отдохнуть народ, когда ему удалось разумно устроить свою жизнь во всех других отношениях.... Тогда он поразительно упрощает это устройство. Обратите внимание, что с тех пор, как мы начали вырабатывать свою конституцию, мы издавали по сто законов в день, и, по мере их нагромождения, наш свод законов последовательно становился все более темным. И я предвижу, что, когда мы дойдем до аграрного закона, мы, по примеру спартанских законодателей, швырнем в огонь этот обемистый свод и станем довольствоваться одним законом, состоящим из 6—7 статей. Я обязуюсь перед вами дать строго логическое обоснование также и этой мысли.

Вы вместе со мною признаете, без сомнения, ту великую истину, что усовершенствование законодательства связано с восстановлением того первоначального равенства, которое вы так прекрасно воспевали в своих патриотических поэмах и, конечно, вы вместе со мной также сознаете, что мы быстрыми шагами приближаемся к этому поразительному перелому.

Вот почему на меня, сторонника этой системы, такое сильное впечатление производит занимающая меня мысль о том, что ваши принципы и ваша энергия делают вас, пожалуй, единственным человеком, способным подготовить это великое завоевание, и что нам в этом случае помогает само Провидение, толкнувшее вас на такое поприще, на котором можно бороться за торжество дела с наибольшими шансами на успех.

Да, пожалуй, именно вас, а быть может, и нас обоих судьба предназначила к тому, чтобы мы первые почувствовали и дали почувствовать другим великое таинство, самую (неразборчивое слово) тайну, которая должна разорвать сковывающие людей

цепи. Если это так, то я предсказываю вам в будущем великую роль среди законодателей.

Но как мне представляется ваша деятельность, сводящаяся к тому, чтобы со всей присущей вам энергией руководить первыми проявлениями движения и, таким образом, приблизить столь прекрасную победу? Значит ли это, что спаситель мира должен объявиться совершенно открыто и выступить с определенным манифестом? Конечно, нет: да, я думаю, что человека, который решился бы напрямик предложить нашему несчастному собранию такие соображения (?), ожидал бы неважный прием. Вот почему его добродетель для борьбы с испорченностью принуждена будет прибегнуть к тому оружию, которым обычно пользуется последняя; политике приходится противопоставить политику. Необходимо будет возможно тщательнее замаскировать первые мероприятия так, чтобы никто не мог заметить, к какой цели они стремятся.

Но я продолжаю обдумывать вопрос... Я говорю себе: Нет почти ни одного человека, который решительно не отвергал бы аграрный закон; в этом отношении власть предрассудков еще сильнее, чем в вопросе о монархии, и общество всегда награждало веревкой тех, кто смел открыть рот для такого предложения. Могу ли я быть уверенным, что сам Ж. М. Купе соглашается со мною по этому вопросу? Не станет ли он вместе со всеми возражать мне в том смысле, что осуществление подобной меры поведет к разложению общества; что было бы несправедливо отнимать собственность у тех, кто приобрел ее законным путем; что с введением аграрного закона люди перестанут оказывать друг другу взаимную помощь, и что, если даже допустить осуществимость этой реформы, дальнейшая мобилизация земли быстро приведет к восстановлению прежнего положения вещей? Захочет ли он удовлетвориться этим ответом: что земля должна быть объявлена неотчуждаемой; что каждый человек при рождении должен получить достаточный надел, подобно тому, как дело обстоит с воздухом и водой; что по его смерти наследует его участок не ближайшие родственники, а все общество; что как раз господствующая система отчуждения привела к сосредоточению всех богатств в руках одних и к полной экспроприации остальных... что в силу молчаливого соглашения плата за наиболее полезные функции была сведена до самого низкого уровня, в то время как вознаграждение за ненужные или даже вредные занятия было установлено в самом высоком размере; что, таким образом, бесполезный работник получил возможность экспроприировать полезного и наиболее трудолюбивого рабочего... что если бы существовала более равномерная оценка различных видов труда, если бы некоторым из них не была придана искусственно вздутая ценность, то все работники оказались бы приблизительно одинаково богатыми; что, таким образом, новый передел земель может только восстановить прежнее положение

вещей... что, если бы земля была объявлена неотчуждаемой (система, окончательно опровергающая то возражение, что после всеобщего передела дальнейшая мобилизация земли приведет к восстановлению неравенства), то каждому человеку всегда было бы обеспечено его владение, и нам не приходилось бы вечно терзаться опасениями за участь наших детей; эта реформа привела бы не к разложению общества, а водворила бы на земле золотой век и всеобщее благоденствие; она создаст спокойствие за будущее и прочное счастье, гарантированное от капризов случая, положение, которое должны были бы предпочесть даже величайшие счастливицы, если бы они могли здраво понимать свои истинные интересы... что, наконец, совершенно неверно, будто неизбежным последствием нового общественного устройства явится исчезновение искусств, так как, напротив, совершенно очевидно, что не все же население сможет заниматься земледелием; что каждый отдельный человек тогда, как и теперь, не будет в состоянии собственными силами производить все необходимые для него машины; что мы попрежнему не перестанем поддерживать между собою постоянный обмен услуг, и что за исключением того обстоятельства, что каждая личность будет владеть неотчуждаемым достоянием, которое во всякое время и при всех условиях доставит ей основной источник существования и решительно обеспечит ее от нужды, все остальные условия развития человеческой предприимчивости останутся таким же, как и в настоящее время?...

Я хочу доказать вам, мой дорогой брат, и вместе с тем самому себе, что вы отправляетесь в Законодательное Собрание с намерением превратить все эти принципы в статьи основных законов. В моем предыдущем письме я говорил вам, что мои пожелания сводятся к следующему:

1) Пусть законодатели всех сессий признают перед народом, что Учредительное Собрание—нелепость; что депутаты, уполномоченные народом, во всякое время обязаны делать все то, что они сочтут полезным для народного блага... Отсюда вытекает обязательность и необходимость доставить средства к существованию тому подавляющему большинству народа, которое при всем своем страстном желании работать их не находит. Аграрный закон—действительное Равенство.

2) Право вето, составляющее действительный атрибут верховной власти, должно принадлежать народу, а при таком условии оно станет осуществляться с явным успехом (ведь с тех пор появилось небольшое сочинение „О ратификации законов“, которое я вам послал и из которого вы могли убедиться, что предлагаемые мною средства сильно напоминают средства, рекомендуемые автором этой книги). Я доказал возможность осуществления этого требования и опроверг все аргументы, которые можно было бы выставить против него... Не

следует ли ожидать, что страдающая часть народа, до сих пор всегда испытывавшая ужасное чувство голода, постарается воспользоваться этим правом народного вето для того, чтобы добиться меры, обеспечивающей ее существование: Аграрного закона?

3) Я требую, чтобы отныне общество перестало делиться на различные классы; чтобы все граждане одинаково допускались к занятию должностей; чтобы все граждане имели право принимать участие в голосованиях и высказывать свои мнения во всех собраниях; чтобы собрание законодателей действовало под строгим контролем; чтобы гражданам предоставлена была полная свобода собраний в общественных местах; чтобы военные суды были отменены; чтобы вытравлен был корпоративный дух из национальной гвардии, а для этого необходимо открыть туда доступ всем гражданам без изъятия и не возлагать на нее никаких других задач, кроме борьбы с внешним неприятелем. Все это непременно приведет к общему оживлению, к развитию чувства свободы и равенства, к расцвету гражданской энергии, к сильнейшему облегчению всех проявлений общественного мнения, а значит, и выражения общей воли, которая в принципе является законом; к требованию основных прав человека, а следовательно, обеспечения всем гражданам куска честного хлеба: к Аграрному закону.

4) Все дела, имеющие общенациональный интерес, должны рассматриваться в пленарном заседании собрания, комитеты же должны быть распущены... Это положит конец индифферентизму, апатии и беззаботности, с которой депутаты во всем полагаются на мнимую мудрость кучки людей, ведущих за собой на буксире все собрания и легко могущих поддаться подкупу. Это нововведение заставит всех сенаторов серьезно знакомиться с поставленными на обсуждение вопросами и принимать решение с полным знанием дела; это придаст бодрости всем защитникам народа и побудит их отстаивать его драгоценнейшие права, а значит, и озаботиться обеспечением всем гражданам средств к существованию: то есть проведением Аграрного закона.

5) На обсуждение всех вопросов должно отводиться достаточное время... В результате на решение этих вопросов смогут оказывать влияние не только говоруны, вертопрахи, вечные болтуны, люди, готовые сыпать словами раньше, чем успели подумать, но и люди, любящие прежде серьезно обсудить план и только затем высказывать свое мнение. Таким образом, у фразера, заинтересованного в оспаривании всякой справедливой мысли, отнимается легкая возможность устранить хорошее предложение посредством ловкого приема, годного только на пускание пыли в глаза, и если речь пойдет о тех, чьи нужды требуют безотлагательного удовлетворения, честный человек всегда сумеет взвесить и поддержать предложение и добиться торжества милосердия. А это большой шаг вперед по направлению к Аграрному закону.

Итак, брат патриот, если вы всегда разделяли изложенные мною принципы, вы теперь должны их отвергнуть, если вы не хотите аграрного закона, так как или я жестоко заблуждаюсь, или же этот закон составляет логический вывод из указанных принципов. Вот почему вы будете энергично работать в его пользу, если только вы останетесь верны этим принципам. Никакие компромиссы здесь невозможны, и если в глубине души вы в своей законодательной деятельности намереваетесь ограничиться менее широкой программой, я снова вам повторяю—свобода, равенство, право человека останутся навсегда громкими словами, лишенными всякого содержания.

Спешу также повторить, что не следует с самого начала разоблачать своих истинных намерений; но преданный делу человек может сильно ускорить развязку, если он постарается провести через парламент все изложенные нами выше принципиальные положения относительно условий, лежащих в основе полной свободы, на которую человек имеет право; этот принцип можно всегда провозглашать и громко исповедывать, не подвергаясь никакому риску. Так называемые аристократы куда остроумнее нас; они совершенно ясно предвидят эту развязку. Упорное сопротивление, проявленное ими при отмене шампара,¹⁾ объясняется их опасением, что раз будет поднята кошунственная рука на то, что они называют священным правом собственности, то нарушение ее не будет уже иметь пределов. В общем они не скрывают своих опасений по поводу близкого осуществления реформы, на которую надеются защитники голодных, то есть, по поводу аграрного закона: это хороший признак, и мы так это и запишем.

Я охотно распространяюсь по поводу великого вопроса перед таким чутким человеком, каким я вас считаю. Ведь в сущности о бедняке до сих пор совсем не думали; а между тем при преобразовании законов какойнибудь страны именно о бедняке, главным образом, и должна идти речь, именно его и его интересы и важнее всего отстаивать. Какова цель общезжития? Разве она не заключается в том, чтобы обеспечить его членам максимум доступного счастья? И чего стоят все ваши законы, если они в конечном счете не приводят к избавлению от глубокой нищеты ту огромную массу нуждающихся, ту толпу, которая составляет подавляющее большинство общества? Какое значение может иметь какойнибудь комитет по призрению бедных, который только и делает, что унижает человеческое достоинство своими разглагольствованиями о ми-

¹⁾ Шампаром называлось право сенаторов на взимание известного количества снопов с урожая на полях, подлежащих уплате ценза (феодалный оброк). Отмена шампара и других феодальных повинностей вызвала в Пикардии ожесточенную борьбу. В этой борьбе принял участие и Бабеф.

лостыне и репрессивных законах, стремящихся принудить большую часть нуждающихся замуроваться в своих лачугах и погибать там от истощения, для того, чтобы грустное зрелище оскорбленной природы не вызывало протеста и требования основных человеческих прав; ведь природа сотворила людей для того, чтобы они могли существовать, а не для того, чтобы ничтожная кучка монополизировала предметы потребления, предназначенные для всех?

Неоднократно предлагалось наделять земельным участком из церковных имуществ всякого австрийского солдата или других слуг деспотизма, которые откажутся пролить свою кровь за тирана и перейдут в наш лагерь... Но каким образом авторы подобных предложений могли проявлять такую щедрость по отношению к людям, которых только материальные соображения способны были бы удержать от враждебных против нас действий, и забыть про огромную массу наших собственных сограждан, которые изнемогают и чахнут, лишенные всякой возможности поддерживать свое существование?

Вы, законодатель, вознесенный своей известной гуманностью на высоту, на которой я теперь вас вижу, согласитесь ли вы со мною, что конечной целью и венцом рационального законодательства является уравнивание землевладения, и что истинный защитник Народных Прав в глубине своей души должен всегда стремиться к этой цели? Перед какими людьми мы больше всего преклоняемся? Перед апостолами аграрных законов—Ликургом в Греции и Камиллом, Гракхами, Кассием, Брутом и пр. в Риме... Но в силу какого же рокового противоречия то, что вызывает в нас глубочайшее благоговение перед другими, должно по отношению к нам самим служить предметом порицания? Да, я уже не раз говорил и снова повторяю,—всякий, кто не признает конечной целью своих стремлений выставленных мною требований, должен отказаться от искреннего произнесения священных слов *цивизм* (гражданская добродетель), *свобода*, *равенство*; чтобы парализовать действие этих слов, к которому может привести открытая и безупречная деятельность людей, искренне провозглашающих эти принципы, он, произнося их, должен в то же время строить свои планы по образу таких господ, как Бернав, Турэ и подобные им предатели, заслуживающие того, чтобы рано или поздно над ними разразилась гроза народного правосудия.

Вы, честный гражданин, взяв на себя обязательство следовать другим образцам. Петион в проекте декларации Прав человека в 1789 году посвятил особый параграф важнейшему из этих прав, о котором в опубликованной декларации преднамеренно позабыли,—я имею в виду тот пункт, который говорил об обязанности общества гарантировать всем своим членам возможность достойного существования. Присмотритесь внимательно к Робеспьеру, и вы убедитесь, что и он в конечном счете является аграрианцем. Но эти знаменитости при-

нуждены пока лавировать, так как они сознают, что удобное для них время еще не наступило. Постарайтесь же стать на высоту этих заслуживающих уважения народолюбцев; наши принципы, выраженные в виде проекта, по существу совпадают с их принципами...

(Письмо к Кунэ из Узского департамента)

Бове, 10 сентября 1791 года.

III. НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ЯКОБИНЦЕВ.

1. Против системы „обезлюдения“.

(Из памфлета против Карье).

„Мне очень хотелось бы, чтобы мое учение не вызывало никаких кривотолков. Я не делаю из него никакой тайны. Я не принаравливаю своих убеждений к перемене обстоятельств и меня очень мало трогает то обстоятельство, что публика может признать излагаемое здесь мнение потерявшим злободневный характер, скороспелым или устаревшим. Идеи, раз созревшие в моем мозгу, укрепляются там на веки вечные, и все гильотины, вместе взятые, не заставят меня отказаться от того параграфа Прав человека, который разрешает мне свободное проявление моих убеждений,

Покончив с этим объяснением, я спешу заявить, что здесь я выступаю просто в роли независимого и вполне свободного историка; я рассказываю все то, что считаю истиной. Я заявляю, что не намерен осуждать ту часть политического плана Робеспьера, которая относится к взиманию пособий с богатых в пользу детей и родственников защитников отечества. Я не осуждаю даже тех мер, которые имеют целью выжать побольше денег из баловней счастья, для того, чтобы вознаградить лично этих защитников по возвращении их с поля битвы. То, что я намерен сказать, не раз уже обсуждалось и высказывалось, но эти мысли не мешают почаще повторять.

Было бы крайне несправедливо, чтобы неимущий подвергался опасностям и рисковал своею жизнью для защиты собственности других людей, в то время, как эти последние оставали без всякой помощи его семью и оставят его самого, если только ему суждено будет пережить все связанные с войной опасности и труды и вернуться домой. Я иду дальше. Я говорю (хотя бы это мнение показалось похожим на систему Робеспьера), что земля должна обеспечивать существование всех членов государства, все равно, сражаются ли они или нет; я говорю, что когда в государстве меньшинству удалось захватить в свои руки поземельную и промышленную собственность, когда оно держит во власти большинство населения

и пользуется своей силой для того, чтобы ввергать его в состояние нужды, мы должны признать, что такой монопольный захват мог создаться только благодаря дурным государственным учреждениям; а в таком случае современная власть для восстановления равновесия, которое никогда не должно было бы нарушаться, обязана сделать то, чего прежняя администрация не сделала во-время для предупреждения злоупотреблений или для подавления их в зародыше; авторитет законов должен осуществить переворот, направленный к конечной цели рационального государства, созданного общественным договором: все должны иметь достаточно, и никто не должен иметь слишком много. Если таковы были намерения Робеспьера, то он в этом отношении выказал себя настоящим законодателем.

Этого эпитета нельзя применить ко всем тем, кто не станет руководиться этими неопровержимыми соображениями и стремиться к обузданию алчности и тщеславия, к использованию всех рабочих сил, но при условии обеспечения всем трудящимся необходимых предметов потребления, одинакового воспитания и полной независимости каждого гражданина, а также к снабжению всем необходимым неспособных к труду детей, слабосильных, немощных и старцев. Без этой обеспеченности существования, без такого воспитания, без этой взаимной независимости вам никогда не удастся внушить людям любовь к свободе, вам никогда не удастся создать истинных республиканцев. И никогда вы не добьетесь внутреннего спокойствия, никогда вы не будете мирно править государством, никогда кучка богачей уверенно не сможет пользоваться скандальной роскошью, если тут же рядом будет существовать голодающая масса.

Пусть первые будут справедливы, пусть они откроют глаза на истину и на свои собственные интересы: тогда они пойдут на добровольные уступки; в противном случае, когда чаша переполнена, когда народная масса, лишенная продовольствия, изголодалась, природа (а она всегда была справедлива) прорывает все плотины; тогда та скрытая вражда, которая всегда существует между эксплуататорами и угнетенными, вспыхивает с внезапной силой и опрокидывает все препятствия; тогда никакое правительство не в силах остановить бушующий поток; тогда осуществляется то, о чем говорил Бертран Барер в известном докладе: Несчастные составляют главную силу на земле, они имеют право повелевать правительствам, которые игнорируют их интересы. Только уменьшение населения может ослабить этот буйный порыв, но простая попытка прибегнуть к этому средству сопряжена с большим риском. Бертран Барер, Максимилиан Робеспьер и компания испытали это на собственной шкуре.

Я безусловно отвергаю (и в этом отношении я схожусь с очень многими людьми), я отвергаю этот специальный пункт

их системы. Помимо того, что я не разделяю их предположения, будто производительность французской почвы когда-либо не соответствовала потребностям всех ее обитателей, я в вопросе об истреблении вообще не свободен от некоторых предрассудков. Я полагаю, что даже в том случае, если средства существования, коими располагает какая-нибудь нация, не достаточны для удовлетворения потребностей всех ее членов, то законы природы повелевают прибегнуть не к истреблению населения, а к частичному воздержанию каждого из ее членов, так, чтобы потребности всех равномерно удовлетворялись в обычной пропорции.

Я хорошо знаю, что Платон, Мабли, Монтескье и другие допускали возможность размножения населения за пределы, превышающие размеры национального производства. Но ни один из них не имел смелости утверждать, что излишняя часть населения, лежащая тяжелым бременем на государство, подлежит хладнокровному истреблению. Они не скрывают, что такое положение дел может вредно отозваться на общественном благосостоянии. Но для борьбы с этим бедствием они рекомендуют только основание колоний и другие аналогичные средства, а для предупреждения подобных опасностей в будущем они предлагали целый ряд политических мероприятий, ни в чем не противоречащих законам природы; этот предмет, который сильно занимал Робеспьера, но к сожалению был им плохо разрешен, заслуживает, однако, величайшего внимания членов Сената, и тот кто им не интересуется, недостоем звания законодателя“.

(„Le système de la Dépopulation ou La vie et le crime du Carrier“, примечание стр. 31).

2. Две Республики, буржуазная и демократическая.

„Я различаю две партии, разделяющие диаметрально противоположные взгляды на систему и план государственного управления. Сила той и другой партии изменяется в зависимости от обстоятельств; и только этим колебанием объясняется чередование побед, одерживаемых каждой из них.

Я охотно допускаю, что обе они хотят республики, но каждая хочет ее по своему. Одна партия хочет республики буржуазной и аристократической; другая полагает, что именно она добилась ее установления и требует, чтобы она сохранила чисто народный и демократический характер. Одна хочет республики одного миллиона, который всегда играл роль врага, владыки, грабителя, угнетателя и кровопийцы для остальных двадцати четырех миллионов, того миллиона, который испокон веков наслаждается праздностью на счет нашего пота и труда; другая партия хочет республики в интересах последних двадцати четырех миллионов, которые положили ей начало, скре-

пили камни республиканского здания своею кровью, кормят, поддерживают и удовлетворяют все нужды отечества, защищают его и умирают за его безопасность и славу. Первая партия хочет, чтобы в республике существовали знать и проstonародье; она хочет, чтобы ничтожная кучка привилегированных и господ утопала в роскоши и в наслаждениях, а подавляющее большинство было поставлено в положение илотов и рабов; вторая партия требует для всех не только юридического, бумажного равенства, но и умеренного довольства, обеспеченного законом удовлетворения всех физических потребностей и пользования всеми преимуществами общежития — в виде справедливого и неотъемлемого вознаграждения за труд, затрачиваемый каждым человеком на общую пользу“.

(„Tribun du Peuple“, № 29 от 1—19 Нивоза III года).

IV. БАБУВИЗМ.

1. Французская революция — последний этап к коммунистической революции.

„Не будем закрывать глаза на бесспорную истину. Что представляет собою политическая революция вообще? И что представляет собою французская революция в частности?“

Это открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными.

Такова постановка вопроса в общей форме. Рассмотрим теперь некоторые его детали.

Когда несовершенные и нерациональные учреждения какой-нибудь нации привели к тому, что народная масса разорена, унижена и скована невыносимыми цепями; когда большинство доведено до нестерпимого положения, тогда обыкновенно вспыхивает восстание угнетенных против угнетателей. Чувство стеснения, испытываемое в таком положении, становится той причиной, которая вызывает движение, волнение и попытки выйти из неловкого положения. Масса естественно начинает задумываться над вопросом об естественных правах человека. Их обсуждают, ставят вопрос о том, какой характер эти права имели в естественном состоянии и какой они должны получить при переходе к социальному строю. Люди скоро приходят к тому убеждению, что природа создала каждого человека равным в правах и потребностях со всеми его братьями; что это равенство должно быть непреложным и бесспорным; что интересы отдельной личности при вступлении ее в общежитие не должны испытывать никакого ущерба; что гражданские учреждения не только не должны посягать на всеобщее благо-

состояние, требующее безусловного сохранения этого равенства, но и гарантировать его ненарушимость.

По рассмотрении вопроса о том, что должно быть, люди приступают к рассмотрению того, что есть.

И тогда обнаруживается, что подавляющее большинство членов общества лишено своих прав и испытывает недостаток в предметах первой необходимости. Не приходится долго ломать себе голову для того, чтобы заметить, что недостаток в необходимом, на который обречена самая здоровая, самая трудолюбивая и самая многочисленная часть народа, обусловлена отнюдь не природой. Последняя никогда не высказывает неблагодарности, она никогда не отказывается обильно снабжать всех своих детей продуктами, необходимыми для существования. Не ее вина, если они не умеют, как следует, распределять между собою ее дары; не ее вина, если одни из них оказываются настолько преступными и наглыми, чтобы грабить, а другие настолько слабохарактерными и простоватыми, чтобы давать себя стричь. Таким образом, ясно обнаруживается, что лишения подавляющего большинства объясняются изобилием и крайним богатством незначительного меньшинства. Итак, ничтожное меньшинство образует в государстве касту монополистов и узурпаторов. Члены этой касты утверждают, что они достигли ограбления своих братьев на законном основании. Но народ скоро убедился, что это произошло благодаря отвратительным учреждениям, освященным правительствами, тогда начинается критика правительства. Народ убеждается, что правительства и именитые монополисты связаны тесной солидарностью. Вскоре, конечно, выясняется, что ограбление массы явилось сложным результатом положенных в основу общества законов; именно они дали ничтожной кучке людей возможность наложить свою руку на все; но в таком случае эти законы составляют просто ужасающий кодекс грабительства; они ничуть не оправдывают сосредоточения коллективного богатства в руках жадных компаний, присвоивших их себе в исключительное пользование.

Не восходя к причинам, достаточно присмотреться к результатам. Не подлежит никакому сомнению, что, если самая полезная часть нации оказывается экспроприированной, то такое положение вещей могло создаться только в результате известного расчета, практическое осуществление которого становится возможным, благодаря наличности законов, благоприятствующих алчности и властолюбию. Но действие этих законов убийственно для человечества; они разрушают первоначальный общественный договор, который не мог не гарантировать во веки неизменного удовлетворения потребности всех членов общества вместе и каждого из них в отдельности. Итак, необходимо требовать осуществления этой гарантии, данной общественным договором. Существуют две вещи, против которых следует протестовать: против законов, освятивших нарушение

основного общественного договора, и против результатов этого нарушения. Необходимо восстановить священные учреждения, на веки вечные обеспечивающие каждому члену великой семьи полноту его прав и удовлетворение его потребностей.

Таково, по нашему глубокому убеждению, точное содержание военного манифеста, опубликованного во Франции в 1789 году. Вот торжественное заявление плебеев патрициям и серьезный пролог к восстанию и революции.

Эта война между плебеями и патрициями или между бедными и богатыми начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена. Она идет вечно; она начинается вместе с появлением институтов, стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других; и пока не опубликован манифест о войне, до тех пор патрициат, повидимому, не помышляет о принятии предохранительных мер против плебейского восстания. Богатые полагают, что, разыгрывая роль людей, находящихся в полной безопасности, и стараясь убедить бедных в естественной неотвратимости их положения, они таким образом воздвигают самый прочный барьер против замыслов этих последних. Но когда провозглашается открытое восстание и начинается решительная борьба, каждая из двух партий пускает в ход все доступные ей средства для торжества своего дела.

Плебс апеллирует ко всем добродетелям: справедливости, человеколюбию, бескорыстию.

Патрициат призывает на помощь все преступления: коварство, лицемерие, предательство, алчность, спесь и тщеславие.

У великого народа великую тяжбу между угнетателями и угнетенными могут вести только адвокаты. Так как борющиеся стороны прекрасно понимают, что от морального облика этих представителей может зависеть победа той или другой партии, то каждая из них во время выборов напрягает все усилия, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число защитников, способных привести к благополучному концу ее дело.

И действительно, если в общем итоге представители добродетели перевешивают представителей разврата, то должна восторжествовать справедливость. Дело обстоит наоборот, если сила преступления одерживает верх над силой правды.

Применяя эти соображения к Французской Революции, я нахожу здесь полную историческую аналогию. Все Декларации Прав, кроме декларации 1795 года, начинаются санкционированием первого и важнейшего принципа вечной справедливости: целью общежития является всеобщее счастье. Засим тысячу раз в качестве логического вывода провозглашалась следующая вторая аксиома: целью Революции, которая должна была осуществить первоначальную задачу общества, от которой человечество уклонилось, также является всеобщее счастье. До известного времени

Франция широкими и быстрыми шагами приближалась к этой цели; с этого же момента началось попятное движение, направленное против цели общежития, против цели революции, ко всеобщему несчастью и к благу ничтожного меньшинства. Укажем же определенно на этот поворотный момент. Будем иметь мужество заявить, что революция, несмотря на все препятствия и противодействия, шла вперед вплоть до 9 термидора, а с этого момента она пошла назад“.

(„Tribun du peuple“ № 34 от 15 Брюмера IV г.).

2. Коммунизм — цель революции.

„Вспомним, что мы решились прибегнуть к революционным средствам лишь для того, чтобы положить конец угнетающим мир бедствиям; чтобы доставить каждому человеку подобающее ему положение; чтобы прекратить смуту и всеобщую нужду, порожденные отвратительными учреждениями; чтобы покончить с ужасающими лишениями народных масс и обуздать чрезмерную роскошь ничтожной кучки; чтобы осуществить цель общежития, то есть всеобщее благосостояние. Да, целью этой революции является зажиточность для всех, образование для всех, равенство, свобода, счастье для всех. Такова наша цель. Вот чего мы уже почти достигли; вот чего мы снова должны добиться, борясь за свободу. Данные вам торжественные обещания не должны остаться пустым звуком; мы не позволим отнять у нас эту награду, купленную ценой такого мужества и такой массы драгоценнейшей крови. Дети, жены, старцы, немощные, нуждающиеся, вы также получите то вспомоществование, которое вам тоже было гарантировано и которое в сущности составляет не более, как справедливую награду для одних и национальную ссуду для других. Здоровые мужчины с сильными и работающими руками, вы также будете избавлены от ужасной перспективы, которая грозит вам в настоящее время, когда вы в виде вознаграждения за ваши труды, наиболее полезные для общества, не получаете даже стоимости вашего повседневного пропитания“.

(„Tribun du peuple“ № 34, от 15 Брюмера IV года).

3. Демократия есть всеобщее благосостояние.

„Вы отнюдь еще не утратили возможности пустить в ход наилучшие средства, а для спасения отечества, пожалуй, и единственно действительные.

Их следовало бы употребить с первой же стычки; в то время они не были применены; ими следует воспользоваться гегерь. Эти средства весьма просты. Они заключаются в признании и распространении великой истины, которой необходимо глубоко проникнуться раз навсегда; эта истина гласит, что

все люди имеют право на счастье; что целью их сплочения в общество является прочное обеспечение каждому из них достаточных средств к существованию, что очень легко ввести учреждения, способные установить этот чудесный порядок вещей; и что достигнуть этой цели можно только при республиканской форме правления. Мы беремся это доказать, и мы укажем верный способ ускорить достижение этой цели, наивысшей степени общего счастья. Деспотические правители апеллировали к личным интересам, чтобы путем распространения ложных воззрений дискредитировать демократические стремления. Мы также обратимся к мотивам личного интереса для того, чтобы возбудить любовь к демократии. Но мы будем пользоваться этим приемом в форме более прямой, менее несправедливой и менее ужасной, чем эти отвратительные реформаторы, эти законники-человекоубийцы.

Мы докажем всем нашим согражданам, что свобода — это действительно свобода, что республика может и не быть соединением всех видов тирании, всех омерзительных общественных язв; что народоправство должно и может иметь своим результатом благосостояние и счастье всех людей, ненарушимое благоденствие всех членов общества“.

(«Tribun du Peuple», № 341).

4. Манифест плебеев.

„Время не терпит. Настала пора для растоптанного и истребляемого народа громко, торжественно и более внушительно, чем когда бы то ни было, объявить свою волю, дабы не только внешние признаки и спутники нищеты, но и действительная нищета была уничтожена раз навсегда. Пусть народ опубликует свой манифест. Пусть он даст нам такое определение демократии, к осуществлению которой он стремится, и скажет, какой она должна быть на основании неискаженных принципов. Пусть он нам докажет, что демократия — это обязанность пополнить за счет многочисленных недохватку малоимущих; что бедность последних объясняется тем, что другие их обокрали. Обокрали, если угодно, на законном основании, то-есть с помощью грабительских законов, которые санкционировали всякие мошенничества как в новейшие, так и в древнейшие времена, с помощью таких же законов, как и те, которые существуют в настоящее время, с помощью законов, в силу которых мне для поддержания своего существования приходится ежедневно разорять мое хозяйство и относить в заклад к вора, которым покровительствуют эти законы, последнее рубище, покрывающее мое тело. Пусть народ заявит, что он намерен восстановить все права, нарушенные этими хищениями и позорными конфискациями, которым бедняки подвергаются со

стороны богачей. Этот акт будет, без сомнения, столь же законен, как и конфискация имущества эмигрантов. Мы хотим, чтобы, благодаря восстановлению демократии, мы, во-первых, получили обратно наши рублища и нашу старую мебель, и чтобы люди, отнявшие их у нас, были лишены возможности впредь повторять свои посягательства. Во-вторых, мы хотим, чтобы демократия осуществила требования тех людей, которые, как мы это показали, имели о ней мало-мальски верное представление.

Требуется ли для восстановления прав человеческого рода и для прекращения всех наших страданий какое нибудь удаление на Священную гору или какая нибудь Плебейская Вандея? Пусть все сторонники Равенства приготовятся и считают себя уже предупрежденными. Пусть все проникнутся несравненным величием этого предприятия. Освободить евреев из египетского рабства, повести их на завоевание Ханаанской земли, — существовала ли когда либо экспедиция, более способная возбудить великий энтузиазм? Будем же верить, что бог свободы охранит Моисеев, которые пожелают взять на себя руководство ими. Он обещал нам это без посредства Аарона, в котором мы не нуждаемся, равно как и в его коллеге по наместничеству. Он обещал нам это без чудесного появления в неопалимой купине. Оставим в стороне все эти чудеса, все эти нелепости. Откровения республиканских божеств совершаются просто посредством предназначений природы (Верховного Существа), которая глаголет устами республиканцев. И вот таким путем нам открыто, что в то время, как новые Иисусы Навины начнут в один прекрасный день сражение, не нуждаясь в том, чтобы останавливать солнце, другие, подобно еврейскому законодателю, взойдут на настоящую Плебейскую Гору. Здесь, под диктовку вечной справедливости, они начертуют десять заповедей священной человечности, санкюлотизма и нерушимой правды. Под прикрытием наших 100.000 пик и наших пушек мы провозгласим истинный основной закон природы, который никогда не должен был бы нарушаться.

Мы ясно объясним, что значит всеобщее счастье, как цель обожения.

Мы докажем, что участь каждого человека не должна была худшиться при переходе от естественного состояния к социализму.

Мы дадим определение собственности.

Мы докажем, что земля принадлежит не отдельным лицам, а всему обществу.

Мы докажем, что всякое присвоение земли отдельной личностью в размерах, превышающих площадь, необходимую для ее пропитания, составляет социальную кражу.

Мы докажем, что мнимое право отчуждаемости представляет гнусное посягательство на жизнь народа.

Мы докажем, что наследование в силу родственных связей составляет не менее вопиющее безобразие; что оно изолирует друг от друга всех членов общества и превращает каждую семью в маленькую самодовлеющую республику, которая не может не конспирировать против государства и освящать неравенство.

Мы докажем, что всякое неполное удовлетворение различных потребностей какого-нибудь члена социального организма (явление, происходящее ежедневно) составляет результат экспроприации его естественной личной собственности, экспроприации, совершаемой кулаками, захватывающими общее имущество.

Что по тем же самым причинам всякое чрезмерное удовлетворение различных потребностей какого-нибудь члена социального организма (явление, также происходящее ежедневно) составляет результат ограбления других сообщественников, которое необходимо приводит к отнятию у более или менее значительной части населения принадлежащей ей доли общего имущества.

Что никакие умствования и разглагольствования не в состоянии опровергнуть этих неоспоримых истин.

Что миф о превосходстве талантов и предприимчивости представляет чистую химеру и благовидную приманку, которая всегда способствовала незаконным козням заговорщиков против равенства.

Что различие в ценности и почетности отдельных видов человеческого труда основывается только на субъективной оценке, которую придавал им часть людей, сумевшая доставить господство своим личным взглядам.

Что эта субъективная оценка, по нашему мнению, напрасно и придавала рабочему дню часовщика ценность в двадцать раз большую, чем рабочему дню пахаря.

Что тем не менее, благодаря такой ложной оценке, заработок часовщика дал ему возможность приобрести достояние двадцати земледельческих рабочих, которых он таким образом экспроприировал.

Что все пролетарии очутились в таком положении, только благодаря аналогичным расчетам в области остальных взаимоотношений между людьми, причем в основе всех этих расчетов лежит неодинаковая оценка различных вещей, устанавливаемая исключительно силой общественного мнения.

Что абсурдна и несправедлива претензия на высшее вознаграждение со стороны человека, работа которого требует большого интеллектуального развития, прилежания и умственного напряжения; что все это отнюдь не увеличивает объема его желудка.

Что никакими соображениями нельзя оправдать притязаний на вознаграждение, превышающее сумму, необходимую для удовлетворения личных потребностей.

Что высшая оценка умственной работы также является результатом субъективного воззрения, и что можно, пожалуй, поставить еще вопрос, не следует ли чисто природную, физическую силу признать равноценною с первой.

Что интеллигенция сама так высоко оценила работу своего мозга, и что если бы в установлении этих расценок принимали также участие представители физической силы, то они, без сомнения, решили бы, что работа рук имеет такую же ценность, как и работа головы, и что утомление всего организма может быть поставлено на одну доску с усталостью одной мышлящей его части.

Что без такого уравниения наиболее интеллигентным и предприимчивым людям выдается патент на монополию, свидетельство на безнаказанное ограбление тех, кто не одарен этими талантами в равной степени.

Что именно благодаря этому обстоятельству в социальном организме было разрушено и ниспровергнуто экономическое равновесие, так как нет ничего более прочно установленного, чем наше основное правило, гласящее: отдельные личности могут добиться излишка лишь постольку, поскольку они лишают других возможности пользоваться умеренным достатком.

Что все наши гражданские учреждения, все наши взаимоотношения представляют акты постоянного грабежа, разрешаемого нелепыми и варварскими законами, под сенью которых мы только то и делаем, что сдираем друг с друга шкуру.

Что наше общество плутов, в силу положенных в его основу жестоких начал, порождает все виды пороков, преступлений и несчастий, для борьбы с которыми напрасно объединяются немногие честные люди; но они не могут добиться победы, так как нападают на зло не в его корне и пытаются применять только паллиативные средства, заимствованные из арсенала ложных воззрений на наше органическое расстройство.

Что из всего вышесказанного с очевидностью вытекает, что богатство отдельных людей, превышающее нормальные размеры той средней доли, которая приходится на каждого человека из общего имущества, является грабежом и узурпацией.

Что в виду этого справедливо отнять у них этот излишек.

Что, если бы даже нашелся человек, могущий доказать, что с помощью одной своей природной силы он способен произвести в четыре раза больше, чем взятые в отдельности другие члены общества, и если бы он на этом основании потребовал четверного вознаграждения, он тем не менее оказался бы врагом общества, так как этим самым он нарушил бы социальное равновесие и умножил бы неравенство.

Что благоразумие властно требует от всех членов общества устранения такого человека, преследования его в качестве общественной язвы и, по крайней мере, лишения его возмож-

ности выполнять работу больше, чем одного человека, дабы он не мог требовать себе высшего вознаграждения.

Что один только человеческий род установил безумный и убийственный обычай различной оценки услуг и работ, и что поэтому только ему одному знакомы страдания и лишения.

Что не должно существовать такого положения, при котором люди испытывают нужду в предметах, доставляемых и производимых природой для всех, за исключением лишений, вызываемых неизбежными стихийными бедствиями, а в таких случаях эти лишения должны одинаково ложиться на всех.

Что создания предприимчивости и гения также становятся общей собственностью, коллективным достоянием всего общества с того момента, как они произведены изобретателями и работниками, ибо они представляют компенсацию прежних изобретений гения и предприимчивости, которыми новые изобретатели и работники пользовались в обществе, и которые помогли им сделать их собственные изобретения.

Что так как приобретенные знания составляют общее достояние, то они также подлежат равномерному распределению между всеми.

Что недобросовестность, предрассудок и неразумие неудачно пытаются оспаривать ту истину, что это равномерное распределение знаний между всеми членами общества дает всем людям почти одинаковые способности и даже таланты.

Что воспитание есть нечто чудовищное, если оно не одинаково, если оно составляет исключительный удел одной только части общества, так как в этом случае оно становится в руках этой части военным арсеналом, складом всевозможного оружия, с помощью которого эта часть общества сражается с другой безоружной частью, благодаря чему ей легко удается ее задавить, обмануть, ограбить и обратить ее в самое позорное рабство.

Что не существует более важной истины, чем та, которую мы уже приводили и которую один философ формулировал в следующих выражениях: Вы можете сколько угодно рассуждать о наилучшей форме государственного устройства, вы ничего не добьетесь до тех пор, пока вы не разрушите источников алчности и честолюбия.

Что в виду этого необходимо изменить социальные учреждения в таком смысле, чтобы отнять у всякого отдельного лица надежду сделаться когда либо более богатым, могущественным и образованным, чем какой нибудь из его равных.

Что (скажем яснее) необходимо подчинить себе судьбу, сделать участь каждого отдельного члена общества независимой от стечения благоприятных или неблагоприятных шансов и обстоятельств, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы оно многочисленно ни было, достаток, но не более, чем достаток, и закрыть всем

людям всякие пути к получению личной доли, превышающей среднюю долю естественных произведений и продуктов труда, приходящихся на одного человека.

Что единственным средством к достижению этой цели является установление общей администрации: необходимо отменить частную собственность; прочно привязать каждого человека к занятию, к которому он способен, к ремеслу, которое он знает; заставить сдавать свой продукт в натуре в общественные магазины и установить чисто распределительные административные органы, продовольственную администрацию, которая будет вести точную запись всех людей и всех предметов и распределять последние на началах тщательной равномерности, доставляя их каждому гражданину на дом.

Что это управление, практичность которого доказана опытом, так как именно эта система применяется к 1.200.000 человек, входящих в состав наших двенадцати армий (а возможное в малых размерах возможно и в крупных), что это управление является единственным, способным обеспечить всеобщее благосостояние, без помех и искажений,—всеобщее счастье, то есть цель общежития.

Что это государственное устройство поведет к исчезновению межевых столбов, изгородей, стен, дверных запоров, споров, тяжб, краж, убийств и вообще всех преступлений, судов, тюрем, виселиц, наказаний и всего отчаяния, причиняемого этими бедственными учреждениями, зависти, соперничества, ненасытной жадности, чванства, плутовства, лицемерия, одним словом, всех пороков; кроме того (и это, конечно, главное)—грызущего червя общего, частного и вечного беспокойства каждого из нас относительно того, что ждет нас завтра, через месяц, через год, в дни старости, относительно участи наших детей и внуков.

Вот точное содержание того ужасного манифеста, который мы предложим угнетенной массе французского народа и первый набросок которого мы ей представляем для того, чтобы она могла заранее проникнуться его значением“.

(„Tribun du peuple“, № 35, 9 Фримера IV года).

5. Пагубное для трудящихся последствие капитализма.

„Я вижу без рубах, без сапог, без платья почти всех тех, кто растит лен и пеньку, почти всех тех, кто фабрикует эти материи, шерсть или шелк, почти всех тех, кто ткет, кто изготовляет полотно и ткани, выделяет кожу и шьет обувь. Я вижу также, что рабочие, занятые в производстве мебели, ремесленных инструментов или домашней утвари и на постройках, нуждаются почти во всем.

Присматриваясь затем к ничтожному меньшинству, не нуждающемуся ни в чем, я замечаю, что, за исключением земле-

владельцев, оно состоит из всех тех, кто не работает, из всех тех, кто довольствуется вычислениями, комбинациями, выворачиванием наизнанку, разогреванием и подкрашиванием—каждый раз все в новой форме—старого престарого заговора части против целого; с помощью этого заговора становится возможным привести в движение массу рабочих рук так, чтобы сами работники не воспользовались созданным ими продуктом; он прежде всего дает возможность сгруппировать под рукой в огромном числе преступных спекулянтов, которые, стакнувшись в целях непрерывного понижения заработной платы, сговариваются или между собою, или с посредниками, распределяющими сосредоточенные запасы, т. е. с купцами, их соучастниками в воровстве, установить определенные цены на все товары так, чтобы эти цены были доступны только богатым членам их круга, то есть тем, кто в состоянии всякими правдами и неправдами накапливать деньги и захватывать в свои руки все богатства.

С этого момента эти бесчисленные рабочие руки, создавшие все продукты, не могут ничего добиться и ни к чему прикоснуться, и настоящие производители обречены на лишения; по крайней мере, можно сказать, что ничтожная доля, которую им предоставляют, это просто какие то об'едки или жалкие крохи со стола природы.

(Письмо Бабефа к Жермену, 10 Термидора III года Адвилье I, стр. 145—146).

6. Демократическая Конституция—надстройка над плебейскими учреждениями.

„Ошибаются те, кто полагают, будто я хлопочу только о том, чтобы заменить одну конституцию другой. Мы гораздо больше нуждаемся в учреждениях, чем в конституциях. Конституция 1793 года только потому и заслужила благожелательный прием всех благонамеренных людей, что она расчищала дорогу для этих учреждений. Если бы с ее помощью нельзя было достигнуть этой цели, я перестал бы перед ней преклоняться. Всякая конституция, которая оставит нетронутыми старые человекоубийственные и преступные учреждения, перестанет возбуждать мой энтузиазм; всякий человек, призванный к делу возрождения своих ближних, который не сумеет освободиться от старой рутины прежнего законодательства и от освященного законами деления на счастливых и несчастных, на мой взгляд, не заслуживает звания законодателя: такой человек не внушит мне чувства уважения.

Постараемся же прежде всего установить хорошие плебейские учреждения, и тогда мы всегда будем твердо уверены, что вслед за тем появится и хорошая конституция.

Плебейские учреждения должны обеспечить всеобщее счастье, одинаковое благосостояние всех членов общества“.

(„Tribun du peuple“ № 35, от 9 Фримера IV года).

7. Революция и контр-революция.

„Только для народа говорилось, что революция будет совершена; сам народ поклялся, что он доведет ее до конца или погибнет. Она не доведена до конца, так как не сделано ничего для обеспечения народного счастья, и, наоборот, сделано все для того, чтобы измучить этот народ, чтобы заставить его вечно проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды ничтожной кучкой ненавистных богачей. Следовательно, ее необходимо продолжать, эту революцию, до тех пор, пока она не сделается народной революцией. Поэтому те, кто станет жаловаться на людей, которые постоянно мечтают о революциях, должны быть по всей справедливости признаны просто врагами народа.

Сильные мира сего оригинально понимают слово революция, когда утверждают, что революция у нас уже произошла. Лучше бы они сказали—контр-революция. Еще раз: революция это всеобщее счастье; но этого то у нас и нет: следовательно, революция не совершена. Контр-революция—это несчастье подавляющего большинства; это у нас есть: следовательно, у нас имела место контр-революция.

А между тем, потому, что мы хотим действительно переделать (революцию), они называют нас анархистами, бунтовщиками, дезорганизаторами. Но здесь мы имеем дело с одним из тех же самых противоречий, как и в том случае, когда они называют революцией контр-революцию.

Эти господа под дезорганизацией понимают организацию. Я опять-таки называю дезорганизацией такой порядок, при котором незначительная часть общества утопает в роскоши, в то время, как подавляющее большинство влачит жалкое существование и гибнет; и я называю дезорганизаторами всех тех, кто содействовал установлению и содействует сохранению такого порядка... Под организацией же я понимаю совершенно противоположный порядок, обеспечивающий благосостояние массы; и я называю организаторами тех, кто стремится к установлению и упрочению таких начал, при которых могут быть достигнуты такие счастливые результаты.

Но таков уж язык дворца, замков и хором, что одни и те же выражения получают здесь смысл совершенно противоположный тому, который они имеют в хижинах“.

(„Tribun du Peuple“ № 35, от 9 Фримера IV г.).

8. Частная собственность есть категория историческая, а не вечная.

„Я отвергаю мнение, что нам выгоднее было бы не так поздно явиться в мир для осуществления своей миссии, заключающейся в том, чтобы рассеять заблуждения людей относи-

тельно мнимого права собственности. Кто разубедит меня в том, что современная эпоха как раз наиболее благоприятна для выполнения этой задачи, что она в этом отношении гораздо более благоприятна, чем эпоха за тысячу лет до нас? Прежде всего, разве обыкновенно о прекращении какого нибудь зла начинают помышлять раньше, чем дали себя почувствовать его отрицательные стороны? А когда люди допустили возникновение права частной собственности, то, по свойственной им непредусмотрительности, они не предвидели всех неудобств, которые оно должно было породить в будущем. Тогдашний уровень их умственного развития, их неопытность делали их неспособными к такой сообразительности. И даже если бы кто-нибудь тогда крикнул им: „Вы погибли, если забудете, что земные плоды принадлежат всем, а земля — никому“, то я все-таки сомневаюсь, чтобы они послушались какого либо совета или пожелали ему верить. Притом, так как печальные результаты этого института сказались в очень чувствительной форме не сразу, то предложение, клонящееся к его реформе, и несколько столетий спустя вряд ли встретило бы лучший прием. А затем, когда зло дало себе почувствовать, то к этому времени оно незаметно проникло уже во все поры общества, люди по вполне понятным причинам уже считали его совершенно естественным, а во многих случаях успели даже позабыть о его происхождении; все эти обстоятельства привели к тому, что люди с ним свыклись и признавали его неизменным учреждением: его же не преидеши; невежество, суеверие и авторитет объединились для того, чтобы помешать человечеству разглядеть его истинную причину или собраться с силами для нападения на него.

Но в настоящее время, когда гангрена распространилась настолько, что не осталось ни одного неохваченного ею места, когда весь народ был доведен до того, что принужден был довольствоваться двумя унциями хлеба в день, а затем платить по 60 сантимов за фунт; когда масса, подавляющее большинство принуждено было продавать свое последнее рубище, чтобы раздобыть кусок хлеба и совсем обходиться без него, когда последняя тряпка была продана; когда народ просвещен, он способен выслушивать разумные советы и своим положением подготовлен к быстрому восприятию драгоценной истины, гласящей: Плоды принадлежат всем, земля же никому; когда является Антонель и говорит ему: „Коммунизм это единственно справедливая и единственно нормальная форма общежития; вне его немыслимо существование мирного и действительно счастливого общества“; я не вижу, почему бы этот народ, который, конечно, хочет добиться хорошей жизни, а следовательно, хочет всего того, что справедливо и хорошо, не мог бы притти к торжественному провозглашению своего желания установить такой порядок, при котором только и воз-

жно мирное и действительно счастливое общежитие.

В эпоху, когда пагубные последствия права собственности достигли крайних пределов, нельзя говорить, что этот роковой институт пустил слишком глубокие корни; напротив, как мне кажется, корни его по большей части уже подгнили и все дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка. Экспроприруйте массу, отдайте ее во власть кучки прожорливых эксплуататоров, — и корни рокового института частной собственности уже потеряли свою непоколебимую крепость. Среди обездоленных скоро начинается работа мысли, они начинают сознавать ту великую истину, что земные плоды принадлежат всем, а земля не принадлежит никому, что забвение этой истины привело нас на край гибели; что большинство граждан, оставаясь рабом и жертвой угнетающего меньшинства, поступает бессмысленно; что более чем смешно примиряться с этим игом и не стремиться к установлению коммунистического строя, единственно справедливого, единственно нормального, единственно согласного с непорочными велениями природы, строя, вне которого немыслимо существование мирных и действительно счастливых обществ.

Французская революция дала нам сколько угодно доказательств того, что древность злоупотреблений ничуть не мешает их уничтожению, наоборот, их крайности и утомление общества, обусловленное их продолжительным существованием, тем более властно подсказывали необходимость их устранения. Революция наглядно доказала, что французский народ является великим и старым народом, что он из-за этого не утратил способности к радикальному преобразованию своих учреждений и к принесению величайших жертв для их усовершенствования. Разве он, начиная с 1789 года, не изменил всего своего устройства, за исключением единственного института собственности? Какой смысл имеет это исключение, если признать, что оно распространяется на самое зловерное, но самое плачевное создание нашей фантазии?

Неужели в этом случае древность злоупотребления помешает осуществить реформу, в то время, как это соображение не могло предохранить от уничтожения все другие злоупотребления?“

(«Tribun du Peuple» № 37, от 30 Фримера IV года).

9. Законы буржуазии — кодекс грабежа.

„Вы будете несколько изумлены (если только вы искренно приводите такие жалкие аргументы), когда мы сейчас вам докажем, что рекомендуемое нами действительное равенство является единственно священной и что оно практически осу-

ществимо, а что наши институты твоего и моего пределяют, напротив, анархию, грабеж, убийство; именно они возводят воровство в принцип и что именно благодаря им бандит, не желающий работать, отнимает у деятельного и предприимчивого труженика орудия производства, необходимые ему для снискания себе пропитания.

Люди рождаются равными в правах.

Вы, конечно, признаете неоспоримость этого первого пункта. Если я прибавлю: и остаются, то я надеюсь, что и с этим также согласитесь, — и таким образом, все социальное право можно будет сформулировать в следующих немногих словах: люди рождаются и остаются равными в правах. Итак, всякое законодательство должно основываться на этом принципе. Поэтому все должно быть направлено к тому, чтобы помочь людям остаться такими, какими они рождаются, то есть, равными в правах, так как они постоянно равны в потребностях. Вот почему всякий закон, позволяющий или не мешающий им терять это равноправие, является противообщественным законом. В обществе ничто не совершается помимо закона. Поэтому тысяча и одно средство, предоставленное мне законом и дающее мне возможность не оставаться равным большинству моих братьев, приобрести одному столько же прав, то есть предметов потребления, сколько сто тысяч моих ближних; тысяча и одно средство, предоставленное законом миллиону таких бездельников, как я, и дающее им возможность захватывать в свои руки 99/100 предметов, которые должны были бы принадлежать и которые необходимы двадцати пяти миллионам, — все это составляет преступное нарушение основного закона, покушение на оскорбление человечества. Закон, позволяющий мне пускать в ход всевозможные ухищрения и интриги для того, чтобы в четверть часа и без всякого труда, имеющего какой либо действительно полезный характер, поглотить дневной заработок двухсот производительных рук, разве такой закон не возводит воровство в принцип? Разве это не те самые начала, опираясь на которые, г. Трувэ сам прекрасно выясняет, что бандит, не желающий работать, отнимает у деятельного и предприимчивого труженика орудия производства, необходимые ему для снискания себе пропитания? И если разрушительное действие этих жестоких законов довело уже до экспроприации этих столь важных инструментов у подавляющего большинства рабочих, если затем они довели их почти всех до голодной смерти, — разве это не самая плачевная анархия, самый гнусный из всех грабежей, самое низкое из всех убийств?

(«Tribun du Peuple» № 38, 10 Июлиоза IV года).

10. Пропагандистская брошюра. Ответ на письмо, подписанное М. В.

«Фактическое равенство — это конечная цель социального искусства».

Кондорсе. Очерк развития человеческого разума, стр. 329.

„Теперь посмотрим, что понимается под действительным равенством. Основными его условиями являются два существенные признака: Общий труд и общее потребление.

Во-первых, так как труд составляет необходимое условие, без которого общество погибло бы, то никто по справедливости не должен был от него уклоняться; тот, кто это сделал, уменьшил общее богатство, или же взвалил свою работу на плечи своего соседа.

В пользу рекомендуемой нами системы можно привести два сильных аргумента: 1) общий труд увеличит богатство общества, которое при современном положении вещей может рассчитывать на производительный труд лишь незначительной части своих членов; 2) равномерное распределение труда между всеми работоспособными членами общества освободит от невыносимого бремени тех, кого мы обрекли исключительно на истощение своих сил, и возложит на остальных лишь ничтожную долю этого бремени, а при таких условиях труд вскоре делается для всех источником удовольствия и развлечения. Я не понимаю, как люди могут признавать наше общественное устройство чуть ли не идеальным, когда широкие народные массы влачат более жалкое существование, чем в чисто естественном состоянии. Взгляните на дикаря: охотится ли он, ловит ли рыбу или возделывает землю, плоды его трудов принадлежат ему целиком, и он пользуется всем доступным ему благосостоянием. Напротив, наши наемные рабочие и крестьяне не только не пользуются продуктами своего труда и не наслаждаются благами современной цивилизации, но даже принуждены уступать продукт своего труда алчным и праздным собственникам, при чем им самим приходится в буквальном смысле страдать от голода, жажды и непогоды.

Каждый человек должен работать на великую общественную семью и получать от нее содержание, развлечения и счастье — вот глас природы; вот порядок, при котором равенство перестает быть пустым звуком, а свобода каждого члена общества прочно обеспечена.

Ты, гражданин М. В., говоришь об отказе от всех вкусов и всех склонностей, об уравнивании пропитания художника и сапожника и о гибели изящных искусств, как о плачевных последствиях системы действительного равенства, нелепость которой ты думаешь таким образом доказать. Это возражение свидетельствует о том, что ты не свободен от наших старых

предрассудков. Думать, что восстановление равенства равносильно возвращению в состояние варварства и скотства, значит не понимать его устройства. Упрекать нас в проповеди бессмысленного аскетизма, в то время как мы стремимся положить конец неисчислимым и вечным лишениям большинства людей, в то время как мы хотим, чтобы труд человека давал ему право на спокойное и приятное существование, это значит или обнаруживать полное непонимание, или же признать свою солидарность с теми, кому изнеженность и отвращение к труду внушает вражду к равенству.

В самом деле, какой бы это был неслыханный ужас, господин М. В., если бы потребляемые вами хлеб, мясо, вино и одежда шли из того самого магазина и отличались теми же качествами, как и пища и одежда какого-нибудь сапожника. Но вот вопрос: зачем это природа вздумала одарять это грязное животное желудком и чувствами на подобие ваших? Несчастный! неужели вам, утопающему в роскоши, для полноты счастья требуется еще картина чужих страданий?

Мнимая гибель ремесел и изящных искусств также представляет одно из сногшибательных возражений тех остроумцев, которые хотели бы убедить кого-то, что все погибло, если у них отнимут их отличия, привилегии и узурпированный почет. Конечно, если эта гибель непременно должна иметь место, народная масса, которой решительно чужды все достоинства изящных искусств, не почувствует от этого никакой неприятной перемены. Но такого исхода нечего опасаться: очевидно, что при нашем эгалитарном устройстве искусство получит новые импульсы в виду полезности для всего общества и примет возвышенный отпечаток великих чувств, естественно порождаемых широким содружеством счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, одеваться, пользоваться развлечениями на началах равенства и умеренности; и из всех государств одна только коммунистическая республика будет богата, блестяща и всемогуща.

Некоторые профессии, продукты которых служат для увеселения ничтожной кучки паразитов и для высасывания из них принадлежащих им огромных богатств, уступят, конечно, место другим профессиям, способным повысить благосостояние широких общественных масс. Но пожалее ли ктонибудь о такой перемене? Когда наука и искусство освободятся от такого стимула, как периодическая стеснительная нужда, гениальный человек станет руководствоваться только стремлением к славе и, быстро стряхнувши с себя иго лести и эгоизма меценатов, начнет служить исключительно интересам всего общества.

Место фривольных поэм, неказистой архитектуры и бесцветных картин займут цирки, храмы и прекрасные портики, где верховный народ, ныне живущий в худшей обстановке, чем домашние животные, станет черпать в памятниках и философских творениях знание, пример и любовь к мудрости.

В этом увлекательном плане, прелести которого я набрасываю здесь лишь в самых общих чертах, мы найдем разрешение проблемы: найти такое устройство, при котором каждый человек при минимальной затрате труда мог бы пользоваться величайшими удобствами жизни.

Таким образом, разнообразные продукты, произведенные всеми, будут принадлежать массе народа, которая затем займется их распределением в интересах максимального счастья каждого члена общества. Итак, гражданин М. В., ты видишь, что речь идет не об обречении людей на аскетическую жизнь, а, наоборот, об уменьшении лишений, испытываемых массой.

Ты должен также понять, что так как при рекомендуемом нами устройстве искоренение алчности положило бы конец соперничеству, интригам и взаимному недоверию, то люди действительно сделались бы братьями, глубоко заинтересованными в сохранении такого порядка, который обеспечивает общее благоденствие.

Французской Революции суждено было осуществить на практике философские воззрения, некогда признававшиеся совершенно химеричными. Мы начали, доведем же дело до конца. Если мы остановимся на том месте, на котором мы находимся в настоящий момент, то человечеству не за что будет особенно нас благодарить.

Для перехода от нынешнего ненормального состояния к тому, которое я отстаиваю, необходимо:

1. Сосредоточить все наличные богатства в руках Республики;
2. Сделать труд обязательным для всех трудоспособных граждан сообразно способностям и привычкам каждого;
3. Использовать отдельные виды работ, сблизивши те из них, которые взаимно содействуют друг другу, и давши новое направление тем, которые являются исключительно результатом современной концентрации богатств;
4. Постоянно собирать в общественные склады все продукты земледелия и промышленности;
5. Озаботиться равномерным распределением продуктов и развлечений;
6. Положить конец всякой частной собственности и торговле и заменить их рациональной системой распределения, поручивши это дело органам государственной власти;
7. Основать общие воспитательные дома, в которых дети будут приучаться к труду, наиболее отвечающему их силам и наклонностям.

Таким образом, эгоизм перестанет быть основным двигателем деятельности и труда отдельных лиц, которые, при всем разнообразии назначения производимых ими продуктов, будут получать одинаковое вознаграждение в виде пищи, одежды и пр.

Из этого вывода наши богачи извлекают два возражения против нас:

1. Потребность в пропитании и надежда на улучшение своего положения побуждают людей к труду и воспроизводству; с уничтожением этой потребности и этой надежды труд прекратится, воспроизводство ослабеет и общество погибнет.

2. Если за всякий вид труда полагается одинаковое вознаграждение, то этим самым устраняются всякие побуждения к научным исследованиям, которые приводят к открытиям, полезным для общества.

Я отвечаю:

1. Не трудно раз'яснить всем, что при самом коротком рабочем дне можно обеспечить всем членам общества более приятную, чем в настоящее время, жизнь, свободную от постоянно терзающих нас опасений, а человек, который в настоящее время надрывается над непосильной работой за ничтожное вознаграждение, наверно, согласится работать мало, чтобы получить много.

Впрочем, это возражение всецело покоится на характерном для настоящей эпохи мрачном представлении о труде; в нашем идеальном общегитии труд, разумно распределенный между всеми членами общества, сделается приятным и веселым занятием, уклоняться от которого ни у кого не будет ни охоты, ни интереса.

2. Достаточно, думается мне, доказано, что научный прогресс обуславливается не столько погоней ученых за материальными благами, сколько стремлением их к славе; а в таком случае наше общество, построенное на действительно философских началах, располагающее всеми средствами для серьезного и искреннего исследования своих благодетелей, имеет больше оснований рассчитывать на успешное развитие науки, чем современное развращенное общество, где гений и добродетель пользуются презрением и обречены на нужду, тогда как глупость и преступление почти всегда пользуются почетом и утопают в роскоши.

Я достаточно сказал для того, чтобы читатель мог по совести признать, что принцип алчности и эгоизма, лежащий в основе наших учреждений, заслуживает решительного осуждения, и что для прекращения разлагающих и гнетущих нас смут, страданий и произвола мы должны вернуться к нормальному социальному устройству, при котором каждый человек, внося одинаковую лепту в общее достояние, мог бы пользоваться за то одинаковыми выгодами; ибо всем хитроумным аргументам экономистов никогда не удастся убедить здравомыслящих и честных людей в справедливости такого порядка, при котором те, кто ничего не делает, владеют всем и поработщуют, унижают и оскорбляют тех, кто делает все и не имеет почти ничего.

Гражданин М. В. в виде возражения против рекомендуемой нами системы равенства приводит еще необходимость правительства и слишком крупные размеры территории Республики.

Ответить на эти возражения не трудно.

1. Лица, на которых будет возложена обязанность охранять эту систему, отличающуюся крайне простым механизмом, должны рассматриваться как работники, необходимые для общего блага; а так как они не смогут получать большего вознаграждения, чем остальные граждане, заинтересованные в строгом контроле над их действиями, то нет никаких оснований опасаться, чтобы они попытались сохранить свою власть вопреки желанию народа.

2. Если все препятствия, выдвигаемые предрассудками против коллективного труда и общего пользования среди небольшого народа, могут быть легко побеждены, то нет никаких оснований, по которым это самое не могло бы произойти в такой большой стране, как Франция. Прежде всего, что касается вопроса о труде, то легко представить себе, каким образом граждане могут работать каждый в том месте, которое будет ему отведено, причем в распределении работ придется считаться с качеством почвы. Что же касается равномерного распределения предметов потребления между всеми коммунами республики или между теми общинами, которые пожелают примкнуть к новой организации в виду своей экономической связи с местностями, находящимися в различных климатах, то я не вижу, почему бы мудрая власть, свободная от тех помех, которые алчное своекорыстие правящих и управляемых ставит в настоящее время всяким операциям этого рода, не могла бы организовать такого распределения в форме более удовлетворительной для граждан, при нынешнем положении вещей часто страдающих от недостатка с'естных припасов, вызванного проделками спекулянтов.

По моему, при таком устройстве:

1. Ремесла, благодаря мудрости учреждений, начнут перемещаться туда, где они смогут быть наиболее полезными; их сближение с земледелием приведет к исчезновению крупных городов, этого скопища всех пороков, и покроет всю Францию сетью деревень, населенных множеством счастливых и свободно размножающихся жителей;

2. Люди, просвещенные и приученные к труду общим воспитанием, будут любить свое отечество сильнее, чем в настоящее время они любят свою семью; обсуждая совершенно сознательно общественные дела, они подадут миру первый пример демократии и добродетели, защищаемых многочисленным населением с львиным мужеством;

3. Французы, не знающие денег, лишений, тоски и скопидомства, радостно платя отечеству общую дань трудом, будут наслаждаться природой и посвящать свой досуг общественным празднествам, обсуждению законов и обучению юношества;

4. Общество избавится от тяжб, ненависти, соперничества и всех пагубных последствий частной собственности;

5. Законодательство вернется к более простым принципам и превратится в искусство просвещать народ и давать ему полезные развлечения;

6. Если отечество очутится в опасности, то увеличение рабочего дня на полчаса даст ему больше солдат и материальных средств, чем могут в настоящее время доставить все финансисты Европы вместе взятые“.

11. Манифест Равных.

„Французский народ“!

„В продолжение пятнадцати столетий ты жил в рабстве, а следовательно, был несчастен. За последние шесть лет ты мог едва перевести дух в ожидании независимости, счастья и равенства.

Равенство—первое требование природы, первая потребность человека и основная связь всякого законного товарищества. Французский народ! тебе повезло не больше, чем другим народам, населяющим наш злосчастный земной шар... Всегда и повсюду бедный человеческий род, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служит игрушкой в руках своекорыстных честолюбцев и всяких тиранов. Всегда и повсюду людей убаюкивали красивыми словами: никогда и нигде этим словам не соответствовало дело. С незапамятных времен нам лицемерно твердят: „люди равны“; и с незапамятных же времен над человеческим родом нагло тяготеет самое унижительное и самое чудовищное неравенство. С тех пор, как возникло гражданское общество, прекраснейшее достояние человека бесспорно за ним признавалось, но ни разу оно не могло осуществиться на деле; равенство не переставало быть ничем иным, как красивой и бесплодной юридической фикцией. А теперь, когда его требует более могучий голос, нам отвечают: „Замолчите, несчастные! Фактическое равенство—это химера; довольствуйтесь условным равенством; вы все равны перед законом. Чернь, чего тебе еще нужно?“—Чего нам нужно? Законодатели, правители, богатые собственники, теперь послушайте вы в свою очередь.

Мы все равны, не правда ли? Этот принцип остается бесспорным, потому что разве только помешанный станет серьезно уверять, что на дворе ночь, когда стоит день.

Так вот. Отныне мы намерены жить и умереть равными, какими мы родились: мы требуем действительного равенства или смерти; вот чего нам нужно.

И мы добьемся его, этого действительного равенства, какой бы то ни было ценой. Горе тем, кого мы встретим на пути к нему. Горе тому, кто вздумает сопротивляться провозглашенному таким образом желанию.

Французская революция является только предвестницей другой, более великой и более торжественной революции, которая будет уже последней.

Народ раздавил королей и попов, объединившихся против него, точно так же он поступит с новыми тиранами, с новыми политическими лицемерами, усевшимися на место старых.

Чего еще нам нужно, кроме юридического равенства?

Нам нужно не только это право, в виде записи, внесенной в Декларацию прав человека и гражданина, мы хотим чувствовать его среди нас, под кровлей наших домов. Для достижения его мы согласны на все, мы готовы снести все до основания, лишь бы остаться при одном равенстве. Пусть погибнут, если нужно, все искусства, лишь бы у нас осталось действительное равенство.

Законодатели и правители, столь же бездарные, сколь и бессовестные, богатые и бессердечные собственники, тщетно пытаетесь вы парализовать наше святое предприятие, говоря: „Они просто снова выдвигают аграрный закон, которого уже неоднократно требовали до них“.

Клеветники, замолчите! теперь и вы в смущенном молчании выслушайте наши требования, продиктованные природой и основанные на справедливости.

Аграрный закон или всеобщий земельный передел был многолетним пожеланием некоторых беспринципных рядовых, некоторых народностей, руководимых не столько разумом, сколько инстинктом. Мы стремимся к более высокой и справедливой цели, а именно к коллективной собственности или к общности имущества. Долой частную собственность на землю, земля не принадлежит никому. Мы требуем и добиваемся общего пользования земными плодами: эти плоды принадлежат всем.

Заявляем: мы не можем дольше терпеть, чтобы подавляющее большинство людей надрывалось над работой к выгоде и удовольствию ничтожной кучки.

Достаточно и даже слишком долго какой-нибудь миллион людей распоряжался тем, что принадлежит свыше чем двадцати пяти миллионам их ближних, их равных.

Пусть прекратится, наконец, это позорное положение вещей, в существование которого наши внуки не захотят верить. Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на богатых и бедных, на великих и малых, на господ и слуг, на правящих и управляемых.

Пусть между людьми не останется других различий, кроме различий возраста и пола. Так как все люди имеют одинаковые потребности и обладают одинаковыми способностями, то пусть все они пользуются одинаковым воспитанием и одинаковым пропитанием. Довольствуются же они одним солнцем и одним воздухом на всех: почему бы каждый из них не мог

удовлетвориться одинаковым количеством пищи одного и того же качества?

Но вот враги самого естественного порядка вещей, какой только возможно придумать, уже поднимают шум против нас.

Разрушители и бунтовщики—говорят они нам—вы стремитесь только к убийству и грабежу.

Французский народ!

Мы не станем тратить времени на ответы этим господам, но тебе мы скажем: организуемое нами священное предприятие не имеет никакой другой цели, кроме стремления положить конец гражданской смуте и общественным бедствиям.

Никогда не замышлялся и не приводился в исполнение более широкий план. Изредка на протяжении истории отдельные гении и мудрецы заговаривали о нем тихо и робко. Но ни у одного из них не хватило мужества открыто высказать всю правду до конца.

Наступил момент решительных мер. Зло дошло до апогея, оно распространилось по всему лицу земли. Вот уже три столетия, как хаос под названием политики царит на ней. Пусть же вернется порядок и вновь воцарится нормальное положение вещей.

Пусть по кличу равенства организуются элементы, стремящиеся к справедливости и счастью.

Настало время основать Республику Равных, эту великую обитель, гостеприимно открытую для всех людей. Наступили дни всеобщего искупления. Стонущие семьи, придите усесться за общим столом, накрытым природою для всех своих детей.

Французский народ!

Тебе суждено покрыть себя величайшей славой. Да, ты первый должен явить миру это трогательное зрелище.

Традиционные привычки, застарелые предрассудки снова пытаются помешать основанию Республики Равных. Возможно, что организация действительного равенства, которое одно способно дать удовлетворение всем потребностям, не нарушая ничьих интересов и не требуя никаких жертв, вначале понравится не всем.

Эгоисты и честолюбцы придут в величайший гнев. Владельцы несправедливо нажитых богатств поднимут вопль о нарушении справедливости. Некоторые люди, разжиревшие на чужой счет, будут горько сожалеть о наслаждениях, удовольствиях и развлечениях, в настоящее время доступных исключительно им одним. Сторонники неограниченной власти, низкие опоры деспотизма вряд ли согласятся на низведение своих блестящих владык к уровню действительного равенства. Их узкий кругозор мешает им понять близкое будущее, несущее с собой господство всеобщего счастья; но что могут поделать несколько тысяч недовольных против массы людей, счастливых и пора-

женных тем, что они так долго искали счастья, которое находилось у них под рукой?

На другой день после этой истинной революции они с изумлением скажут: „Вот как? Общее счастье было так возможно? Нам стоило только его захотеть. Ах, почему мы не захотели его раньше? Неужели же нужно было столько раз говорить нам об этом? Да, без сомнения, если один только человек на земле оказывается более богатым или более могущественным, чем его ближние, его равные, то равновесие уже нарушено: преступление и несчастье воцарились на земле“.

Французский народ!

По какому же признаку должен ты отныне распознавать достоинства конституции?... Только та конституция, которая всецело основана на фактическом равенстве, может подойти тебе и удовлетворить все твои пожелания.

Аристократические хартии 1791 и 1795 года не разбивали твоих цепей, а лишь прочнее заклепывали их. Конституция 1793 года фактически была значительным шагом вперед на пути к действительному равенству; никогда еще человечество не подходило к нему так близко; но и эта конституция не затрагивала еще конечной цели и не бралась разрешить вопрос о всеобщем счастье, великий принцип которого она, однако, торжественно провозглашала.

Французский народ!

Открой глаза и сердце полноте блаженства: признай и провозгласи вместе с нами Республику Равных“.

12. Содержание учения Бабефа, об'явленного директорией вне закона за проповедь правды.

„1. Природа дала каждому человеку одинаковое право на пользование всеми благами.

2. Цель общежития заключается в охране этого равенства, в естественном состоянии подвергшемся нападению сильных и злых, а также в повышении общего благосостояния при содействии всех членов общества.

3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не мог уклониться от этой обязанности, не совершая преступления.

4. Труд и потребление должны носить коллективный характер.

5. Угнетение имеет место, когда один надрывается над непосильной работой и нуждается во всем, в то время как другой, ничего не делая, утопает в роскоши.

6. Никто не может, не совершая преступления, присвоить исключительно себе поземельную или промышленную собственность.

7. В нормальном обществе не должно существовать ни богатых, ни бедных.

8. Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу нуждающихся, являются врагами народа.

9. Никто не может, с помощью монополистических приемов, лишить другого образования, необходимого для его благосостояния; образование должно быть общим.

10. Цель революции заключается в уничтожении неравенства и восстановлении всеобщего счастья.

11. Революция еще не закончена, так как богатые монополизуют все имущества и всю власть, тогда как бедные работают, как настоящие невольники, чахнут в нищете и не играют никакой роли в государстве.

12. Конституция 1793 года является настоящим законом французов, потому что народ торжественно утвердил ее, потому что Конвент не имел права изменять ее; потому что, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее применения: потому что он изгнал и убил депутатов, которые, защищая ее, исполняли свой долг; потому что террор против народа и влияние эмигрантов руководили составлением и мнимым утверждением конституции 1795 года, не имевшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793 года; потому что конституция 1793 года санкционировала неотъемлемое право каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, иметь право собраний, требовать того, что он считает полезным, и не умирать с голода; эти права открыто и всецело нарушены контр-революционным актом 1795 года.

13. Конституция 1793 года обязует каждого гражданина восстановить и защищать волю и счастье народа.

14. Все власти, установленные мнимой конституцией 1795 г., незаконны и контр-революционны.

15. Поднявшие руку на конституцию 1793 года виновны в оскорблении народного суверенитета.

13. Проекты декретов законодательства Равных.

А. Декрет об обеспечении санюлотов жилищем и мебелью.

РАВЕНСТВО. СВОБОДА.

Всеобщее благосостояние.

Инсurreкционный ¹⁾ Комитет всеобщего спасения

принимая во внимание, что народ уже с давних пор кормил одними пустыми обещаниями, и что, наконец, пришло время действительно позаботиться о его благосостоянии—этой единственной цели революции,

¹⁾ Повстанческий.

принимая во внимание, что настоящее всеобщее восстание навсегда должно положить конец нужде, этому неиссякаемому источнику всякого угнетения, постановляет следующее:

I.

Как скоро кончится восстание, те из беднейших граждан, настоящие жилища которых неудовлетворительны, возвращаются не в свои старые квартиры, но немедленно же размещаются в домах заговорщиков.

II.

Мебель богатых употребляется для того, чтобы обеспечить санюлотам достаточную меблировку.

III.

„Революционным Комитетам Парижа поручается выработать соответственные мероприятия для немедленного и точного выполнения этих постановлений“.

Б. Декрет об одежде для бедняков.

СВОБОДА. РАВЕНСТВО.

Всеобщее благосостояние.

Инсurreкционный Комитет всеобщего спасения постановляет:

I.

Беднейшие граждане, лишенные тиранией одежды, на следующий день одеваются на средства республики.

II.

Для этой цели революционные комитеты Парижа немедленно отпечатывают все магазины и склады материй, одежды, обуви и других принадлежностей одеяния.

В. Проект экономического декрета.

Статья 1. В республике учреждается великая национальная общность благ.

Статья 2. Национальная общность благ касается следующих предметов:

земель, объявленных национальным имуществом и не проданных к 9-му термидору II-го года;

тех земель врагов революции, которые декретом 8 и 13 вантоза II-го года назначались бедным;

земель, конфискованных и имеющих быть конфискованными на основании судебных приговоров республики;

зданий, служащих в настоящее время общественным нуждам; земель, отданных законом 10 июня 1793 года в собственность общин;

земель, отданных под госпитали и общественные учебные заведения;

земель, уступленных добровольно собственниками республики;

земель тех лиц, которые обогатились при исполнении общественных должностей;

земель, оставленных собственниками необработанными.

Статья 3. Наследственное право отменяется; все земли, принадлежащие в настоящее время частным лицам, становятся после их смерти национальной собственностью.

Статья 4. Настоящими собственниками должны считаться также дети еще живого отца, не призванные законом в армию.

Статья 5. Каждый француз, без различия пола, отдающий отечеству все свое имущество и посвящающий ему самого себя, свой труд, к которому он способен, становится участником великой национальной общности благ.

Статья 6. Все, достигшие 60 лет, так же, как и все калеки, если они бедны, становятся участниками национальной общности благ.

Статья 7. Точно также участниками являются обучающиеся в национальных учебных заведениях молодые люди.

Статья 8. Собственность, принадлежащая нации, будет обща применяться к производству здоровыми членами нации.

Статья 9. Великая национальная община обеспечивает всем своим членам равные и достаточные средства существования; она снабжает их всем, в чем они нуждаются.

Статья 10. Республика приглашает всех добрых граждан содействовать успеху этой реформы добровольной передачей своего имущества общине.

Статья 11. С.... числа никто не может нести военной или гражданской службы, если он не является членом общины.

Статья 12. Великая национальная община будет управляться местными чиновниками, избранными членами общины, на основании законов и под руководством высшей администрации.

Г. Декрет об общественных работах.

Статья 1. Каждый член общины обязывается принимать участие во всех работах в сельском хозяйстве и в промышленности, к которым он способен.

Статья 2. Исключаются лица, достигшие 60 лет, и лица, обладающие физическими недостатками.

Статья 3. Те граждане, которые сделали членами общины вследствие добровольной отдачи своей собственности, не будут привлекаться к производству грубых работ, если они достигли сорокалетнего возраста и перед опубликованием этого манифеста не занимались ремесленной работой.

Статья 4. В каждой общине граждане будут разделены на классы; число классов будет соответствовать числу полезных

профессий; каждый класс будет заключать в себе всех лиц, занятых в одной и той же профессии.

Статья 5. Каждый класс имеет своих выборных чиновников. Эти чиновники руководят работами, надзирают за равным распределением их, издают распоряжения по управлению общиной и подают пример усердия и прилежания.

Статья 6. Закон определяет на каждое время года продолжительность рабочего дня.

Статья 7. В каждой общине существует совет старейших, составленный из делегатов от различных профессиональных классов. Этот совет заведует управлением, особенно же всем тем, что относится к распределению, более удобной организации и улучшению работ.

Статья 8. Администрация заботится о применении в работе общины тех машин и приемов труда, которые могут уменьшить тяжесть работы.

Статья 9. Администрация общины осуществляет постоянный надзор над положением рабочих различных классов, над ходом их работ и делает регулярные донесения об этом высшей администрации.

Статья 10. Перемещение рабочих одной общины в другую будет производиться высшей администрацией на основании ее сведений о силах и потребностях общин.

Статья 11. Высшая администрация под наблюдением общин будет привлекать к принудительным работам тех лиц обоего пола, которые подают вредный пример или недостатком гражданского смысла и недостаточным прилежанием или своей роскошью и распутством. Их имущество отходит к национальной общине.

Статья 12. Представители каждого класса доставляют годные для сохранения продукты сельского хозяйства и промышленности в магазины общины.

Статья 13. О количестве этих продуктов высшая администрация будет регулярно давать точные отчеты.

Статья 14. Чиновники, принадлежащие к сельскохозяйственному классу, наблюдают за разведением и улучшением животных, употребляющихся для питания, одевания, перевозки и различных работ.

Д. О распределении и пользовании благами общины.

Статья 1. Ни один член общины не может требовать себе больше того, что назначено ему соответственными учреждениями на основании закона.

Статья 2. Национальная община обеспечивает с этого момента каждому из своих членов:

Здоровое, удобное и хорошо меблированное жилище.

Платье для работы и для отдыха из полотна или шерсти, смотря по требованиям национального костюма.

Освещение, отопление и поддержание чистоты.

Достаточное количество пищевых продуктов, каковы суть: хлеб, мясо, дичь, рыба, яйца, масло, вино и другие напитки, употребительные в различных местностях; зелень, плоды, корни и другие предметы, соответствующие умеренному и простому образу жизни.

Медицинскую помощь.

Статья 3. В каждой общине существуют в определенное время общественные обеды для ее членов.

Статья 4. Гражданские и военные чиновники получают такое же содержание, как и члены национальной общины.

Статья 5. Всякий член национальной общины, получающий жалованье или хранящий деньги, будет наказан.

Статья 6. Члены национальной общины получают общую порцию только в том округе, где они живут. Из этого правила исключаются случаи перемещения, одобренные администрацией.

Статья 7. Граждане имеют свое место жительства в той общине, где они находились во время объявления этого декрета. Место жительства воспитанников национальных учебных заведений находится в тех общинах, где они родились.

Статья 8. В каждой общине существуют чиновники, распределяющие продукты сельского хозяйства и промышленности между членами национальной общины и доставляющие их на дома.

Статья 9. Принципы этого распределения будут определены законом.

Дальнейшее содержание проекта мы дадим в изложении.

Для управления национальными имуществами вся страна подразделяется на области, состоящие из смежных департаментов, производящих приблизительно одни и те же продукты; высшее административное учреждение определяет род и количество продуктов, приходящихся на каждую область; промежуточные административные учреждения наблюдают за выполнением этих предписаний и делают соответственные донесения высшему учреждению; это последнее, соображаясь с этими донесениями, регулирует общее распределение продуктов между областями, пополняя дефицит одних на счет излишка других, или вступая в обмен с границей. Десятая часть общего дохода передается в ведение военной администрации, излишек урожая сохраняется в виде запаса. Частная торговля с другими государствами воспрещается; внешнюю торговлю ведет высшее административное учреждение через посредство своих агентов, обменивая на излишки продуктов земледелия и промышленности недостающие Франции продукты.

Распределение продуктов между отдельными областями производится особыми агентами под руководством промежуточных административных учреждений и под общим контролем высшего учреждения; граждане, занятые этой перевозкой, получают содержание в той общине, где они в данную минуту находятся.

Налогами облагаются только лица, не принадлежащие к общине; они уплачивают налоги натурой в раньше установленных размерах.

Республика не фабрикует денег; те же деньги, которые имеются у нее, будут обращены на покупку нужных продуктов у других народов. Всякий принадлежащий к общине, предложивший деньги одному из членов ее, будет строго наказан.

14. Письмо Бабефа исполнительной Директории.

«Париж, 21 Флореаля (12 мая), IV г. республики».

Гражд. Бабеф — Исполнительной Директории.

„Считаете ли Вы, граждане директоры, ниже своего достоинства обращаться со мной, как сила с силой? Вы видели, что моя партия во всяком случае равняется Вашей. Вы видели, какие громадные разветвления она имеет. Я более, чем убежден, что эти наблюдения заставили Вас дрожать.

В Ваших ли интересах, в интересах ли отечества подымать шум по поводу заговора, который Вы открыли? Я не думаю. И я докажу Вам это, как бы ни показалось подозрительно мое мнение.

Что могло бы случиться, если бы это дело возбудило большой шум? Мне пришлось бы при этом играть самую славную роль. Со всем величием души, со всей энергией, которую Вы во мне знаете, я стал бы доказывать святость заговора, от участия в котором я ни одну минуту не стал бы отречься. Презирая вообще негодное и трусливое средство отречения, к которому прибегают обыкновенные обвиняемые, я осмелился бы развивать великие принципы и проповедывать вечные права народа; при этом на моей стороне было бы все то преимущество, которое дается глубоким проникновением в красоту величия этих вопросов. Я имел бы мужество, говорю я, доказать, что этот процесс ведется не справедливостью, но есть процесс сильного против слабого, угнетателей против угнетенных и их великодушных защитников. Меня можно было бы приговорить к смерти, к ссылке, но приговор надо мной явился бы преступлением, которое сила совершила над бессилой добродетелью; мой эшафот был бы не менее славен, чем эшафоты Сиднея и Барневельта. Но разве Вы хотите, хотя бы и ценою моей смерти, создать новый алтарь на ряду с теми, которые поставлены в честь Робеспьера и других мучеников? Это не тот путь, посредством которого можно упрочить положение правительства и правящих.

Вы видели, граждане директоры, что, имея меня в своей власти, Вы еще не имеете ничего. Я не весь заговор, совсем нет. Я только одиночное звено великой цепи, из которой он состоит. Вы должны столько же бояться и всех других партий, как и моей. Вы имели доказательства того, какое боль-

шое участие принимают они во мне. Вы должны были бы поразить все эти партии; если Вы поразите только меня, Вы усилите их ярость.

Вы возбудили бы гнев всей демократии французской республики, говорю я, и Вы знаете теперь, что это не такая незначительная вещь, как может быть уверяли Вы себя сначала. Поймите, что она сильна не только в Париже—что нет ни одного места в департаментах, где она не имела бы влияния... Легко было принять решение потушить священный огонь, но он горит и будет гореть. И если иногда он и кажется потухшим, то в такие минуты еще более следует бояться, что его пламя внезапно вырвется со всей своей воспламеняющей силой.

Вы хотели одним ударом освободить себя от этой великой партии санкюлотов, которая все еще не хочет признать себя побежденной? Прежде всего Вы должны верить в возможность этого. Но где Вы будете находиться тогда? Ваше положение ни в каком случае не одинаково с положением того, кто после смерти Кромвеля изгнал из Англии несколько тысяч республиканцев. Карл II был королем, а Вы, что бы там ни говорили, пока еще не короли; Вы нуждаетесь в партии, чтобы опереться на нее и оправдать себя. И если Вы удалите партию патриотов, то Вы останетесь один на один с роялизмом. Какой путь, думаете Вы, укажет он Вам, если Вы одни будете противостоять ему?

Но, скажете Вы, патриоты так же опасны нам, как и роялисты, может быть, даже еще опаснее. Вы ошибаетесь. Исследуйте ближе характер движения патриотов, и Вы убедитесь, что они нисколько не хотели Вашей смерти. Они хотели избрать другую дорогу, чем Робеспьер, они не хотели крови; они хотели заставить Вас самих признать, что Вы воспользовались Вашей властью для угнетения, что Вы лишили ее всех демократических форм и гарантий, и они хотели взять ее из Ваших рук. Они никогда и не подумали бы об этом, если бы Вы исполнили, притворно данное Вами обещание править демократически.

Я сам в первом номере моего журнала указал Вам путь к этому, я указал Вам, каким образом Вы могли бы, по моему мнению, заслужить любовь и благословение народа... Я указал Вам, каким образом Вы могли бы уничтожить все то, что в характере Вашего правления было противоречащего истинным республиканским принципам.

Еще и теперь есть время. Тот оборот, который приняло это дело, может быть для Вас и для общего блага полезным и спасительным. Неужели Вы отнесетесь с неуважением к моему мнению, к моему совету, которые соответствуют Вашим интересам и интересам отечества и которые состоят в том, чтобы не делать шума из этого дела?... Не думайте, что шаг, который я делаю, продиктован моими интересами. Необычная откровенность, с которой я говорю и тем самым подтверждаю свою виновность в смысле Вашего обвинения, показывает Вам,

что я поступаю так не из слабости. Смерть или изгнание были бы для меня дорогой к бессмертию, и я принял бы их с геройским, религиозным мужеством. Но мое изгнание, изгнание всех демократов не помогли бы Вам и не обеспечили бы спасения республики. Я знаю, что Вы ведь не всегда были врагами этой республики, некогда Вы были даже открытыми убежденными республиканцами; почему Вы не можете быть ими и теперь? Почему нельзя допустить, что Вы, будучи людьми, временно впали в ошибку? Почему, одним словом, нам вместе и порознь не отвернуться от нашего строя, только внешним образом об'единяющего нас, и не соединиться вместе для разумной деятельности? Патриоты, народные массы глубоко возмущены, неужели нужно еще увеличить их раздражение? Какой будет конечный результат этого? Разве эти патриоты не заслуживают того, чтобы, наконец, подумать об излечении их? Вы будете в состоянии, если только захотите, открыть путь, ведущий к спасению, ибо в Ваших руках вся сила общественного управления. Граждане директоры, правьте демократически, вот все, чего хотят от Вас патриоты.

И если я так говорю за них, то я уверен, что они не опровергнут моих слов; я уверен, что они не накажут меня за ложь. Я вижу только один разумный выход: об'явите, что никакого серьезного заговора не было. В настоящую минуту пять человек могут спасти отечество; для этого им нужно только показать себя великими и благородными. Я еще раз уверяю Вас, что патриоты защитят Вас ценой своей собственной жизни, и Вам больше не нужно целой армии, чтобы оградить свою безопасность. Патриоты ненавидят не Вас, они ненавидят только Ваши недемократические мероприятия. За своей ответственностью я предлагаю Вам свое ручательство, которое так же велико, как и моя известность. Вы знаете, каким влиянием на этих людей я пользуюсь—я говорю про патриотов; я употребляю его на то, чтобы убедить их, что они нуждаются в том же, в чем и все, раз Вы стали на сторону народа.

Было бы большим счастьем, если бы это простое письмо могло успокоить Францию. А разве воспрепятствовать тому, чтобы дело, о котором идет речь, получило огласку, не значит в то же время предотвратить то, что может нарушить спокойствие Европы? "

15. Новая песня для населения предместий ¹⁾.

Мотив:

Погибая от голода и холода,
Лишенный всех твоих прав, народ,
Ты тихо-тихо предаешься отчаянию; (Bis)

¹⁾ Составлена Сильвеном Марепалем.

А между тем бесстыдный богач,
Пощаженный некогда твоей добротой,
Громко торжествует. (Bis)

Купающиеся в золоте выскочки,
Не ведающие ни трудов, ни забот,
Захватывают в свои руки улей; (Bis)

А ты, трудолюбивый народ,
Ешь и переваривай, если можешь,
Железо, подобно страусу. (Bis)

Вызывай тени Гракхов,
Публикол и Брутов;
Пусть они послужат тебе опорой. (Bis)

Смелый трибун, поспеши,
Мы ждем тебя: начертай закон
Святого Равенства. (Bis)

Да, трибун, с этим нужно покончить.
Пусть от твоей кисти побледнеют
Люксембург и Верона ¹⁾. (Bis)

Царство Равенства
По свойственной ему простоте не хочет
Ни султанов, ни тронов. (Bis)

Конечно, один миллион богачей
Давно уже держит народ
В состоянии вечного голода; (Bis)

Мы же, жители предместий,
Не хотим ни Люксембургских шуанов,
Ни Вандейских. (Bis)

О вы, машины для изготовления декретов,
Бросьте без сожаления в огонь
Все ваши финансовые планы; (Bis)

Нищие духом, оставьте нас:
Равенство и без вашей помощи
Сумеет вернуть изобилие. (Bis)

Исполнительная Директория
На основании своего канцелярского права
Запрещает нам писать. (Bis)

Ладно, не будем писать; но пусть каждый,
Как добрый брат, конспирирует в тиши
Для торжества всеобщего счастья. (Bis)

Два бесталанных Совета,
Пять директоров, постоянно вздрагивающих
При одном упоминании о пике; (Bis)

Обхаживаемый и балуемый солдат,
Раздавленный демократ
Вот и Республика. (Bis)

Увы! Гордые товарищи доведенного до крайности
Доброго народа, победители королей,
Солдаты, покрытые славой, (Bis)

Увы! Вы стали неузнаваемы.
Неужели вы превратились
В преторианскую гвардию? (Bis)

Объединившись, народ и солдаты
Сумели снести до основания
Трон и Бастилию. (Bis)

Новые тираны, государственные мужи,
Страшитесь товарищеского сближения
Народа с армией! (Bis)

Я твердо рассчитываю на то, что тюрьма
Будет наградой за мою песенку;
Это меня огорчает; (Bis)

Но народ заучит ее наизусть;
Быть может, он помянет автора добрым словом;
И это меня утешает. (Bis)

¹⁾ Директория и Веронские роялисты.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Ph. Buonarrotti «La Conspiration pour l'Égalité, dite de Babeuf».
 2. Ф. Буонаротти «Грахх Бабеф и Заговор Равных» (пер. К. Горбача) Госиздат. 1923 г.
 3. Advielle, «Histoire de Gracchus Babeuf» т. I и II.
 4. Copie de pieces saisies dans le local, que Babeuf occupait lors de son arrestation». Т. I и II.
 5. Débats du procès instruit par la Haute Cour de Justice, seante à Vendome contre Drouet, Babeuf et autres, recueillis par stenographes. Т.т. I — VIII.
 6. M. Espinas «La Philosophie Sociale du XIX siècle».
 7. Lichtenberger «Le Socialisme et la Révolution Française».
 8. Gabriel Deville «Thermidor et Directoire».
 9. M. Aulard «Paris pendant la réaction thermidorienne».
 10. U. G. Weatherly «Babeuf's place in the history of Socialism» a Publication of the American Economist Association 1907, IX.
 11. «Documente der Socialismus» 1904 — 1905 кн. 3 и 4.
 12. В. П. Волгин. «Очерки по истории социализма».
 13. Е. В. Тарле. «Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в.» (СПБ. 1903 г.).
 14. Его же. «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», том 2.
 15. Жбанков. «Грахх Бабеф и Заговор Равных». СПб. 1911 г.
 16. А. Тома. «Бабеф и Заговор Равных». СПб. 1901 г.
 17. Поль Луи «Французские мыслители и деятели XIX в.» СПб. 1905 г.
-